

Председатель редакционного совета журнала

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

Заместитель председателя редакционного совета

СИНЮКОВ Владимир Николаевич проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России.

Главный редактор журнала

СОКОЛОВА Наталья Александровна доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ответственный секретарь

САЛИЯ Марианна Романовна эксперт отдела научно-издательской политики Управления организации научной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Редакционный совет журнала

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин доктор публичного права (Франция).

БОНДАРЬ Николай Семенович доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

БРИНЧУК Михаил Михайлович доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук.

ВААС Берндт профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте (Германия).

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, первый проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

де ЗВААН Яап Виллем профессор кафедры Жанна Монне, почетный профессор кафедры права Европейского Союза Университета Эразмус в Роттердаме (Нидерланды).

ИСАЕВ Игорь Андреевич доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ.

Журнал включен в крупнейшую международную базу данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

КОМОРИДА Акио	профессор Университета Канагава (Япония).
КОЛЮШИН Евгений Иванович	доктор юридических наук, профессор, член Центризбиркома России, заслуженный юрист РФ.
МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович	кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса.
НОГО Срето	доктор юридических наук, профессор Университета Джона Нейсбитта (Белград, Сербия), президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине).
ОТМАР Зойль	доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Ouest-Nanterre-La Defense (Франция).
ПАН Дунмэй	доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ».
ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна	доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
РАРОГ Алексей Иванович	доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы.
РАССОЛОВ Илья Михайлович	доктор юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор журнала «Судебная и правоохранительная практика».
ТУМАНОВА Лидия Владимировна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса и правоохранительной деятельности, декан юридического факультета Тверского государственного университета, заслуженный юрист РФ.
ФЕДОРОВ Александр Вячеславович	кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль».
тер ХААР Берил	доцент Лейденского университета (Нидерланды).
ХЕЛЛЬМАНН Уве	Dr. iur. habil, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).
ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного университета.
ЯРКОВ Владимир Владимирович	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета.

Редакционная коллегия журнала

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна	доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ЕРШОВА Ирина Владимировна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
КАШКИН Сергей Юрьевич	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
КОМАРОВА Валентина Викторовна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
КОРНЕВ Аркадий Владимирович	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ЛЮТОВ Никита Леонидович	доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Chairman of the Council of Editors

**BLAZHEEV
Victor
Vladimirovich** Rector of the Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law, Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

Vice-Chairman of the Council of Editors

**SINYUKOV
Vladimir
Nikolaevich** Vice-Rector on Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Officer of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Editor-in-Chief of the Journal

**SOKOLOVA
Natalia
Aleksandrovna** Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University.

Executive Editor

**SALIYA
Marianna
Romanovna** Expert of the Division for the Scientific and Publishing Policy of the Department for the Organization of Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University.

Council of Editors

**BECHET-GOLOVKO
Karine** Doctor of Public Law (France).

**BONDAR
Nikolay
Semenovich** Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.

**BRINCHUK
Mikhail
Mikhailovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Sector for Environmental and Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

**WAAS
Berndt** Prof., Dr., Professor of the Department of Labor Law and Civil Law under consideration of European and International Labor Law of the Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt (Germany).

**GRACHEVA
Elena
Yurievna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law, First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

**de ZWAAN
Jaap
Willem** Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University Rotterdam (The Netherlands), also Jean Monnet Professor.

**ISAEV
Igor
Andreevich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation.

KOMORIDA Akio	Professor of the Kanagawa University (Japan).
KOLYUSHIN Evgeniy Ivanovich	Doctor of Law, Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation.
MALINOVSKIY Vladimir Vladimirovich	PhD in Law, Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councillor of Justice.
NOGO Sreto	Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University (Belgrade, Serbia), President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of international criminal law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (headquarter in Beijing).
OTMAR Seul	Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Ouest-Nanterre-La Defense (France).
PAN Dunmey	Doctor of Law, Professor of Henan Daxue, «Huang He» Merited Scholar.
PETROVA Tatiana Vladislavovna	Doctor of Law, Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University.
RAROG Aleksey Ivanovich	Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Lawyer of the City of Moscow.
RASSOLOV Ilya Mikhailovich	Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Kutafin Moscow State Law University, Editor-in-Chief of the Journal «Judicial and Law-Enforcement Practice».
TUMANOVA Lidia Vladimirovna	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Process and Law-Enforcement Activities, Dean of the Law Faculty of the Tver State University, Merited Lawyer of the Russian Federation.
FEDOROV Aleksandr Vyacheslavovich	PhD in Law, Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol).
ter HAAR Beryl	Associate Professor of Leiden University (Netherlands).
HELLMANN Uwe	Dr. iur. habil, Professor, Head of the Department of the Criminal and Economic Criminal Law of the Law Faculty of the Potsdam University (Germany).
SHEVELEVA Natalia Aleksandrovna	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the St. Petersburg State University.
YARKOV Vladimir Vladimirovich	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University.

Editorial Board

- GROMOSHINA
Natalia
Andreevna** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- ERSHOVA
Inna
Vladimirovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial and Company Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- ZHAVORONKOVA
Natalia
Grigorievna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- KASHKIN
Sergey
Yurievich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- KOMAROVA
Valentina
Viktorovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- KORNEV
Arkadiy
Vladimirovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- LYUTOV
Nikita
Leonidovich** Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Labour Law and Law of Social Security of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- MATSKEVICH
Igor
Mikhailovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Studies and Criminal Executive Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

СОДЕРЖАНИЕ

Тематический выпуск АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ: ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНОЛОГИИ (К 30-летию КАФЕДРЫ КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА))

Мацкевич И. М. <i>Геометрия уголовного закона</i>	9
Астанин В. В. <i>О состоянии криминологии и ее развитии на профильной кафедре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>	23
Номоконов В. А., Судакова Т. М. <i>Криминология будущего — позитивная криминология?</i>	29
Щедрин Н. В. <i>Пределы предупредительной деятельности</i>	39
Дашков Г. В. <i>Развитие института криминологической компаративистики в Российской Федерации</i>	54

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Антонян Ю. М. <i>Преступники из числа бедных</i>	68
--	----

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Дубовик О. Л. <i>Криминологические и уголовно-правовые предпосылки борьбы с экологическим терроризмом и экологическим экстремизмом в России</i>	75
Куделькин Н. С. <i>Охрана морской среды Арктики: уголовно-правовые и криминологические аспекты</i>	91
Редникова Т. В. <i>Организованная экологическая преступность в России и за рубежом: криминологическая характеристика и меры противодействия</i>	98

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Антонян Е. А. <i>Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения</i>	112
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Кокурин А. В., Петров В. Е. <i>Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием</i>	119
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ БЫТОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Саламова С. Я. <i>Домашнее насилие в современной России: общая характеристика</i>	129
---	-----

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПСИХИЧЕСКИХ ОТКЛОНЕНИЙ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Радько З. Т., Шигина Н. В. <i>Криминологическая характеристика stalking (на примере Италии)</i>	139
---	-----

CONTENTS

Special Issue ACTUAL PROBLEMS OF MODERN CRIMINOLOGY: LEGAL DIMENSION

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF CRIMINOLOGY (DEVOTED TO THE 30TH ANNIVERSARY OF THE DEPARTMENT OF CRIMINOLOGY AND PENAL LAW OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL))

Matskevich I. M. <i>The Geometry of Criminal Law</i>	9
Astanin V. V. <i>Criminology Status and its Development at the Core Department of the Kutafin University (MSAL)</i>	23
Nomokonov V. A., Sudakova T. M. <i>Positive Criminology — the Criminology of the Future?</i>	29
Shedrin N. V. <i>Limits of Preventive Activity</i>	39
Dashkov G. V. <i>Development of the Institute of Criminological Comparativistics in the Russian Federation</i>	54

ECONOMIC AND SOCIAL ASPECTS OF CRIME PREVENTION AND SUPPRESSION

Antonian Yu. M. <i>Criminals from Among the Poor</i>	68
---	----

PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL CRIME COUNTERACTION

Dubovik O. L. <i>Criminological and Criminal-Legal Preconditions of Fight Against Environmental Terrorism</i>	75
Kudelkin N. S. <i>Protection of the Arctic Marine Environment: Criminal Law and Criminological Aspects</i>	91
Rednikova T. V. <i>Organized Environmental Crime in Russia and Abroad: Criminological Characteristics and Countermeasures</i>	98

ISSUES OF JUVENILE CRIME PREVENTION

Antonyan E. A. <i>Enforcement Measures of Educational Influence: Problems of Imposition and Application</i>	112
--	-----

ISSUES OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF THE INDIVIDUAL

Kokurin A. V., Petrov V. E. <i>Personal Characteristics of Military Personnel and Law Enforcement Officers that Determine Psychological Readiness for Duty with Firearm</i>	119
--	-----

ISSUES OF DOMESTIC CRIMES PREVENTION

Salamova S. Ya. <i>Domestic Violence in Modern Russia: General Characteristics</i>	129
---	-----

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MENTAL DISORDERS: VIEWPOINT

Radko Z. T., Shigina N. V. <i>Criminological Characteristics of Stalking (Case Study of Italy)</i>	139
---	-----

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНОЛОГИИ (К 30-летию КАФЕДРЫ КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА))

И. М. Мацкевич*

ГЕОМЕТРИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Аннотация. В теоретической юриспруденции наблюдается определенный методологический кризис, суть которого сводится к тому, что современные исследования практически не обогащают методологию юридической науки новыми подходами, а имеющиеся являются вариациями, причем далеко не всегда удачными, уже известных. Сложившееся положение дел отражается на объективности результатов изучения правовых проблем, их достоверности, научности. Между тем изучение социальных процессов, в частности связанных с действием норм права, формированием и необходимым изменением системы права, может быть представлено в новом свете с учетом анализа динамики реализации правовых норм, установления закономерностей нелинейного характера, исследования разнообразных и многовекторных проявлений правовых отношений в общественной системе координат, исследования других общественных явлений на основе системного подхода и математических расчетов.

В статье применительно к юриспруденции выделяются математические методы для моделирования социально-правовых явлений: 1) правотворчество; 2) правотолкование; 3) правоприменение; 4) правоохранение; 5) правообразование.

В более конкретизированном виде математическая логика применяется для объяснения криминального поведения человека, поиска преступника и изобличения его в случае попытки избежать ответственности за содеянное.

С использованием теории вероятностей удалось разработать судебно-портретную экспертизу, а чуть позже — прийти к дактилоскопической экспертизе. Математические закономерности позволили установить объективность выводов почерковедческих экспертиз. Сегодня математические методы в юриспруденции привели к формированию самостоятельного комплексного научного направления — судебной экспертизы.

Одновременно с этим при помощи правовой статистики удалось выявить устойчивые закономерности преступности как массового социально-негативного явления.

Геометрическая идея оказала значительное влияние на структуру научного знания в юридическом мире и на структуру законодательства, поскольку наличие общих частей в кодексах, а также помещение норм о принципах права в начало некоторых законов представляет собой безусловную традицию геометрической плоскостной юриспруденции.

В статье делается вывод, что система уголовного законодательства не может быть идеальной и не может быть раз и навсегда заданной. Мы живем в евклидовой системе

© Мацкевич И. М., 2018

* Мацкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

immackevich@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

уголовного законодательства, хотя уже давно известна другая, более сложная геометрическая система — воображаемая геометрия Лобачевского или пространственная геометрия.

Ключевые слова: преступность, система, математика, геометрия, закон, Уголовный кодекс.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.009-022

Данная работа является продолжением поиска приемлемой формы системы уголовного законодательства, которая в широком смысле, на мой взгляд, охватывает еще более широкую систему законодательства о борьбе с преступностью. Статья развивает идеи, которые были опубликованы мной в материале «Математическое моделирование уголовного закона»¹.

Надлежащий доктринальный категориальный аппарат математики (единицы измерения, их сложение, вычитание, умножение, деление) составляет основу любой точной науки и не позволяет произвольно трактовать ее определенные положения в зависимости от общественно-политической ситуации в стране и в мире. Как бы эта ситуация ни менялась, математика, физика, химия, астрономия и все другие точные науки остаются неизменными в контексте своего доктринального категориального аппарата. То же самое должно быть и с общественными науками².

Попытки использования точных наук для моделирования правовых норм и правовых систем вообще предпринимались неоднократно. Как справедливо указывают авторы учебного пособия по основам математики для юристов (П. В. Арбузов, С. В. Гуде, В. Н. Герасименко, Д. В. Медянцева), юриспруденция дает широкое поле для применения формализованных, абстрактно-научных приемов мышления. Ученые утверждают, что с помощью математического аппарата в юриспруденции вполне можно найти точные решения³.

В теоретической юриспруденции наблюдается определенный, как говорят некоторые

правоведы, методологический кризис, сводящийся к тому, что современные исследования практически не обогащают методологию юридической науки новыми подходами, а имеющиеся являются вариациями, причем далеко не всегда удачными, уже известных. Сложившееся положение дел отражается на объективности результатов изучения правовых проблем, их достоверности, научности. Между тем изучение социальных процессов, в частности связанных с действием норм права, формированием и необходимым изменением системы права, может быть представлено в новом свете с учетом анализа динамики реализации правовых норм, установления закономерностей нелинейного (я бы сказал, не плоского) характера, исследования разнообразных и многовекторных проявлений правовых и государственных отношений в общественной системе координат, исследования других общественных явлений на основе системного подхода и математических расчетов. Все это позволит взглянуть на известные и много раз изученные традиционные правовые отношения по-новому, возможно, с неожиданных позиций, расширить представление о них, выстроить дополнительную аргументацию при принятии новых законов, а может быть, и при отказе от принятия законов, поскольку при подкреплении математическими расчетами тех или иных позиций выяснится, что эти законы излишни⁴.

Строго говоря, нормы права построены по определенным математическим правилам. Особенно это касается отраслевого законодатель-

¹ Мацкевич И. М. Математическое моделирование уголовного закона // Предупреждение преступности. 2017. № 3. С. 48—54.

² Кириченко А. А. Некоторые новые доктрины юриспруденции научной школы профессора Аланкира // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16—17 октября 2015 г. : избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. Пермь, 2016. С. 93—94.

³ Арбузов П. В., Гуде С. В., Герасименко В. Н., Медянцева Д. В. Высшая математика для юристов. Ростов н/Д : Феникс, 2007. 442 с.

⁴ Горшунов Д. Н. Математические методы в исследовании системы права // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн. 5 : Гуманитарные науки. С. 27—28.

ства. Например, норма права — это формула, состоящая из гипотезы, диспозиции, санкции. В уголовном законодательстве, соответственно, эта формула выглядит как диспозиция и санкция (спорное мнение, существо которого для нас в данном случае неважно). При этом имеются разнообразные комбинации этих элементов в структуре нормы права, что также свидетельствует о существовании сложных и простых формул в юриспруденции.

Правовая норма при этом обладает известными статистическими закономерностями, поскольку она сформулирована таким образом, чтобы применяться многократно, причем ее применение предусмотрено в большинстве случаев не по отношению к конкретному человеку, а к различным индивидам, находящимся в различных социальных и общественных ситуациях.

Л. П. Жагорина провела опрос среди юристов и выяснила, что математические модели в своей практической работе используют 24 % респондентов. При этом 18 % категорически отвергли использование математических методов. Самое интересное, что 58 % юристов затруднились с ответом. (Отсюда возникает закономерный вопрос: что юристы понимают под математическими методами?) Важно отметить, что 88 % опрошенных юристов считают необходимым изучение математики. Среди них 55 % говорят о том, что математику надо изучать в общеобразовательных целях, а 29 % — потому что математические методы являются мощным инструментом для исследований в области общественных отношений, включая правовые отношения. Лишь 2 % юристов сказали, что изучение математики имеет значение только для математиков⁵.

В своей статье Л. П. Жагорина приводит высказывания по поводу использования математических методов в юриспруденции других ученых. В частности, Т. Н. Задонцева полагает, что

значение применения математических методов в юридической деятельности определяется следующими обстоятельствами: во-первых, их использование способствует повышению объективности и точности проводимых исследований и получаемых при этом результатов; во-вторых, наряду с качественными должны быть выявлены и изучены количественные и структурные характеристики объекта познания, а также его функциональные связи и отношения с другими объектами⁶.

Е. В. Шикин говорит о том, что связи между математикой и юриспруденцией начали складываться давно. Достаточно вспомнить, что известный прием — доказательство от противного, — столь плотно и эффективно используемый в математике, пришел в нее из юридической практики времен Древней Греции и Древнего Рима⁷.

Таким образом, математические методы, наверное, одни из самых старых способов изучения правовых вопросов. Пифагор — основатель собственной школы, религиозный и политический деятель, математик и теоретик музыки — одним из первых предпринял попытку теоретической разработки понятий «равенство» и «справедливость», соответствующих первым системным представлениям о праве, на основе их математических (цифровых) характеристик. При этом его исследования связывались с количественными характеристиками применительно не только к праву и государству (полису), но и к поискам функционально оптимальной модели общественного устройства⁸.

В юриспруденции выделяются следующие математические методы для моделирования социально-правовых явлений:

1. Правотворчество, в котором важна математическая логика, которая позволяет улучшить редакцию правовых норм, устранить нечеткие формулировки и упростить громоздкие структуры⁹.

⁵ Жагорина Л. П. Математическое моделирование в подготовке студентов юридических факультетов // Вестник Псковского государственного университета. Серия : Естественные и физико-математические науки. 2008. № 6. С. 115—122.

⁶ Задонцева Т. Н. Задачи математики и информатики в учебном процессе // Актуальные проблемы совершенствования подготовки специалистов с высшим юридическим образованием : материалы научно-методической конференции, Псков, 24 февраля 2004 г. / сост. И. М. Шаманов, С. А. Смирнов, С. Д. Лысых, А. В. Седунов ; под ред. А. И. Юнеля. Псков, 2004. С. 80.

⁷ Шикин Е. В., Шикина Г. Е. Математика : Пути знакомства. Основные понятия. Методы. Модели (Гуманитариям о математике) : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Эдиториал УРСС, 2001. С. 8.

⁸ Горшунов Д. Н. Указ. соч.

⁹ Арбузов П. В., Гуде С. В., Герасименко В. Н., Медянцева Д. В. Указ. соч.

2. Правотолкование, в котором математическая логика дает возможность ясно и четко представить логическую структуру правовой нормы и раскрыть ее глубинное истинное содержание, а также конкретизировать область возможного правового регулирования.
3. Правоприменение, в котором математическая логика позволяет уточнять логический смысл и содержание правовой нормы и правильным образом объяснить не только ее необходимость, но и почему в конкретной ситуации эта норма должна действовать именно так.
4. Правоохранение, в котором пространственная математика (геометрия) помогает представить области общественной жизни, нуждающиеся в правовой регламентации (важен баланс правовой и не правовой (общественной или псевдоправовой) сфер жизни).
5. Правообразование, в котором большое значение имеет теория распознавания образов, которая, в свою очередь, разрабатывает методы выявления важных свойств определенной совокупности объектов охраны общественных отношений и установления по этим свойствам принадлежность объекта к какому-либо типу.

В более конкретизированном виде математическая логика применяется для объяснения криминального поведения человека, поиска преступника и изобличения его в случае попытки избежать ответственности за содеянное.

С использованием теории вероятностей удалось разработать судебно-портретную экспертизу, а чуть позже — прийти к дактилоскопической экспертизе. Математические закономерности позволили установить объективность выводов почерковедческих экспертиз. Сегодня математические методы в юриспруденции привели к формированию самостоятельного комплексного научного направления — судебной экспертизы.

Одновременно с этим при помощи правовой статистики удалось выявить устойчивые закономерности в преступности как массовом социально-негативном явлении, которое, как оказалось, имеет определенную внутреннюю логику и закономерности.

Более того, методы математической статистики применяются для объективного анализа

всей совокупности социологической статистической информации, имеющей значение для объяснения криминогенной ситуации в стране, конкретном регионе и даже на территории относительно небольшого района (то, что М. Н. Гернет называл в свое время моральной статистикой).

Для юриспруденции вообще и объяснения криминального поведения в частности *большое* значение имеет закон *больших* чисел (извините за невольный каламбур).

Закон больших чисел применительно к юридической практике важен по следующим обстоятельствам. В теории вероятностей закон больших чисел, как известно, доказывает, что эмпирическое среднее арифметическое число является результатом конечной выборки из фиксированного распределения данных, близких к теоретическому числу этого распределения, так называемому математическому ожиданию. Различаются: а) закон больших чисел, когда имеет место сходимость по вероятности, и б) усиленный закон больших чисел, когда имеет место схожесть почти повсюду.

Углубляться в математические тонкости этого феномена нет необходимости. В данном случае следует отметить, что при определенном количестве испытаний заданная наперед вероятность будет сколько угодно мало отличаться от полученного в итоге прогнозируемого результата.

Как и любой математический закон, закон больших чисел может быть применим к реальному миру только при известных допущениях, которые, в свою очередь, возможно, будут соблюдаться только с некоторой весьма относительно вероятной степенью точности. Условия последовательных испытаний (что особенно важно для юриспруденции, регулирующей неустойчивые и плохо прогнозируемые, якобы случайно складывающиеся общественные отношения), как правило, не могут сохраняться долго и с абсолютной точностью. Кроме того, закон больших чисел говорит лишь о вероятности сколько-нибудь большого отклонения среднего значения от математического ожидания. Строго говоря, это принцип построения нормы права, которая представляет собой всего лишь описание усредненной жизненной ситуации¹⁰.

¹⁰ Колмогоров А. Н. Математика, ее содержание, методы и значение. 1956. С. 274—275; Англ А. Математика для электро- и радиоинженеров. М.: Наука, 1967. С. 620; Тутубалин В. Н. Теория вероятностей. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 6—7; Марков А. А. Исчисление вероятностей. М., 1924. С. 67.

Таким образом, совместное действие большого числа одинаковых и независимых случайных факторов приводит к результату, ничтожно мало зависящему от случая.

На этом построены, например, все прогнозы предвыборных кампаний. Правда, в итоге прогноз о победе Х. Клинтон на выборах президента США в 2016 г. не сбился. Так что *точные* математические методы далеко не всегда могут помочь *точно* рассчитать заданный результат, когда идет речь о социальных и общественных отношениях. Скорее даже так: математические методы дают точный вывод, который применительно к общественным отношениям оказывается ничтожным или даже ложным. Это важное замечание, которое нам пригодится.

Попытки объяснения криминального поведения более всего подвержены использованию математических методов. В результате появились относительно самостоятельные научные направления, такие как криминалистика и судебная экспертиза, о которой говорилось выше. Алгоритмизация подверглась достоверности дачи показаний свидетелями и обвиняемыми (полиграф, или детектор лжи).

Вопросам борьбы с преступностью с использованием математики уделяли внимание такие правоведы, как В. Н. Кудрявцев, В. С. Овчинский, Б. В. Андреев, Д. Н. Горшунов, Г. Н. Горшенков, а также представители других отраслей знаний, например А. А. Эйсман. В последние годы много внимания применению математических методов в праве уделяет С. Г. Ольков¹¹.

Считается, что математические приемы в значительной мере уступают формально-логическим алгоритмам квалификации в смысле надежности получения правильных ответов. В то же время разработка математических программ для правоприменения является одной из важнейших задач уголовно-правовой теории, решение которой, несомненно, будет спо-

собствовать снижению случаев неправильного применения уголовного закона. К сожалению, до настоящего времени это направление не получило в науке серьезного развития¹².

Г. Н. Горшенков правильно говорит о необходимости использования в юриспруденции синергетических подходов¹³.

Синергетика была введена в научный оборот в 1969 г. современным ученым Германом Хакеном (физик-теоретик, доктор философии и доктор естественных наук). Синергетика (от греч. *synergeia* — сотрудничество) — междисциплинарное направление научных исследований, в котором изучаются общие закономерности процессов перехода от хаоса к порядку и обратно. Это процессы самоорганизации и самопроизвольной дезорганизации в разнообразных так называемых нелинейных системах, связанных с физическими, химическими, биологическими, экологическими, социальными и другими явлениями. Синергетика близка к таким научным направлениям, как нелинейная динамика, теория сложных адаптивных систем и другим, в том числе (что имеет значение для рассмотрения проблемы использования математики в юриспруденции) — с фрактальной геометрией выдающегося ученого Бенуа Мандельброта. Фрактал (лат. *fractus* — дробленый, сломанный, разбитый) — это множество, обладающее свойством так называемого самоподобия, т.е. когда исследуемый объект в точности или приближенно совпадает с частью себя самого (целое имеет ту же форму, что и одна или более ее частей). В математике под фракталами понимают некие множества точек в евклидовой геометрии, имеющие дробную метрическую размерность, поэтому они отличаются от прочих геометрических фигур, ограниченных конечным числом звеньев. Синергетика используется как обобщенное название научных направлений для исследования процессов упорядоченного поведения сложных нелинейных систем. В этом

¹¹ Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение. М.: Норма, 2008; Овчинский В. С. Криминология и биотехнологии. М.: Норма, 2005; Кудрявцев В. Н., Андреев Б. В. Нечеткая логика при решении криминологических задач // Государство и право. 1999. № 1. С. 106—108; Ольков С. Г. Аналитическая юриспруденция. М.: Юрлитинформ, 2013. Ч. 1, 2.

¹² Кудрявцев В. Н. Эвристические приемы при квалификации преступления // Правовая кибернетика. М., 1970. С. 69—84; Он же. О программировании процесса применения норм права // Вопросы кибернетики и право. М., 1967. С. 90—93; Эйсман А. А. Опыт логико-семантического анализа понятия состава преступления и предмета доказывания // Правовая культура. М., 1973; Горшунов Д. Н. Указ. соч.

¹³ Горшенков Г. Н. Синергетический подход в криминологии: учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2009. 72 с.

смысле синергетику представляют как современный этап развития общей теории систем.

Для всякой сложной системы существует определенный набор возможных форм организации. При этом критический момент неустойчивости, когда сложная система осуществляет выбор дальнейшего пути эволюции, называют точкой бифуркации. Вблизи этой точки резко возрастает роль незначительных случайных возмущений. Таким образом, структура самоорганизации обладает свойством масштабной инвариантности.

Эти необходимые пояснения важны для дальнейшего анализа использования математики в юриспруденции.

Системность права при всех ее объективных выражениях во многом обладает свойством субъективного восприятия, поскольку содержит субъективный анализ и оценку составляющих ее элементов и связей между ними. Сама природа ничего не систематизирует и не классифицирует, в связи с чем истинность знаний о системе права сохраняет относительный характер, что отнюдь не исключает их достоверности при получении информации надлежащими методами.

Общенаучный термин «система» многомерен. К его раскрытию применительно к праву можно подходить с самых различных точек зрения. Занимательным представляется подход германских ученых-правоведов Бернда Рютерса и Акселя Бирка. Они приводят в качестве аналогии системы права Солнечную систему, которая состоит из элементов (планет), находящихся на определенном местоположении (орбите) под воздействием внутренней связи (гравитации) и отграниченных от внешней системы (Вселенной), что характеризует, по мнению авторов, внешнюю и внутреннюю стороны системы права, т.е., соответственно, макроуровень системы права, куда входят, в частности, подсистемы публичного и частного права, и микроуровень, обращенный к содержанию правовых норм¹⁴.

Наиболее рельефно рассматриваемые закономерности проявляются при изучении преступности и уголовно-правовых норм.

В огромной массе совершаемых в мире преступлений взаимопогашаются влияния отдельных криминогенных и антикриминогенных факторов, которые делают, казалось бы,

случайным совершение преступлений конкретным человеком. В результате на макроуровне остаются только коренные, истинные причины совершения преступлений. Следовательно, свойство статистических закономерностей формироваться и рельефно отражаться лишь на массовом уровне и при достаточно большом числе единиц совокупности данных в полной мере присутствует при анализе всей совокупной массы преступлений, или, что точнее, — преступности. Таким образом, закон больших чисел имеет важное научное и практическое значение для статистических исследований в криминологии, уголовном праве, уголовном процессе, административном праве, гражданском праве и процессе и в других юридических науках, которые имеют дело с массовыми явлениями. (В действительности вся юриспруденция — это изучение массовых явлений, облеченных (условно говоря — искаженных) в правовые формы.) Применение закона больших чисел позволяет выявить закономерности там, где на первый взгляд все кажется случайным и не поддающимся изучению¹⁵.

В геометрии (пространственной математике) из аксиом, постулатов, принципов, не требующих доказательств, выводится содержание этой науки.

Используя этот научный подход, правоведы разработали принципы пандектной законодательной техники, суть которых заключается в распространенном в современном континентальном законодательстве, в том числе в России, делении кодифицированных нормативных правовых актов на общую и особенную части. В общей части содержатся общие принципы и основные определения регулируемой правовой области, в особенной — конкретные правовые ситуации. Одним из первых практических создателей пандектной системы считается Самуэль фон Пуфендорф. Среди тех, кто развил идеи плоскостного построения нормативного правового акта, — Георг Фридрих Пухта, Карл Адольф Вангеров, Оскар фон Бюлов и др. Принципы пандектной системы лежат в основе всего отраслевого построения права. В современной юриспруденции наличие рассматриваемых принципов связывается с важной идеей об иерархии норм, которая является основополагающей для научной концепции

¹⁴ Привод. по: Горшунов Д. Н. Указ. соч.

¹⁵ Лунеев В. В. Юридическая статистика. М. : Юрист, 1999. 400 с.

Ганса Кельзена, в результате чего Кельзен пришел к идее создания суда судов — конституционного суда, австрийский аналог которого он возглавил в 1920 г. (это был первый конституционный суд в мире).

Противовесом пандектной системе стала институциональная система, воплощенная в Кодексе Наполеона. Благодаря этой системе, правовые нормы распределялись по книгам. В каждой книге публиковался краткий вводный титул, а сама книга была посвящена регулированию определенных правовых отношений, например, в книге третьей Кодекса Наполеона говорится о способах приобретения собственности.

Институциональная система, впрочем, является такой же плоскостной геометрической фигурой, как и пандектная система. Разница между ними может быть представлена в виде образа: пандектная система — это круг в круге (во внутреннем круге — общие принципы регулируемых законодательным актом правоотношений). Институциональная система — это последовательно соединенные квадраты.

Таким образом, «геометрическая» идея оказала значительное влияние на структуру научного знания в юридическом мире и на структуру законодательства, поскольку наличие общих частей в кодексах, а также помещение норм о принципах права в начало некоторых законов представляют собой безусловную традицию геометрической плоскостной юриспруденции¹⁶.

Сфера применения геометрического исчисления вероятностей довольно значительна. Это связано с тем, что в абстрактном геометрическом представлении можно выразить самые разнообразные события, которые на первый взгляд не имеют касательства к площадям и объемам¹⁷.

В отличие от других дисциплин, так или иначе связанных с описанием системы общественных отношений, юриспруденция стремится делать свои построения на однозначном прояснении содержания своих понятий, что отражается в попытках строгой фиксации системы правоотношений и следовании безусловным правилам логики в практике правопримене-

ния. Черты дедуктивной системы присущи юриспруденции ровно в той мере, в которой, основываясь на принципах рационального построения, она стремится представить свои достаточно разнородные части в качестве связанной и когерентной системы¹⁸.

Когерентность — согласованность (скоррелированность) тех или иных процессов во времени, проявляющаяся во взаимозависимости разнородных элементов системы.

Элементарная (евклидова) геометрия — геометрия перемещений. Среди аксиом (постулатов) евклидовой геометрии известны следующие: 1) от всякой точки до всякой точки можно провести прямую; 2) ограниченную прямую можно непрерывно продолжать по прямой; 3) из всякого центра всяким радиусом может быть описан круг; 4) все прямые углы равны между собой; 5) если прямая, пересекающая две прямые, образует внутренние односторонние углы, меньшие двух прямых углов, то, продолженные неограниченно, эти две прямые встретятся с той стороны, где углы меньше двух прямых углов. Мне представляется, что современное правотворчество строится исходя из этих аксиом. Все, что не вписывается в эти правила, не становится нормой права. Таким образом, парадокс заключается в следующем: сложные многомерные общественные отношения искусственным образом втискиваются в ограниченные рамки имеющихся в распоряжении законодателя плоскостных геометрических правил составления закона. При этом я говорю о теоретических принципах построения норм уголовного закона, о которых на практике никто не думает.

Наиболее наглядно это видно на примере Уголовного кодекса. При этом надо сказать, что роль уголовного закона в последнее время существенно возросла по причинам, о которых будет сказано ниже, хотя нормы уголовного закона наиболее консервативны, поскольку область их применения связана с лишением свободы человека, а в некоторых странах и самой жизни.

Я взял для иллюстрации плоской геометрии уголовного закона самый жесткий вид наказания, который в нашей стране не применяется, — смертную казнь. Вряд ли законодатель,

¹⁶ Гаджиев Г. А. Право и экономика (методология) : учебник для магистрантов. М., 2016. 256 с.

¹⁷ Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Липатова Н. Г., Черныш А. Я. Применение математических методов при проведении диссертационных исследований. М., 2011. С. 67.

¹⁸ Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Конституция как аксиоматическая система // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 3—8.

Убийство совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой	Убийство из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом	Убийство из хулиганских побуждений
Убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека	Убийство двух или более лиц	Убийство лица или его близких, в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга
Убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой	Смертная казнь	Убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности
Убийство по мотиву кровной мести	Убийство, совершенное с особой жестокостью	Убийство, совершенное общеопасным способом
Убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего	Убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера	Убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы

Рис. 1

конструируя закон, рисовал какие-то геометрические фигуры, но получилось, что смертная казнь равномерно распределена по плоскому квадрату (см. рис. 1).

Но как только я взял один из самых пространственных видов наказания — лишение свободы до трех лет, то всякая геометрия рассыпалась. На мой взгляд, это свидетельствует о хаотичности использования рассматриваемого наказания, т.е. о несистемности, об отсутствии геометрии уголовного закона в этой части.

Получается, что Уголовный кодекс составлен разнонаправленно. Отдельные его элементы выверены, другие (большинство) составлены кое-как. Этот тезис (если хотите, теорему) я распространяю на все уголовное законодательство. В настоящее время система уголовного законодательства представлена: УК РФ, УПК РФ, УИК РФ, КоАП РФ, Таможенным кодексом РФ, Налоговым кодексом РФ, Федеральными законами «О противодействии терроризму», «О противодействии коррупции», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», «О противодействии экстремистской деятельности», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»,

«Об основах системы профилактики правонарушений», «О государственной защите свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Какие правила геометрии использованы при составлении системы уголовного закона? Да и есть ли здесь какие-то общие правила? Есть ли эта система? Кстати, косвенным признаком отсутствия такой системы является то, что цифровые технологии в разных отраслях законодательства определяются по-разному. Обратите внимание, что в ГК РФ говорится об электронно-вычислительных машинах (ст. 1261), а в УК РФ закреплено понятие компьютерной информации (гл. 28). С моей точки зрения, понятие электронно-вычислительной машины более точно отражает суть тех общественных явлений, которые требуют законодательной регламентации, но дело даже не в этом, а в том, что, получается, у нас уголовное законодательство говорит о компьютерах, а гражданское — об электронно-вычислительных машинах. Возникает вопрос: это одно и то же или разные отрасли говорят о разных вещах? Не торопитесь с ответом. Он не так однозначен, как может показаться на первый взгляд. И это лишь один небольшой пример отсутствия системы права.

Как я уже сказал выше, роль уголовного закона в последнее время возросла. Произошло это вследствие следующих разноплановых обстоятельств: а) современная система законодательства находится в искаженном (перекошенном) виде; б) считается, что все разбираются в правоведении, а уж тем более в уголовном законодательстве; в) в УК РФ проще и быстрее всего внести изменения; г) мало кто понимает и разбирается в гражданском законодательстве, поэтому боится вносить в него изменения; д) при помощи УК РФ стали решать экономические проблемы. Наглядным примером последнего утверждения можно считать принятие введения с 1 мая 2016 г. в УК РФ статьи 200.3 «Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) объектов недвижимости». Строго говоря, эта статья введена ради второй части примечания, которая гласит: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если сумма привлеченных денежных средств (сделки с денежными средствами) возмещена в полном объеме и (или) если указанным лицом приняты меры, в результате которых многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости введены в эксплуатацию». Другими словами, законодатель расписывается в собственном бессилии каким-то образом регламентировать деятельность застройщиков, привлекающих денежные средства населения, чтобы дома в результате были достроены, а не стояли в виде разваливающихся замков немым укором тем, кто не знает основ гражданского права. Кстати, постоянные изменения в УК и УПК РФ, касающиеся деятельности предпринимателей, стоят в этом же ряду неумения пользоваться гражданскими правовыми средствами для решения экономических вопросов. Поэтому значительную часть проблем, прямо связанных с экономикой, пытаются решать репрессивными, и прежде всего уголовными, правовыми средствами.

В теории законодателем должна была быть предложена некая геометрическая модель уголовного законодательства, например треугольник (пирамида), в основание которой можно было бы положить главный уголовный закон (видимо, УК), а на вершине должен был быть наиболее актуальный и наименее при-

меняемый закон, например закон о смертной казни. Соответственно, стороны треугольника (пирамиды) должны были бы составлять законы о терроризме, экстремизме и т.д. Таким образом, было бы сразу видно, что в эту модель (геометрическую фигуру) не вписываются законы о профилактике.

Это означает, что либо эти законы излишни, либо не годится представленная модель. Важно, что модель должна соответствовать своему времени и сложившимся общественным отношениям. Отсюда вывод: система уголовного законодательства не может быть идеальной, она не может быть раз и навсегда заданной. Эта система годится для своего времени.

Таким образом, мы живем в евклидовой системе уголовного законодательства, хотя уже давно известна другая, более сложная геометрическая система — воображаемая геометрия Н. И. Лобачевского или пространственная геометрия.

Странно, что в XXI в. — веке цифровой экономики и пространственного восприятия мира — у нас плоскостное построение уголовного законодательства.

Я не буду вдаваться в подробности пространственной геометрии Н. И. Лобачевского, но отмечу, что система права, в том числе и уголовного права, в настоящее время не отражает сложностей общественных отношений, складывающихся в мире. Мы находимся на переломе восприятия права со стороны отдельных граждан и со стороны целых государств. В условиях развития цифровых технологий неизбежно наступает формирование цифрового права. Это будет новое цифровое право, которое в недалеком будущем станет разрешать возникающие противоречия и даже конфликты путем автоматического принятия стандартизированных решений. И дальше — больше. Возможно, в самом скором времени цифровое право станет само себя создавать. Может быть, поэтому в нашем парламенте так мало юристов и так много спортсменов, что руководители страны уже это поняли и не видят необходимости в профессиональных депутатах?

Ориентироваться на плоскостное восприятие уголовного законодательства сейчас невозможно, а в самом ближайшем будущем — просто губительно. Исходя из этого, я предлагаю рассмотреть схему построения системы уголовного законодательства на основании псевдосферы (см. рис. 2).

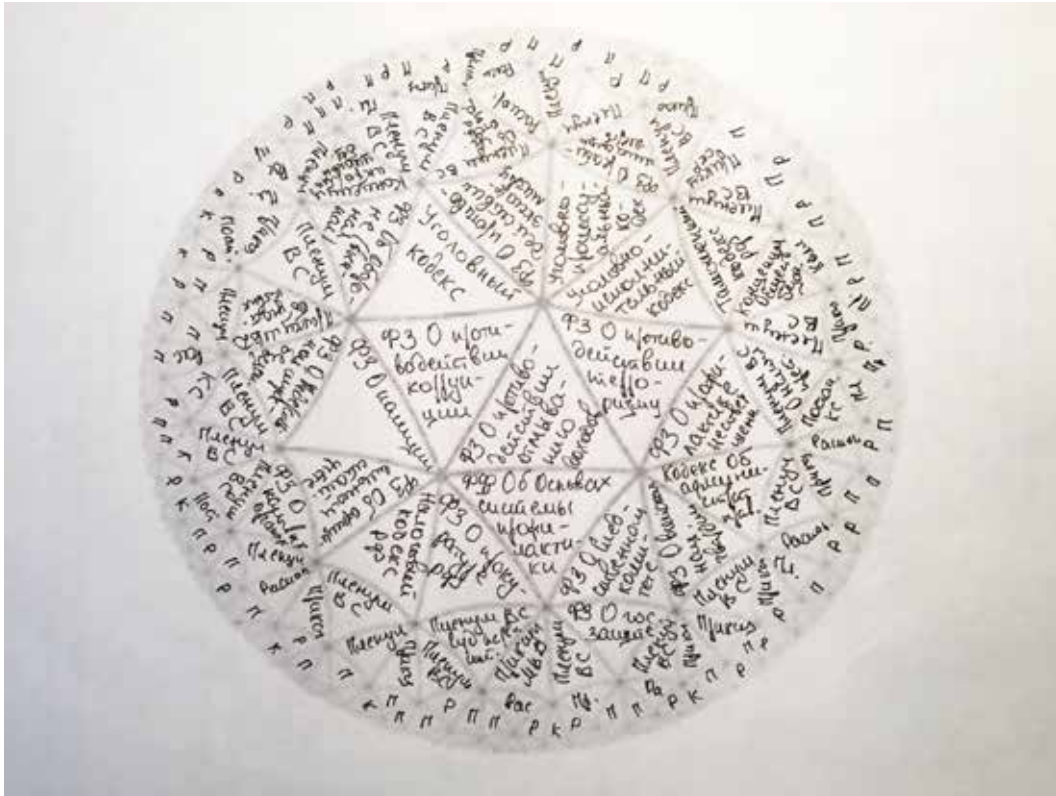

Рис. 2

В моем примере это будет пространственный круг с ячейками в виде треугольников. При этом каждая ячейка представляет собой равнозначный по сравнению с другими элемент круга. Важно, что в нашем восприятии мы видим в основном только то, что находится на передней стороне круга, точнее говоря — шара. То, что находится на обратной стороне системы, в большинстве случаев не воспринимается, хотя эти элементы активно воздействуют на систему. Я говорю в первую очередь о правоприменении и толковании уголовного закона как на официальном уровне, так и, что в действительности не менее важно, на уровне, так сказать, рядового правоприменителя, например полицейского или следователя. Кроме того, в эту модель я включаю различные концепции, например Концепцию общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденную Президентом РФ 14 ноября 2013 г., Концепцию информационной безопасности детей, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 2 декабря 2015 г., Концепцию пожарной безопасности, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 14 августа 2012 г., а также стратегии, как то: Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Прези-

дента РФ 31 декабря 2015 г., Стратегия экономической безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г., Стратегия безопасности дорожного движения, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 8 января 2018 г.

Разумеется, ни концепции, ни стратегии не являются отраслевыми нормативными правовыми актами. Но в том-то и дело, что они оказывают влияние на уголовное законодательство, а это в действующей системе не учитывается. Точно так же, как не учитывается практика. Между тем самый хороший закон не будет работать без качественного правоприменения, и наоборот, даже самый никудышный правовой акт может быть исправлен и дополнен хорошей работой правоприменителя. Система законодательства, повторюсь, этого не учитывает.

Таким образом, линейная плоскостная система уголовного законодательства является костной, застывшей и нежизнеспособной.

Кстати, не менее важной является часть треугольников, которые составляют всевозможные разъяснения и постановления Пленума Верховного Суда. Мне представляется, что, наконец, хватит лицемерить и говорить, что эти

акты не являются правовыми. Они не только правовые, они еще и практикоориентирующие, поэтому, безусловно, являются частью системы уголовного законодательства. Среди них можно остановиться, например, на следующих: о практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64; о применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству, — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 (ред. от 03.03.2015); о некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ч. 2 ст. 253, ст. 256, ст. 258.1 УК РФ) — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 № 26 (ред. от 31.10.2017); о практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51; о ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.10.2017 № 33; о судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016); о практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере

предпринимательской и иной экономической деятельности, — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48; о практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 42; о применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности, — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016).

Особое значение, как это видно из псевдосферы уголовного законодательства, занимают документы, которые находятся на ее обратной стороне. В действительности они определяют то, какой становится система.

В чем еще мне видится значимость данной схемы. Эта схема гибкая. Псевдосфера может сужаться, а может и расширяться, в зависимости от того, как обстоит дело с преступностью, как общество и криминологи оценивают криминологическую ситуацию в стране. Причем на качестве системы такое сужение или расширение никак не будет сказываться. Все эти объективные процессы будут проходить совершенно безболезненно. Более того, псевдосфера предполагает более или менее точные математические расчеты и прогностические оценки перспектив ее развития, чего в линейной системе, и это доказано многолетней практикой, сделать невозможно.

Я ни в коем случае не предлагаю свои выводы в качестве определенной и завершенной точки зрения. Скорее наоборот, жду начала дискуссии. При этом сам предполагаю продолжить исследования уже на эмпирическом уровне и постараюсь проверить надежность высказанной позиции с помощью помощников из числа аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех, кому показалась эта идея не совсем безумной.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Англ А. Математика для электро- и радиоинженеров. — М. : Наука, 1967.
2. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Липатова Н. Г., Черныш А. Я. Применение математических методов при проведении диссертационных исследований. — М., 2011.
3. Арбузов П. В., Гуде С. В., Герасименко В. Н., Медянцева Д. В. Высшая математика для юристов. — Ростов н/Д : Феникс, 2007. — 442 с.
4. Гаджиев Г. А. Право и экономика (методология) : учебник для магистрантов. — М., 2016. — 256 с.
5. Горшенков Г. Н. Синергетический подход в криминологии : учебное пособие. — Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2009. — 72 с.

6. Горшунов Д. Н. Математические методы в исследовании системы права // Ученые записки Казанского государственного университета. — 2008. — Т. 150. — Кн. 5 : Гуманитарные науки.
7. Жагорина Л. П. Математическое моделирование в подготовке студентов юридических факультетов // Вестник Псковского государственного университета. — 2008. — № 6. — Серия : Естественные и физико-математические науки.
8. Задонцева Т. Н. Задачи математики и информатики в учебном процессе // Актуальные проблемы совершенствования подготовки специалистов с высшим юридическим образованием : материалы научно-методической конференции, Псков, 24 февраля 2004 г. / сост. И. М. Шаманов, С. А. Смирнов, С. Д. Лысых, А. В. Седунов ; под ред. А. И. Юнеля. — Псков, 2004.
9. Кириченко А. А. Некоторые новые доктрины юриспруденции научной школы профессора Аланкира // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16—17 октября 2015 г.) : избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. — Пермь, 2016.
10. Колмогоров А. Н. Математика, ее содержание, методы и значение. — М., 1956.
11. Кондратьев Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение. — М.: Норма, 2008. — 272 с.
12. Кудрявцев В. Н. О программировании процесса применения норм права // Вопросы кибернетики и право. — М., 1967.
13. Кудрявцев В. Н. Эвристические приемы при квалификации преступления // Правовая кибернетика. — М., 1970. — С. 69—84.
14. Кудрявцев В. Н., Андреев Б. В. Нечеткая логика при решении криминологических задач // Государство и право. — 1999. — № 1.
15. Лунеев В. В. Юридическая статистика. — М. : Юрист, 1999. — 400 с.
16. Марков А. А. Исчисление вероятностей. — М., 1924.
17. Овчинский В. С. Криминология и биотехнологии. — М. : Норма, 2005. — 191 с.
18. Оглезнев В. В., Суворцев В. А. Конституция как аксиоматическая система // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 5.
19. Ольков С. Г. Аналитическая юриспруденция. — М. : Юрлитинформ, 2013. — Ч. 1, 2.
20. Тутубалин В. Н. Теория вероятностей. — М. : Изд-во Московского гос. университета, 1972.
21. Шикин Е. В., Шикина Г. Е. Математика : Пути знакомства. Основные понятия. Методы. Модели (Гуманитариям о математике) : учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 332 с.
22. Эйсман А. А. Опыт логико-семантического анализа понятия состава преступления и предмета доказывания // Правовая культура. — М., 1973.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

GEOMETRY OF THE CRIMINAL LAW

MATSKEVICH Igor Mikhailovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
immackevich@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *Theoretical jurisprudence witnesses a certain methodological crisis, the essence of which is that modern research and studies, in fact, do not enhance the methodology of jurisprudence with new approaches; and the available approaches are just variations, and not always successful, of already known ones. The current state of affairs reflects the objectivity of the results of the legal issues examination, their reliability and scientific character. Meanwhile, the study of social processes, in particular those associated with the operation of law rules, the formation and necessary changes in the system of law can be presented in a new perspective taking into account the analysis of the dynamics of law rules implementation, determination of non-linear regularities, examination of various and multi-vector manifestations of legal relations in the social system coordinates, the study of other social phenomena on the basis of the system approach and mathematical calculations. In the article, as applied to jurisprudence, mathematical methods are determined to model social and legal phenomena: 1) law-making; 2) law interpretation; 3) law enforcement; 4) law protection; 5) legal education.*

In a more specific form, mathematical logic is used to explain criminal behavior of a person, to detect a criminal and prosecute him if he tries to avoid responsibility for what he has committed.

Using the theory of probability, it became possible to develop a forensic profile examination, and, a little later, — to come to a fingerprint examination. Mathematical regularities made it possible to establish the objectivity of conclusions of handwriting examinations. Today, mathematical methods in jurisprudence result in the formation of an independent comprehensive scientific approach, namely: forensic examination.

Simultaneously, with the help of legal statistics, it was possible to identify stable patterns of crime as a mass socio-negative phenomenon.

The geometric idea had a significant impact on the structure of scientific knowledge in the legal world and on the structure of legislation, since the existence of common parts in the codes, as well as placing rules concerning the principles of law at the beginning of certain laws, is an unconditional tradition of geometric planar jurisprudence. The article concludes that the system of criminal legislation cannot be ideal and cannot be fixed once and for all. We live in the Euclidean system of criminal law, although for a long time another, more complex geometric system—the imaginary geometry of Lobachevsky or spatial geometry—has been applied.

Keywords: crime, system, mathematics, geometry, law, criminal code.

REFERENCES

1. Angl A. Mathematics for electric and radio engineers. Moscow. Nauka Publ., 1967.
2. Anisimov V. G., Anisimov E. G. Lipatova N. G., Chernysh A. Ya. Primenenie matematicheskikh metodov pri provedenii dis. issledovaniy [Application of mathematical methods in conducting dis. research]. Moscow, 2011.
3. Arbutov P.V., Gudeh S.V., Gerasimenko V.N., Medyantsev D.V. Vysshaya matematika dlya yurista [Higher mathematics for lawyers]. Rostov-on-Don, Fenix Publ., 2007. 442 p.
4. Gadzhiev G.A. Pravo i ekonomika (metodologiya) : Uchebnik dlya magistrantov [Law and Economics (Methodology) : A Textbook for Master's Students]. Moscow, 2016. 256 p.
5. Gorshenkov G.N. Sinergeticheskiy podkhod v kriminologii : uchebnoe posobie [A Synergetic approach in criminology: A study-guide]. N. Novgorod. Vilgo-Vyatka Academy of State Service Publ., 2009. 72 p.
6. Gorshunov D.N. Matematicheskie metody v issledovanii sistemy prava [Mathematical methods in the study of the law system]. *Uchenye zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Scientific Notes of the Kazan State University]*. 2008. Vol.150. Book 5. *Gumanitarnye nauki [Humanitarian Sciences]*.
7. Zhagorina L.P. Matematicheskoe modelirovanie v podgotovke studentov yuridicheskikh fakultetov [Mathematical modeling in training students of law faculties]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Pskov State University]*. 2008. No. 6. Series: *Estestvennye i fiziko-matematicheskie nauki [Natural and Physical-Mathematical Sciences]*.
8. Zadontseva T.N. Zadachi matematiki i informatiki v uchebnom protsesse [Goals pursued by mathematics and computer science in the educational process]. *Aktualnye problemy sovershenstvovaniya podgotovki spetsialistov s vysshim yuridicheskim obrazovaniem : materialy nauchno-metodicheskoy konferentsii [Actual problems of improving the training of specialists with higher legal education: Proceedings of the Scientific-Methodical Conference]*, Pskov, February 24, 2004. I. M. Shamanov, S.A. Smirnov, S.D. Lysikh, A. V. Sedunov, A. I. Yunel (ed.). Pskov, 2004.
9. Kirichenko A.A. Nekotorye novye doktriny yurisprudentsii nauchnoy shkoly professora Alankira [Some New Doctrines of Jurisprudence of the Scientific School of Prof. Alankir]. *Shestoy permskiy kongress uchenykh-yuristov (Perm, 16—17 oktyabrya 2015 g.) : izbrannye materialy [The Sixth Perm Congress of Scholars-Lawyers : Selected papers]*. Golubtsov G. Kuznetsov (Ed). Perm, 2016.
10. Kolmogorov A.N. Matematika, ee sodержание, metody i znachenie [Mathematics, its content, methods and meaning]. Moscow, 1956.
11. Kondratyuk L.V., Ovchinsky V.S. Kriminologicheskoe izmerenie [Criminological measurement]. Moscow, Norma Publ., 2008. 272 p.
12. Kudryavtsev V.N. O programmirovanii protsessa primeneniya norm prava [On programming the process of application of rules of law]. *Voprosy kibernetiki i pravo*. Moscow, 1967.

13. Kudryavtsev V.N. Evristicheskie priemy pri kvalifikatsii prestupleniya [Heuristic methods in classification of a crime]. *Pravovaya kibernetika [Legal cybernetics]*. Moscow, 1970. P. 69—84.
14. Kudryavtsev V.N., Andreev B.V. Nechetkaya logika pri reshenii kriminologicheskikh zadach [Ambiguous logic in solving criminological problems]. *Gosudarstvo i pravo*. 1999. No. 1.
15. Lunev V.V. Yuridicheskaya statistika [Juridical statistics]. Moscow, Yurist Publ. 1999. 400 p.
16. Markov A.A. Ischislenie veroyatnostey [Calculus of Probabilities]. Moscow, 1924.
17. Ovchinsky V.S. Kriminologiya i biotekhnologii [Criminology and biotechnology]. Moscow, Norma Publ., 2005. 191 p.
18. Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. Konstitutsiya kak aksiomaticheskaya sistema [The Constitution as an axiomatic system]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2015. No. 5.
19. Olkov S.G. Analiticheskaya yurisprudentsiya [Analytical jurisprudence]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. Pt 1, 2.
20. Tutubalin V.N. Teoriya veroyatnostei [Probability Theory]. Moscow, Moscow State University Publishing House, 1972.
21. Shikin E.V., Shikina G. E. Matematika: Puti znakomstva. Osnovnye ponyatiya. Metody. Modeli (gumanitariyam o matematike) : Uchebnik [Mathematics : Ways of acquaintance. Main concepts. Methods. Models (for Humanitarians about Mathematics) : A Textbook] 2nd ed., Rev. and suppl. Moscow, Editorial URSS Publ, 2001. 332 p.
22. Eismann A.A. Opyt logiko-semanticheskogo analiza ponyatiya sostava prestupleniya i predmeta dokazyvaniya [Experience of the logical and semantic analysis of the concept of the corpus delicti and the subject of proving]. *Pravovaya Kultura*. Moscow, 1973.

В. В. Астанин*

О СОСТОЯНИИ КРИМИНОЛОГИИ И ЕЕ РАЗВИТИИ НА ПРОФИЛЬНОЙ КАФЕДРЕ УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

Аннотация. В статье анализируется современное состояние учебного и научного обеспечения криминологии. Примененный в ходе подготовки статьи метод исследования и анализа материалов, связанных с дидактическим и методическим обеспечением криминологии, позволяет раскрыть диалектическую взаимосвязь ее развития как академической дисциплины с проводимыми научными исследованиями. Примеры развития криминологии, сочетания ее классических устоев с развитием автор выразил в характеристике научной и академической жизни кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ключевые слова: криминология, учебная дисциплина, дидактика, преподавание, рабочая программа, научное обеспечение, методика преподавания, образовательные организации, федеральный государственный образовательный стандарт, подготовка юристов, наука, кафедра криминологии, МГЮА имени О.Е. Кутафина, Союз криминалистов и криминологов.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.023-028

Современное состояние криминологии в научном, академическом, прикладном и в некоторых случаях учебном содержании нельзя признать удовлетворительным. Во многом такое состояние порождается дефицитом государственного вспомоществования, которое могло бы предусматривать грантовую поддержку исследований, конференций, научных школ. Впрочем, криминологам как специалистам, вскрывающим недостатки и проблемы государственного и общественного развития в контексте социально, экономически, политически и духовно значимых факторов, продуцирующих преступность, всегда была свойственна суверенная позиция выводов и рекомендаций, которые редко находят одобрение и поддержку. В ситуации объективно фиксируемых процессов детерминации преступности, новых криминальных вызовов и угроз, а также упущений в реагировании на них криминологи

выглядят критиками, а обосновываемые ими предложения по разрешению проблем законодательства, правоохранительной и судебной практики редко находят заинтересованных партнеров по воплощению.

Возможно, поэтому дефицит государственной поддержки и внимания к науке о преступности является неслучайным. Иначе сложно объяснить долгое забвение криминологии в перечне обязательных дисциплин по профилю подготовки юристов-бакалавров. Только в текущем году издан приказ Минобрнауки России (от 11 января 2018 г. № 28), которым криминология включается в структуру федерального государственного образовательного стандарта (далее — ФГОС) высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция».

Содержание внесенных во ФГОС изменений наделено свойствами юридико-техническо-

© Астанин В. В., 2018

* Астанин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, директор НИИ Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, эксперт Комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по безопасности
astaninvv@rambler.ru
117149, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, к. 1

го дополнения криминологией перечня дисциплин, реализуемых в рамках базовой части программы бакалавриата. При этом «определение объема, содержания и порядка реализации» криминологии, равно как и иных дисциплин, делегированы образовательной организации, обладающей полномочиями осуществлять профессиональный цикл подготовки юристов в высших учебных заведениях.

Приведенная формулировка оснований реализации криминологии не критична. Это достаточно формализованное положение для ФГОС, в которых учебные дисциплины находятся в равном положении относительно распоряжения объемом, содержанием и порядком их преподавания. Однако для криминологии именно в обстоятельстве долгого отсутствия в обязательном перечне кроются главные риски будущего.

Время забвения может оказаться трудновосполнимым. Для того чтобы это понять, нужно иметь в виду прерванную взаимосвязь учебного и научного обеспечения криминологии. История ее развития свидетельствует о том, что такая связь диалектична.

Период «необязательности» учебной криминологии может показаться недолгим. Однако не для научно-практической дисциплины, изучающей закономерности динамично меняющегося явления, связанного со всеми значимыми реалиями общественного бытия и развития. За короткий промежуток времени криминология приблизилась к состоянию дежавю, испытанному в 1929 г. в связи с прекращением своего существования на 30 долгих лет. Между тем достаточно вспомнить, что ее возрождение в 1960-е гг. происходило одновременно как в научном, так и в учебном содержании. В 1963 г. был учрежден Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, а уже в 1964 г. курс учебной дисциплины стал обязательным на юридических факультетах вузов страны.

Нынешняя ситуация оказалась иной, обладающей сценарием коварного испытания. Криминология как наука не подвергалась запрету, но столкнулась с дефицитом организационного, финансового, кадрового и, что не

менее важно, планомерного обеспечения соответствующих современным реалиям исследований, результаты которых исконно питали учебную ее часть и составляли суть содержания того, что преподают. В хронологическом порядке нетрудно определить, что период рецессии криминологии как науки (будучи растянутым во времени на протяжении второй половины 2000-х гг.) предшествовал ее забвению в перечне обязательных учебных дисциплин. Так, исследовательская криминология фрагментировалась до редких научных отделов в ведомственных НИИ правоохранительного профиля, а в университетской среде в большинстве случаев попала под доминанту влияния преимущественно родственных дисциплин антикриминального цикла и, соответственно, компетенцию их представителей. В учебном и методическом планировании и содержании криминология нередко:

- стала представляться в качестве вариативного модуля в программе подготовки юристов государственно-правовой специализации, осуществляемой по кафедре конституционного и административного права¹;
- имела разночинное преподавание со стороны коллег, имеющих ученые степени по номенклатуре научной специальности, весьма отдаленной от проблем преступности и борьбы с ней;
- приобретала сочетание (нередко с отражением в наименовании кафедр) с компетенциями неюридических научных отраслей и подотраслей (психологии, педагогики, девиантологии);
- получала организационную форму учебно-лабораторных подразделений, в которых изучение преступности велось в экспериментальной альтернативе социологических методов ее познания².

Тренд реформаторства получил закономерное продолжение «новшества», связанных с жизнеобеспечением любой дисциплины, а именно с дидактикой и методикой изучения криминологии. Исключая множество примеров, предлагается остановиться на тех из них, которые иллюстрируют вариативность:

¹ Такая позиция содержится в рабочей программе «Криминология» Башкирской академии государственной службы и управления при главе Республики Башкортостан. См.: URL: www.bagsurb.ru/education/chairs/kap/Криминология.doc (дата обращения: 03.05.2018).

² Как отмечается на интернет-странице Лаборатории экспериментальной криминологии юридического факультета Южного федерального университета, «экспериментальный подход к криминологическим

- специализации учебников, предназначенных для разного уровня подготовки квалификации юристов (бакалавриата, среднего профессионального образования)³;
- формируемых компетенций обучающихся, которые имеют отвлеченное от предмета криминологии содержание, как то: «способность выявлять, давать оценку коррупционному поведению и содействовать его пресечению»; «готовность принимать участие в проведении юридической экспертизы проектов нормативных правовых актов»; «владеть криминологической терминологией»; «анализировать, толковать и правильно применять нормы, присущие криминологической науке» и тому подобные схоластические положения.

На этом фоне появлялись междисциплинарные научные школы⁴ или просто объявления группами авторов своих рассуждений «школами».

Сложившееся положение, описанное в приводимых примерах новшеств, можно оценивать как время испытания для тех, кто незабвенно продолжал заниматься развитием криминологии без оглядки на происходящие трудности, перемены, изменения. Примером такому стойкому положению служит кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (далее — Кафедра). Следует оговориться, что оценка ее академической и научной стойкости и состоятельности производится автором настоящей статьи, что называется, путем «включенного наблюдения» на протяжении многих лет. Сначала в статусе докторанта, затем члена Союза криминалистов и криминологов, часто официального оппонента по диссертациям аспирантов кафедры, участника редакционной коллегии журнала Союза криминалистов и кри-

минологов, да и просто в силу постоянного общения и совместного труда с ее представителями, о чем речь пойдет ниже.

Представляется, что фундамент стабильному кафедральному состоянию в научном и академическом плане придает непрерываемая связь времен и поколений ученых, выраженная в самом широком смысле этого слова. Она имеет исторические, кадровые, организационные начала. Предлагается рассмотреть каждое из них в отдельности.

При детальном анализе содержания криминологических исследований, проводимых кафедральными учеными, можно разглядеть многие элементы приверженности классике науки познания преступности, сформированные на заре формирования российской криминологии И. Я. Фойницким, М. Н. Гернетом, Н. Д. Сергиевским, Н. С. Таганцевым и другими видными учеными. Отмечаемая особенность состоит в соблюдении тонкого соотношения уголовно-правовых и социологических компонентов исследования преступности, с опорой на статистический анализ ее данных, изучение материалов уголовных дел, опросы респондентов. Непременный объект практически всех диссертационных исследований, которые готовятся на Кафедре, — проблемы личности преступника, вне зависимости от видов изучаемых криминальных явлений. Несмотря на соблюдение классической методологии изучения преступности, заметной особенностью является предпочтение в исследованиях как профессорско-преподавательского, так и аспирантского состава Кафедры тех криминальных вызовов и угроз, новизна познания которых несомненна. Причем всегда чувствуется актуальный выбор исследовательских тем, проработка которых на заданный период времени обладает повышенным спросом в теории и практике криминологии. Примеров

исследованиям обусловлен тем, что изучение определенной темы проводится как в рамках криминологии, так и в рамках социологии — отсюда постоянное “пограничное состояние” исследования, не ограничивающееся только вопросами юриспруденции». См.: URL: <https://urfak.sfedu.ru/node/109> (дата обращения: 03.05.2018).

³ См.: Криминология : учебник для академического бакалавриата / В. И. Авдийский [и др.] ; под ред. В. И. Авдийского. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2017. 301 с. Криминология и предупреждение преступлений : учебник для СПО / В. И. Авдийский [и др.] ; под ред. В. И. Авдийского. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 301 с.

⁴ Научная школа «Криминологические и криминалистические проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи» (Башкирский государственный университет). См.: URL: <http://www.bashedu.ru/kriminologicheskie-i-kriminalisticheskie-problemy-povysheniya-effektivnosti-borby-s-prestupnostyu-i>.

такому чуткому улавливанию востребованных задач борьбы с преступностью множество.

Среди аспирантских диссертационных работ, подготовленных под руководством профессора И. М. Мацкевича, из числа тех, по которым автор настоящей статьи выступал официальным оппонентом, можно отметить исследования, посвященные коррупции в здравоохранении и мерам ее предупреждения⁵, противодействию незаконному производству и обороту алкогольной продукции, противодействию коррупции в полиции. Важно отметить, что в перечисленных, равно как и в иных, диссертационных работах о преступности, подготавливаемых на Кафедре, подчеркивается спектр тематического исследования — криминологический. Кроме того, как уже отмечалось, своевременно проработанная тематика исследований четко соответствовала по времени актуальности появления новых криминальных вызовов и угроз и необходимости разработки мер их предупреждения. Это легко установить, принимая во внимание криминологически значимые реалии (прокатившуюся по России в начале 2010-х гг. волну алкогольных смертельных отравлений; реформу милиции в связи с преобразованием в полицию и объективной злободневностью коррупционных рисков в связи с аттестацией, обновлением кадров, борьбой с так называемыми «оборотнями»; резонансные случаи коррупции в сфере здравоохранения).

Примечательно, что профессорско-преподавательский состав Кафедры интуитивно соблюдает диалектическую связь между проводимыми научными исследованиями и задачами дидактического обеспечения учебного процесса по преподаваемым дисциплинам. Примером таких параллелей является неоднократно издаваемый учебный комментарий к уголовно-исполнительному законодательству⁶ или проработка проблем борьбы с коррупцией в правоохранительной сфере, которые воплощены автором⁷ в дальнейшее преподавание антикоррупционного спецкурса на Кафедре.

Отдельно следует выделить неустанный творческий вклад профессора В. Е. Эминова в академическое обеспечение криминологии и криминалистики, хрестоматийные авторские учебники по которым издавались практически каждые 1-2 года. Обстоятельство периодичности объективно оправдывалось динамично изменяющейся реальностью тех лет, в которые они издавались (1990—2000-е гг.), а именно возникновением новых проявлений преступности и необходимостью соответствующих им мер противодействия или же методик расследования преступлений.

Нужно сказать, что свойства передового криминологического взгляда (не случайно Кафедра фактически многие годы является идеологической базой издания одноименного журнала) оказались переданы от учителя ученику (от профессора В. Е. Эминова — профессору И. М. Мацкевичу). Исходные позиции такой передачи состоялись, наверное, в период подготовки сначала кандидатского, а затем и докторского исследования Игоря Михайловича, научное руководство и консультирование которого осуществлял Владимир Евгеньевич. В который раз следует отметить примечательный элемент новизны и актуальности проработанной темы — преступность военнослужащих, проблемы которой 20—25 лет назад имели резонансное звучание в связи с неуставными отношениями, криминальным оборотом товаров и работ, корыстными, насильственными и иными проявлениями в армейской среде.

Характер отношений между В. Е. Эминовым и И. М. Мацкевичем является академическим эталоном взаимной искренности, уважения, поддержки, примеры которого в криминологической науке найти сложно, если вообще возможно. Здесь нельзя обойти стороной навыки организационной работы, которые передаются по линии учитель-ученик (руководство Институтом прокуратуры, Кафедрой, Союзом криминалистов и криминологов), знания и умения, которые имеют диалектическое про-

⁵ *Вохмянина Ю. В.* Противодействие незаконному производству и обороту алкогольной продукции (криминологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с. ; *Балебанова Т. А.* Современное состояние коррупции в здравоохранении России и меры ее предупреждения: криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 31 с. ; *Багмет М. А.* Противодействие коррупции в полиции (криминологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 22 с.

⁶ Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Илекса, 2009. 944 с.

⁷ *Королева М. В.* Коррупция в сфере правоохранительной деятельности // Коррупция и борьба с ней. М., 2000. С. 86—97.

должение в развитии научной школы профессора В. Е. Эминова, составной частью которой являются и достижения учеников профессора И. М. Мацкевича. Им же самим, его трудом и научным интересом (только за несколько последних лет), охвачены имевшиеся в современной криминологии латентные вопросы: о философии борьбы с преступностью, о мифах преступного мира, о криминологической характеристике фашизма, о спорах апологетов советской педагогики о перевоспитании молодежи и многие другие изыскания, результаты которых бесценны как для современной криминологии, так и для ее истории⁸.

В описываемых отношениях, весьма кратко приведенных характеристиках академической жизни Кафедры следует видеть внутреннюю суть, которая состоит в фундаментальной стойкости криминологии и несомненном по-

тенциале ее развития в учебном, научном, методическом, организационном направлении. Представляются уместными позитивные аллегории, выраженные в афоризмах Конфуция: «Кто постигает новое, лелея старое, тот может быть учителем», «Тот, кто, обращаясь к старому, способен открывать новое, достоин быть учителем». Обращение к этим философским истинам может показаться отвлеченным, но только на первый взгляд, если не принимать во внимание те проблемы и трудности современного развития криминологии, которые описаны в первой части настоящей статьи. Между тем именно через призму симбиоза существующих общих проблем состояния криминологии и примерных основ стойкости и развития Кафедры возникает уверенность в будущем науки, стезю познания которой мы избрали.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Багмет М. А.* Противодействие коррупции в полиции (криминологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 22 с.
2. *Балебанова Т. А.* Современное состояние коррупции в здравоохранении России и меры ее предупреждения: криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 31 с.
3. *Вохмянина Ю. В.* Противодействие незаконному производству и обороту алкогольной продукции (криминологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 26 с.
4. Криминология : учебник для академического бакалавриата / В. И. Авдийский [и др.] / под ред. В. И. Авдийского. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2017. — 301 с.
5. Криминология и предупреждение преступлений : учебник для СПО / В. И. Авдийский [и др.] ; под ред. В. И. Авдийского. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2018. — 301 с.
6. *Головненков П. В., Есаков Г. А., Мацкевич И. М., Хелльманн У.* Необыкновенный фашизм (криминологическая и уголовно-правовая характеристика). — М., 2016.
7. *Королева М. В.* Коррупция в сфере правоохранительной деятельности // Коррупция и борьба с ней. — М., 2000. — С. 86—97.
8. *Мацкевич И. М.* Философия борьбы с преступностью // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 7 (35). — С. 10—18.
9. *Мацкевич И. М.* Мифы преступного мира. — М., 2016.
10. *Мацкевич И. М. А. С. Макаренко и Н. К. Крупская* в практическом споре о воспитании и перевоспитании молодежи // Юридическое образование и наука. — 2016. — № 1. — С. 4—9.
11. Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Илекса, 2009. — 944 с.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

⁸ См.: *Мацкевич И. М.* Философия борьбы с преступностью // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7 (35). С. 10—18 ; *Головненков П. В., Есаков Г. А., Мацкевич И. М., Хелльманн У.* Необыкновенный фашизм (криминологическая и уголовно-правовая характеристика) М., 2016 ; *Мацкевич И. М.* Мифы преступного мира. М., 2016 ; *Мацкевич И. М. А. С. Макаренко и Н. К. Крупская* в практическом споре о воспитании и перевоспитании молодежи // Юридическое образование и наука. 2016. № 1. С. 4—9.

CRIMINOLOGY STATUS AND ITS DEVELOPMENT AT THE CORE DEPARTMENT OF THE KUTAFIN UNIVERSITY

ASTANIN Viktor Viktorovich — Doctor of Law, Professor, Director of the Research Institute of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Expert of the State Duma Committee of the Federal Assembly of the Russian Federation on Security
astaninvv@rambler.ru
117149, Russia, Moscow, ul. Azovskaya, d. 2, k. 1

Abstract. *The article analyzes the current state of educational and scientific coverage of criminology. The method of researching and analyzing resources associated with the didactic and methodological support of criminology and applied during the preparation of the article makes it possible to disclose dialectical interrelation between its development as an academic discipline and ongoing scientific research. The author describes scientific and academic life of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law (MSAL) using the examples of the development of criminology, combination of its classical foundations.*

Keywords: *Criminology, academic discipline, didactics, teaching, syllabus, scientific coverage, teaching methods, educational organizations, Federal State Educational Standard, training of lawyers, science, Department of Criminology, Kutafin Moscow State Law University, Union of Criminologists and Forensic Experts.*

REFERENCES

1. Bagmet M.A. Protivodejstvie korrupcii v policii (kriminologicheskoe issledovanie) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Counteraction to corruption in the police (criminological research): Abstract of the PhD Thesis]. Moscow, 2014. 22 p.
2. Balebanova T.A. Sovremennoe sostoyanie korruptsii v zdavookhraneni Rossii i mery ee preduprezhdeniya: kriminologicheskoe issledovanie : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [The current state of corruption in health care in Russia and measures to prevent it: Criminological research : Abstract of PhD Thesis]. Moscow, 2013. 31 p.
3. Vokhmyanina Yu. V. Protivodeystvie nezakonnomu proizvodstvu i oborotu alkoholnoy produktsii (kriminologicheskoe issledovanie) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Counteraction to illegal production and turnover of alcohol products (criminological research): Abstract of the PhD Thesis]. Moscow, 2011. 26 p.
4. Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti : uchebnik [Criminology: A Textbook for Academic Bachelor's Program]. V.I. Avdijsky et al. V.I. Avdijskiy (Ed.). 2nd ed., Rev. and suppl. Moscow, Yurait Publ., 2017. 301 p.
5. Kriminologiya i preduprezhdenie prestupleniy : uchebnik dlya SPO [Criminology and crime prevention: A Textbook for SVE]. V.I. Abdiyskiy et al. V.I. Avdiyskiy (ed.). 2nd ed. rev. and suppl. Moscow, Yurait Publ., 2018. 301 p.
6. Golovnenkov P.V., Esakov G.A., Matskevich I.M., Hellmann U. Neobyknovennyy fashizm (kriminologicheskaya i ugovovno-pravovaya kharakteristika) [Extraordinary Fascism (criminological and criminal-legal characteristics)]. Moscow, 2016.
7. Koroleva M.V. Korruptsiya v sfere pravookhranitelnoy deyatelnosti [Corruption in the field of law enforcement]. Korruptsiya i borba s ney [Corruption and the fight against it]. Moscow, 2000. P. 86—97.
8. Matskevich I.M. Filosofiya borby s prestupnostyu [Philosophy of the fight against crime]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina [Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2017. No. 7 (35). P. 10—18.
9. Matskevich I.M. Mify prestupnogo mira [Myths of the Underworld]. Moscow, 2016.
10. Matskevich I.M. A. S. Makarenko i N. K. Krupskaya v prakticheskom spore o vospitanii i perezvospitanii molodezhi [A.S. Makarenko and N.K. Krupskaya in a practical dispute concerning upbringing and re-education of the young people]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Legal Education and Science]*. 2016. No. 1. P. 4—9.
11. Postateynyy uchebnyy kommentariy k Uголовно-исполнителному кодексу Rossiyskoy Federatsii [An article-by-article educational commentary to the Penal Code of the Russian Federation]. V. E. Eminov, V. N. Orlov (ed.). 2nd ed., rev. and suppl. Moscow, Ileksa Publ., 2009. 944 p.

В. А. Номоконов*,
Т. М. Судакова**

КРИМИНОЛОГИЯ БУДУЩЕГО — ПОЗИТИВНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ?

Аннотация. *Размышления ученых о будущем криминологии стали остроактуальными. Это не просто закономерный процесс ее развития, а реакция науки на сложившуюся неопределенность в формировании ее будущих методологических принципов и отражение сложного, противоречивого и даже деструктивного периода реформирования базовых основ самого общества с негативными прогнозами его развития. Направления развития будущей криминологии в существенной степени будет зависеть от формата и степени совершенства будущего общества. Необходимость модернизировать концептуальные и теоретические основы фундаментальной криминологии в условиях изменившихся форм и масштабов преступности сегодня общепризнана, при этом многие базовые категории криминологической науки находятся в стадии разработки и не получили удовлетворительных ответов вследствие приверженности исследователей устаревшим теоретическим взглядам. Сегодня созрела потребность в создании концептуальных основ будущей криминологии как интегративной науки с перспективным использованием идей, выдвинутых и обоснованных философской и психологической наукой и, возможно, эзотерических положений, которые до сих пор не включались в методологию криминологии, но могли бы быть полезными для решения криминологических задач. Следует поддержать предложения о поиске и об обосновании принципиально новых подходов к расширению методологического и теоретического арсенала криминологии, об объединении усилий представителей всех гуманитарных и даже естественных и точных наук. Важной представляется актуализация проблемы возможности и целесообразности использования гуманно-личностного подхода как противовеса тотальной роботизации и насилию, а также критического переосмысления устоявшихся взглядов на всемогущество силовых вариантов решения социальных проблем, включая преступность. Нуждается в специальном исследовании предположение о том, что любое преступление есть проявление не просто безнравственности, а духовного рабства (исключение одно: когда преступно само государство или его законы). Говоря о недопустимости преувеличения роли принудительных методов обеспечения общественной безопасности, о повышении степени терпимости общества к отклоняющемуся поведению, конечно, надо видеть и определенную границу, за которую нельзя переступать, чтобы не нарушить хрупкий баланс между правами человека и интересами общественной безопасности.*

Ключевые слова: *будущая криминология, позитивная криминология, лично-гуманный подход в криминологии, концептуальные основы будущей криминологии.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.029-038

© Номоконов В. А., Судакова Т. М., 2018

* *Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Дальневосточного федерального университета*
krime@mail.ru

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, корп. 6

** *Судакова Татьяна Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Байкальского государственного университета*
krime@mail.ru

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, корп. 6

Хочется приветствовать инициативу журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра» и коллег, размышляющих о судьбах будущей криминологии¹. Уже сформулированы интересные мысли, заслуживающие обсуждения и творческой полемики. Боимся ошибиться, но нам показалось, что участники дискуссии вольно или невольно, в большей или меньшей мере, но все же остаются в прокрустовом ложе оценок *сегодняшнего* состояния криминологии, сделанных на основе реалий *современного* общества. Правда, не так давно опубликованы интереснейшие исследования, посвященные анализу будущего общества, прогнозу тенденций и особенностей преступности завтрашнего дня². И если еще два года назад криминологи заявляли об отсутствии сколь-либо серьезных исследований футурологии преступности, концепции будущей преступности, то сегодня можно с уверенностью говорить об их появлении³. Но в этих работах речь идет главным образом об объекте криминологического изучения — преступности, об использовании методов прогнозирования преступности и ее опаснейших видов на ближайшую или отдаленную перспективу⁴. Впрочем, в части анализа использования новейших технологий в предупреждении преступлений данный пробел в значительной степени уже восполнен. И тем не менее в криминологической науке остается еще неосвоенным огромный пласт, о котором и пойдет речь. В фокусе нашего внимания в рамках данной статьи находится вопрос о том, какой может или должна стать криминология — помимо и наряду с цифровой модернизацией — завтра, через 10 или больше лет.

Да, действительно, общий тренд изменений в отечественной криминологии оптимизма не внушает. Криминология не только как юридическая, но и как политическая наука не

так давно была изгнана из государственного образовательного стандарта последнего поколения по понятным политическим мотивам и только с сентября 2018 г., как стало известно, восстанавливается в своих правах. Вообще, как видим, вся образовательная сфера последовательно бюрократизируется и все больше превращается в так называемые образовательные услуги, все дальше удаляясь от воспитательных задач. Эти и другие обстоятельства приводят к естественному выводу об ожидаемом угасании криминологии, да и не только криминологии.

Мы согласны с выводом, согласно которому человечество в целом сегодня подошло к критической черте, за которой грозно маячит гибель от глобальных и локальных войн, терроризма, насилия, эпидемий, голода, жажды, социальных потрясений в результате раскола на благополучное меньшинство и обездоленное большинство, религиозных и этнических конфликтов, паразитирования одной части человечества на другой его части и т.п.

Есть ли альтернатива? Уверены, что она есть. Криминологи совместно с коллегами, представляющими другие области науки, пытаются внести посильный вклад в решение социальных проблем. С момента своего зарождения криминология прошла гигантский путь познания криминальных реалий и их закономерностей, отечественными и зарубежными криминологами созданы основательные теоретические модели и концепции. Тем не менее во всем мире и нашей стране войны и преступления, в особенности экстремистской, коррупционной и террористической направленности, не только не идут на спад, но и вызывают все большее беспокойство.

Представляется, что дело не только в плохой криминологической обоснованности анти-

¹ См.: Горшенков Н. Г. Криминология в XXI веке — звезда с увеличенной светимостью // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (47). С. 19—25 ; Иншаков С. М. Криминология в XXI веке // Там же. № 3 (46). С. 36—44 ; Фадеев В. Н. Будущее криминологии — криминология будущего // Российский криминологический взгляд. 2016. № 1.

² См.: Ларина Е. С., Овчинский В. С. Криминал будущего уже здесь. М. : Книжный мир, 2017. 480 с. ; Овчинский В. С. Криминология цифрового мира. М., 2018.

³ Овчинский В. С. Преступность: футурологический взгляд // URL: <https://www.izborsk-club.ru/8813> (дата обращения: 12.04.2017).

⁴ Суходолов А. П., Маренко В. А. Моделирование прогноза рецидивной преступности с применением нечетких множеств // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 15—22 ; Пилюгина Т. В., Натура Д. А. Использование метода математического моделирования при прогнозировании региональной преступности в вопросах ее предупреждения // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 61—70.

криминальной политики в глобальном и национальном масштабах и не только в игнорировании полезных рекомендаций криминологической науки. Полагаем, что назрела необходимость поиска и обоснования принципиально новых подходов к объяснению закономерностей современной преступности и предложений по оптимизации антикриминальной политики. Один из таких подходов заключается в расширении методологического и теоретического арсенала криминологии, объединении усилий представителей всех гуманитарных и даже естественных и точных наук. Такие предложения уже сделаны и их, безусловно, следует поддержать. В этом плане представляется плодотворной идея Г. Н. Горшенкова о «расширенной» криминологии, поскольку накопленный к настоящему времени массив знаний в отраслях наук криминологического цикла объективно требует теперь уже интегративного подхода к анализу и обобщению данных, полученных в результате исследований в рамках соответствующих наук⁵.

Однако вместе с тем надо видеть и более масштабную задачу, связанную с использованием еще более широкого объема информации, накопленной в целом в гуманитарных науках. Трудность и неразрешенность целого ряда проблем, на наш взгляд, обусловлена чрезмерной узостью «поля зрения» отдельных наук.

Пожалуй, общим недостатком многих криминологических работ последнего времени является их приверженность устаревшим теоретическим взглядам. В этой связи вспоминается один из методологических семинаров середины 80-годов прошлого века, где один из авторов данной статьи выступал с обоснованием необходимости нового юридического мышления. Один из тезисов был посвящен сомнениям (в то время еще только сомнениям!) в целесообразности сохранения смертной казни в стране. Тогда это было, по всей видимости, слишком рискованное сомнение. Его

(сомнение) тут же бросился развеивать один из самых известных в регионе (обратите внимание!) адвокатов. Последний хотя и являлся в высшей степени добрым и мягким в жизни человеком, говорил, увы, что отмена смертной казни «совершенно недопустима»... И что мы видим сегодня? Не только адвокаты, но и многие другие люди, пусть их и не большинство, стали противниками смертной казни⁶.

Необходимость модернизировать концептуальные и теоретические основы фундаментальной криминологии в условиях изменившихся форм и масштабов преступности признается сегодня все большим числом ученых. Более того, криминология как общественная наука отражает закономерный процесс становления интегративных подходов к принципам научного исследования.

Критическое осмысление методологических подходов криминологической теории в ретроспективе и современных воззрений показывает допустимость и целесообразность методологического плюрализма, даже полипарадигмального методологического характера криминологии современности.

Тенденции развития мировой криминологической мысли позволяют говорить о появлении обсуждаемой криминологами новой интегративной теоретической перспективы криминологии XXI в. как основы междисциплинарного исследования преступности с использованием возможностей дополняющих друг друга теорий и методологических подходов. Достаточно перспективными представляются нетрадиционные методы, которые следует применять не столько для замены, сколько для дополнения традиционных методик⁷.

В рамках новых подходов представляется перспективным использовать идеи, выдвинутые и обоснованные философской и психологической наукой, и, не исключено, даже эзотерические положения, которые до сих пор не включались в методологию криминологии, но

⁵ См.: Горшенков Г. Н. Криминология как «расширенная наука» о преступности: время становления и развития. Н. Новгород, 2015. 172 с.

⁶ Оговоримся сразу, что вопрос о том, быть или не быть смертной казни как виде наказания, на наш взгляд, должно решать само общество через всенародный референдум.

⁷ См. подробнее: Судакова Т. М. Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 656—665; Лиховая С. Я., Ланцева Ю. А. Полинаучная сущность криминологии по новой классификации юридических наук // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3; Титаев К. Д., Скугаревский Д. А., Кнорре А., Кудрявцев В. Е., Шклярук М. С. Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. Вып. 1.

могли бы быть полезными для решения криминологических задач⁸. В числе таких подходов можно назвать и *личностный* подход. Казалось бы, проблема личности преступника и без того всесторонне исследована криминологами и «белых пятен» уже не осталось. Однако, как представляется авторам, несмотря на обилие работ, посвященных проблеме личности, в криминологии пока преобладает в значительной мере механистический, упрощенный взгляд на личность преступника. Неслучайно в последнее время и в судебной-следственной практике борьбы с преступностью все более отчетливо обнаруживается явное обезличивание, выражающееся в слабом учете либо вообще игнорировании особенностей личности преступника. Более того, все чаще фиксируются факты обратной зависимости жесткости примененных мер уголовно-правового воздействия от степени общественной опасности личности преступника. Вместе с тем все громче слышны голоса тех, кто полагает, что не существует разницы между теми, кто совершает преступления, и законопослушными гражданами. Уже становятся даже общим местом утверждения о том, что в самой природе человека заложена склонность к преступлениям, что совершение или несвершение преступления конкретным человеком зависит прежде всего от случайного стечения обстоятельств и т.п. В этой связи вновь актуализировалась проблема возвращения личности в центр криминологической и уголовно-правовой проблематики.

Вероятно, кто-то удивится, однако даже в педагогике в качестве самостоятельного научно-практического направления существует так называемый гуманно-личностный подход. Казалось бы, педагогика по определению не может быть негуманной. Увы, на деле это не совсем так или совсем не так. Как верно отмечено в «Манифесте гуманной педагогики», сегодня мир стремительно меняется, но меняют его не культура и устремленность к Свету, а научно-технический прогресс со своей социальной установкой «бери от жизни все». Наряду со многими достижениями науки и техники, которые обогащают человечество, есть и «достижения» в виде сверхсекретного оружия

массового поражения, тотального контроля посредством всеобщей «чипизации» и манипулирование сознанием и подсознанием человека и целых сообществ людей. Утверждается тяга молодежи к вещам, разжигается страсть к удовольствиям, расшатываются основы семьи, духовные, религиозные и национальные устои народов. Ведется усиленная пропаганда секса и праздной жизни. Свергаются правительства, ведутся войны и уничтожаются государства. Гуманно-личностный подход возник в противовес тотальной роботизации и насилию. Суть его — в признании целостной сущности Ребенка: он есть полнота двух природ — духовной и материальной, в которых ведущей является Природа Духовная. Исходя из этого, предлагается новый фундаментальный принцип: весь педагогический процесс должен строиться сообразно целостной сущности Ребенка, а не только его материальной природе⁹. Вероятно, такой подход был бы перспективен и в работе по профилактике преступлений, о чем свидетельствует известный опыт А. С. Макаренко.

Однако вполне логично здесь и возникновение следующего вопроса: возможно ли в ближайшем будущем и в отдаленной перспективе воплощение в жизнь таких базовых подходов к целостной сущности личности, которые во многом отвергнуты сегодня самой жизнью с изменившейся системой доминирующих ценностей? Как их соотносить со все более ускоряющимся научно-техническим прогрессом, нашедшим преломление уже в «четвертой промышленной революции»? Суть последней ученые характеризуют через «деструктивную динамику, глобальную деструкцию, неопределенность, господство паразитарного капитала с рисками глобальной нестабильности, растущего неравенства и концентрации крайней бедности в ряде регионов мира»¹⁰. Возможно, стоит задуматься об адаптации криминологии к какому-то более рациональному подходу, в котором личностно ориентированные принципы по формированию гармоничной личности (если это вообще будет возможным) как базы прежде всего ранней профилактики преступности будут сочетаться с изменяющимися потребностями общества.

⁸ См., например: Манифест постматериалистической науки // URL: <http://www.eroskosmos.org/manifesto-of-post-materialistic-science/>.

⁹ См., напр.: Манифест гуманной педагогики // URL: https://www.vuzlit.ru/440013/manifest_gumannoy_pedagogiki.

¹⁰ Ларина Е. С., Овчинский В. С. Криминал будущего уже здесь. М., 2017. С. 24—25, 470—472.

Специалисты, изучающие массовое сознание граждан, особенности его содержания, сегодня оперируют терминами «прочно укоренившаяся в общественном сознании система деформаций», «деградация», обесценивание и нивелирование базовых нравственных ценностей» и т.п. Отдаем себе отчет, что затрагиваем серьезные извечные общеправовые категории о соотношении бытия и сознания, о критериях здорового общества и возможности его возрождения. И возможны ли в будущем какие-то нетрадиционные, неординарные методы воздействия на преступность или все предлагаемое для будущей криминологии — возрождение и методологическое внедрение забытых базовых принципов сосуществования человеческого общества и преступности с учетом современного и прогнозируемого состояния общественного сознания?

На наш взгляд, нуждается в критическом переосмыслении устоявшееся упование на всемогущество силовых вариантов решения социальных проблем, включая преступность. Сегодня за рамки криминологии действительно выводится вопрос о принципиальной эффективности или неэффективности карательно-силовых методов противодействия преступности, который заменяется вопросом о повышении эффективности этих методов, что далеко не одно и то же¹¹. Кроме того, ученые все более настойчиво говорят о целесообразности и необходимости смещения акцента в их деятельности по противодействию преступности как «ведущего» и координирующего специального субъекта на системное влияние и усиление деятельности неспециализированных субъектов.

Исчерпана ли старая, забытая идея «непротивления злу насилием»? Разумеется, общество и государство, как и любой гражданин, имеют право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств, это не может обсуждаться. Речь идет о возможности, целесообразности, об условиях и о границах применения государством и обществом мер, альтернативных принудительным. И речь в данном случае идет не просто о развитии и дальнейшем воплощении уже существующих институтов (к примеру, восстановительно-

го правосудия), а о создании нового концепта, с теми базовыми тактическими и стратегическими принципами, которые были бы стройно вплетены в контекст будущего общества.

Великие русские писатели, как известно, высказали свое отношение к этой проблеме. Основной вопрос Толстого: как разорвать замкнутый круг насилия, в котором государство осуществляет насилие над своими подданными и ведет войны против других государств, родители подавляют своих детей, учителя — учеников и т.д., и т.п. На насилие люди отвечают также насилием: угнетенные поднимаются на восстание и опять творят насилие. Если насилие иногда и защищало жизнь и спокойствие людей, то много чаще, напротив, становилось причиной величайших бедствий. До тех пор, пока люди будут неспособны устоять против соблазнов страха, одурения, корысти, честолюбия, тщеславия, поработавших одних и развращающих других, они всегда будут складываться в общество насилующих и обманывающих и насилуемых и обманываемых. Чтобы этого не было, каждому человеку нужно сделать нравственное усилие над самим собой¹².

Пока идеи Толстого о том, что закон жизни человеческой есть закон любви, дающей высшее благо как отдельному человеку, так и всему обществу, остаются не востребованными, насилие так и будет омрачать нашу жизнь. Может ли человечество предложить что-нибудь другое, кроме морального самосовершенствования, осознания приоритетности Духовного начала?

Ф. М. Достоевский увидел в добре не столько беззащитность, сколько жизненную силу. Носители добра становятся в его творчестве людьми, влияющими на ход исторических событий. Он так же, как и Л. Н. Толстой, считал, что добро как реальная сила не может насажаться искусственно, насильственно, оно может быть только результатом собственных исканий и убеждений человека, выступая и существуя как внутренний идеал. Утрата нравственности в обществе представляется Достоевскому опасной потому, что зло позволяет с легкостью манипулировать душами, а продвижение человека по пути зла приводит толь-

¹¹ См.: Гольберт В. В. О доброй войне с преступностью и худом мире // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т 6. № 1. С. 92.

¹² Толстой Л. Закон насилия и закон любви // URL: <http://www.tolstoy-lit.ru/tolstoy/religiya/zakon-lyubvi/zakon-lyubvi-1.htm>.

ко к разрушению. Мир заключает в себе основания и для гармонии, и для дисгармонии. Основанием первой является добро, второй — зло¹³.

Высказанные, казалось бы, утопические идеи тем не менее нашли свое развитие в трудах наших современников. Так, известный американский исследователь, врач-психиатр Д. Хокинс на обширном практическом и теоретическом материале пришел к выводу, что простая доброта к себе и ко всему сущему представляет собой самую могущественную силу. Сила всегда ассоциируется с тем, что выступает в поддержку жизни. Она взывает к благородному началу в человеке, в противоположность насилию, которое обращается к тому, что мы называем грубыми энергиями. Сила стремится к тому, что возвышает и делает человека достойным, — к благородству. Насилие отождествляется им с ущербностью, а сила — с целостностью и совершенством. Насилие всегда порождает силу противодействия; его влияние заключается в том, чтобы разделять, а не объединять. Разделение всегда подразумевает конфликт, поэтому его цена бывает очень высокой. Если сила взывает к нашей высшей природе, то насилие обращается к низменным инстинктам. Оно ограничено, сила же не имеет границ. Духовность всегда сопровождается отсутствием насилия¹⁴.

По мнению Д. Хокинса, если нельзя убивать человеческое существо, этот принцип не должен иметь никаких исключений. Общество, в котором разрешена смертная казнь, всегда будет сталкиваться с убийствами. И то и другое является результатом одного и того же уровня восприятия. Для убийцы смерть жертвы тоже становится позволительным исключением¹⁵.

Чезаре Беккариа в свое время, как известно, выступал в числе первых ученых за отмену смертной казни, обосновывая это, в частности, теми же аргументами. Он писал: «В те времена и в тех странах, где были наиболее жестокие наказания, свершались и наиболее кровавые и бесчеловечные действия, ибо тот же самый дух зверства, который водил рукой законодателя, управлял и рукой отцеубийцы и разбойника. На престоле он диктовал железные

законы жестоким, но послушным рабам, а в темных недрах частной жизни он побуждал избивать тиранов, чтобы на место их создавать новых»¹⁶.

В наши дни мы сталкиваемся, пусть еще и редко, с практической реализацией принципа универсального гуманизма и ненасильственного разрешения конфликтов. Так, летом 2017 г. в полицейский участок в Бангкоке вбежал мужчина, угрожая ножом младшему сержанту Анириту Мали. Полицейский приказал всем покинуть здание и начал разговаривать с нападавшим один на один. На записи с камеры наблюдения видно, чем закончился их разговор: мужчина убирает нож, а полицейский в ответ его обнимает. Да, этот случай уникален. Но вот другая новость. В Голландии за ненадобностью закрыли тюрьмы. Чтобы как-то заполнить камеры, стране пришлось импортировать 240 осужденных из Норвегии, но и это не помогло¹⁷. Все это произошло не только потому, что уровень преступности в этой стране упал, но и в силу известной гуманизации уголовной политики. Этого никак не скажешь о нашей российской политике борьбы с преступностью, грешащей явно чрезмерной криминализацией многих деяний, опасность которых вызывает сомнения у специалистов, но, впрочем, также и либерализацией в отношении деяний, опасность которых, напротив, не должна допускать их декриминализации или депенализации.

Говоря о недопустимости преувеличения роли принудительных методов обеспечения общественной безопасности, о повышении степени терпимости общества к отклоняющемуся поведению, конечно, надо видеть и определенную черту, за которую нельзя переступать, чтобы не нарушить хрупкий баланс между правами человека и интересами общественной безопасности. В этом плане представляет несомненный интерес анализ конкретной проблемы через призму известного «шара Данилова»¹⁸.

Представляется, что самые глубокие вопросы криминологии пока не получили удовлетворительных ответов. Есть ли реальные отличия (и в чем они выражаются) лиц, совершающих преступления, от личности законопослушных

¹³ Проблема человека в философии Ф. М. Достоевского // URL: <https://www.infopedia.ru/9x125b8.html>.

¹⁴ См.: Хокинс Д. Сила против насилия. СПб., 2010.

¹⁵ Хокинс Д. Указ. соч.

¹⁶ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях // URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bekkar/_04.php.

граждан, в чем таится сущность такой личности? Если взглянуть на проблему еще более широко: а в чем сущность любой личности? Только ли в том, что она есть, по Марксу, ансамбль, совокупность, продукт общественных отношений? А может быть, все дело в Душе (духовности)? Существует ли она реально и как влияет на поведение, в том числе преступное? А может быть, сущность личности человека — в духовном (добром) начале, без Зла? Зло же — не сущностное свойство, а некая матрица, привнесенная из прошлых жизней деструктивными силами? Если согласиться с этим, тогда можно ли сказать, что истинная сущность человека может затеняться (или вытесняться) той или иной степенью Зла как чуждого человеческого сущности качества?

Если согласиться с вышесказанным, то получается, что по степени духовного наполнения людей можно подразделить на Людей с большой буквы, у которых духовное начало преобладает и которые не приемлют противоправного пути достижения своих целей; Людей — носителей деструктивного начала («неустойчивые преступники»), которые конфликтуют с Душой; и даже Нелюдей («злостные преступники») — носителей глубокой и стойкой антиобщественной установки, у которых от Души — только остаточные следы. Тогда задача педагогики и криминологии должна заключаться в очищении Душ от деструктивной скверны, в возвращении личности ее подлинного человеческого облика. По своему социальному содержанию каждый человек — продукт Социума, а по сущности — носитель Духа (частицы Бога / Космического Разума и т.п.). Может быть, пора криминологии включить в свой предмет сущность личности в этом аспекте?

Подобное обезличивание характерно не только для науки и практики борьбы с преступностью. Так, китайский исследователь Чжэн Юньнянь, анализируя причины глобального политического кризиса в мире, говорит о некоем «кризисе личности». Но точнее, вероятно, говорить о кризисе не личности, а самой поли-

тики в отношении человека. Такой кризис возникает, когда политики ставят во главу угла все, что угодно, но не человека: капитал, развитие экономики, рынки, власть, управление (людьми в основном) и т.д. Все это — обстоятельства, связанные с жизнью людей, но не сами люди. Как только люди начинают переключаться от личности к другим факторам, кризис политического порядка неизбежен. На раннем этапе развития капитализма, когда люди гнались за прибылью, капитал или экономика служили им во благо. Однако названные ценности постепенно становились главной целью существования человека, и он сам стал орудием в их руках. Капитализм благосостояния, который мы наблюдаем сегодня, — это не логичный результат развития самого капитализма, а результат социальных завоеваний. Центральную роль на Западе, да и не только, начинает занимать капитал и богатство. В процессе максимизации прибыли возникает кризис личности, т.к. исчезает сообщество: богатство сосредотачивается в руках небольшой группы людей и социум разделяется¹⁹.

В свое время об этом много писал Э. Фромм, выдвинувший идею «здорового общества» как общества социальной гармонии. К последнему он относил общество, соответствующее потребностям человека. Это такое общество, в котором ни один человек не является средством для другого человека. Это общество, в котором такие качества, как алчность, склонность к эксплуатации, невозможно использовать для достижения материальной выгоды и роста личного престижа. Нездоровое, ущербное общество, напротив, порождает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляций и эксплуатации. Но если человек живет в условиях, противоречащих его природе, основным требованиям его развития и душевного здоровья, то он не может не реагировать на них; он вынужден либо деградировать и погибнуть, либо создать условия, более согласующиеся с его потребностями²⁰.

Здоровое общество развивает способность человека любить людей, стимулирует

¹⁷ См.: Объятие вместо выстрела // URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/132919> ; В Голландии за ненадобностью закрыли тюрьмы // URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/132919>.

¹⁸ См. подробнее: *Данилов А.* Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // *Криминология* вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4.

¹⁹ См.: *Чжэн Юньнянь.* Нынешняя ситуация на Западе и его будущее // URL: <http://www.inosmi.ru/social/20171211/240971090.htm>.

²⁰ См.: *Фромм Э.* Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005. С. 26, 28, 112, 268 и др.

созидательный труд, развитие разума, объективности, обретение чувства собственного Я, основанного на ощущении своих творческих сил. Нездоровое общество порождает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляций и эксплуатации, лишает его чувства Я, сохраняющегося лишь в той мере, в какой человек подчиняется другим или становится автоматом. По Фромму, сегодня человек стоит перед самым главным выбором: это выбор не между капитализмом и коммунизмом, а между роботизмом (в его как капиталистической, так и коммунистической форме) и гуманистическим социализмом²¹. Вне зависимости от того, как называть будущее общество, бесспорно, что в нем государство не на словах, а на деле, наконец, должно повернуться лицом к конкретному человеку, причем к каждому, а не только к избранным по тем или иным критериям. Можно было бы назвать это культом Личности, если бы не ошибочное употребление этого термина применительно к обществу, где на самом деле существовал культ Должности. Только занявший высший пост в социальной иерархии и мог претендовать на роль личности, имеющей все возможности для полноценной жизнедеятельности и развития в ущерб остальному обществу.

Не ставя своей задачей описывать более конкретный облик будущего общества, будем исходить из предположения, что верх рано или поздно возьмет идея воплощения высших ценностей государства. Под высшими ценностями российского государства понимаются специфические желаемые состояния и характеристики наиболее важных для его жизнеспособности факторов, выступающих и деятельностными мотиваторами для народа и государственной власти. К таким жизненно важным факторам государства относится утверждение высокой

нравственности на уровне как государства, так и каждого отдельного человека. Сегодня, к сожалению, по экспертным оценкам, весь государственный механизм России настроен на генерации как раз безнравственности и социал-дарвинистских настроений. Масштабное измерение динамики психологических характеристик населения страны за период 1981—2011 гг., проведенное Институтом психологии РАН, показало существенную нравственную деградацию общественного сознания, выразившуюся в массовом росте агрессивности, алчности, враждебности, беспринципности и т.п.²²

Нуждается в специальном исследовании предположение о том, что любое преступление есть проявление не просто безнравственности, а духовного рабства (исключение одно: когда преступно само государство или его законы). В безнравственном государстве его граждане, по сути, объективно ставятся в положение духовных рабов, которые не ощущают своей нравственной ответственности перед государством и другими гражданами. Нравственное государство заботится о формировании духовно-нравственного облика граждан, осознающих приоритет духовного начала в стратегии своей личной судьбы.

Вне зависимости от того или иного ответа на поставленные выше вопросы бесспорно, что параметры и направления развития будущей криминологии в существенной степени будут зависеть от формата и степени совершенства будущего общества. Общество, которое либо будет всячески содействовать развитию криминологии и внедрению ее рекомендаций, понимая ее вклад в реальное позитивное воздействие на преступность, либо, наоборот, исподволь деградируя, не увидит необходимости в этой науке — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гольберт В. В. О доброй войне с преступностью и худом мире // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — Т 6. — № 1.
2. Горшенков Г. Н. Криминология как «расширенная наука» о преступности: время становления и развития. — Н. Новгород, 2015.
3. Горшенков Н. Г. Криминология в XXI веке — звезда с увеличенной светимостью // Криминология вчера, сегодня, завтра. — 2017. — № 4 (47).

²¹ Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. С. 87, 413.

²² См. подробнее: Нравственное государство. От теории к проекту. М., 2015. С. 12, 316.

4. Данилов А. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология вчера, сегодня, завтра. — 2015. — № 4.
5. Иншаков С. М. Криминология в XXI веке // Криминология вчера, сегодня, завтра. — 2017. — № 3 (46).
6. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Криминал будущего уже здесь. — М., 2017.
7. Лиховая С. Я., Ланцедова Ю. А. Полинаучная сущность криминологии по новой классификации юридических наук // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11. — № 3.
8. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира. — М., 2018.
9. Пилюгина Т. В., Натура Д. А. Использование метода математического моделирования при прогнозировании региональной преступности в вопросах ее предупреждения // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11. — № 1.
10. Судакова Т. М. Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11. — № 4.
11. Суходолов А. П., Маренко В. А. Моделирование прогноза рецидивной преступности с применением нечетких множеств // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12. — № 1.
12. Титаев К. Д., Скугаревский Д. А., Кнорре А., Кудрявцев В. Е., Шклярчук М. С. Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2018. — Т. 9. — Вып. 1.
13. Фадеев В. Н. Будущее криминологии — криминология будущего // Российский криминологический взгляд. — 2016. — № 1.
14. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. — М., 2005.
15. Хокинс Д. Сила против насилия. — СПб., 2010.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

POSITIVE CRIMINOLOGY—THE CRIMINOLOGY OF THE FUTURE?

НОМОКОНОВ Vitaliy Anatolyevich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Institute of the Far Eastern Federal University
krime@mail.ru
664003, Russia, Irkutsk, ul. Lenina, d. 11, korp. 6

SUDAKOVA Tatyana Mihailovna — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Baikal State University
krime@mail.ru
664003, Russia, Irkutsk, ul. Lenina, d. 11, korp. 6

Abstract. *Reflections of scholars on the future of criminology have become acute. This is not just a natural process of its development, but the reaction to the existing uncertainty in the formation of its future methodological principles and the reflection of a complex, contradictory and even destructive period of reforming basic foundations of the society itself with negative forecasts of its development. The direction of the future criminology development, to a significant extent, will depend on the format and degree of perfection of the future society. The need to modernize conceptual and theoretical foundations of fundamental criminology in the face of changing forms and dimensions of crime is now universally recognized, with many basic categories of criminological science being under consideration and not receiving satisfactory answers because of the researchers' adherence to outdated theoretical views. Today, there is a need to create conceptual foundations for the future criminology as an integrative science with the perspective use of ideas put forward and grounded by philosophical and psychological science and, possibly, esoteric provisions that have not been included in the methodology of criminology so far but could be useful for solving criminological problems. It is necessary to support proposals for determining and substantiating fundamentally new approaches to expanding methodological and theoretical arsenals of criminology, for uniting the efforts of representatives of all humanitarian and even natural and exact sciences. It seems important to actualize the problem of the possibility and expediency of using a humane-personal approach as a counterweight to total robotization and violence, as well as critical rethinking of established views on the omnipotence of belligerent solution of social problems, including crime. The assumption that any crime is*

a manifestation of not just immorality, but spiritual slavery (with the only exception when the state itself and its laws are criminal) needs thorough specific examination. Speaking about inadmissibility of exaggerating the role of compulsory methods of ensuring public security and increase in the degree of tolerance of society to deviant behavior, we must also see a certain limit that can not be overstepped in order not to disturb the delicate balance between human rights and public security interests.

Keywords: *future criminology, positive criminology, personal-human approach in criminology, conceptual foundations of future criminology.*

REFERENCES

1. Golbert V.V. O dobroy voyne s prestupnostyu i khudom mire [About a good war with crime and a lean peace]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2003. Vol. 6. No. 1.
2. Gorshenkov G.N. Kriminologiya kak «rasshirennyaya nauka» o prestupnosti: vremya stanovleniya i razvitiya [Criminology as an “extended science” on crime: The time of formation and development]. N. Novgorod, 2015.
3. Gorshenkov N. G. Kriminologiya v XXI veke — zvezda s uvelichennoy svetimostyu [Criminology in the XXI century — A star with increased luminosity]. *Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra [Criminology yesterday, today, tomorrow]*. 2017. No. 4 (47).
4. Danilov A. Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti) [Criminality on tolerance (criminological theory of tolerance)]. *Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra [Criminology yesterday, today, tomorrow]*. 2015. No. 4.
5. Inshakov S.M. Kriminologiya v XXI veke [Criminology in the XXI century]. *Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra [Criminology yesterday, today, tomorrow]*. 2017. No. 3 (46).
6. Larina E.S., Ovchinsky V.S. Kriminal budushchego uzhe zdes [Crime of the future is already here]. Moscow, 2017.
7. Lihovaya S. Ya., Lancedova Yu. A. Polinauchnaya sushchnost kriminologii po novoy klassifikatsii yuridicheskikh nauk [Polyscientific essence of criminology under the new classification of legal sciences]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2017. Vol. 11. No. 3.
8. Ovchinsky V.S. Kriminologiya tsifrovogo mira [Criminology of the digital world]. Moscow, 2018.
9. Pilyugina T.V., Natura D.A. Ispolzovanie metoda matematicheskogo modelirovaniya pri prognozirovanii regionalnoy prestupnosti v voprosakh ee preduprezhdeniya [Using the method of mathematical modeling in forecasting regional crime in the prevention of it]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2017. Vol. 11. No. 1.
10. Sudakova T.M. Kriminologicheskoe issledovanie: teoretiko-metodologicheskie osnovy [Criminological research: theoretical and methodological foundations]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2017. Vol. 11. No. 4.
11. Sukhodolov A.P., Marenko V.A. Modelirovanie prognoza retsidivnoy prestupnosti s primeneniem nechetkikh mnozhestv [Modeling the forecast of recidivism with the use of fuzzy sets]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2018. Vol. 12. No. 1.
12. Titaev K.D., Skugarevsky D.A. Knorre A., Kudryavtsev V. E., Shklyaruk M.S. Manifest novoy kolichestvennoy kriminologii «Ugolovnaya politika s oporoy na dannye» [Manifesto of the new quantitative criminology “Criminal policy with data support”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 2018. Vol. 9. Iss. 1.
13. Fadeev V.N. Budushchee kriminologii — kriminologiya budushchego [The Future of criminology is the criminology of the future]. *Rossiyskiy kriminologicheskij vzglyad [Russian Criminological Outlook]*. 2016. No. 1.
14. Fromm E. Zdorovoe obshchestvo. Dogmat o Khriste. [A Healthy Society. The Dogma of Christ]. Moscow, 2005.
15. Hawkins D. Sila protiv nasiliya [The Force Against Violence]. St. Petersburg, 2010.

Н. В. Щедрин*

ПРЕДЕЛЫ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Автор рассматривает предупреждение преступлений как разновидность социального управления, которое включает в себя две группы мер: не связанные с ограничением прав и свобод (стимулирующее предупреждение) и связанные с ограничением прав и свобод граждан (ограничительное предупреждение). В последнюю группу входят правила безопасности и следующие за их нарушением санкции наказания, безопасности и восстановления. Пределы применения предупредительных мер следует обозначать дифференцированно по отношению к каждой из названных групп.

Границы использования и интенсивность стимулирующих мер определяются главным образом наличием у субъекта предупреждения соответствующих ресурсов и желанием профилактируемого принять предложенные услуги и помощь. Другое дело — меры ограничительного предупреждения, применение которых должно быть строго регламентировано по времени, пространству и кругу лиц. Поскольку меры этой группы ограничивают конституционные права и свободы граждан, для их применения нужны минимум четыре основания: социальное, нормативное, фактическое и организационное. Вред, причиняемый предупредительными ограничениями, должен быть меньше, чем вред предотвращаемый. Условия и порядок применения этих мер должны быть предусмотрены в федеральном законе. Для применения правил безопасности требуется наличие юридического факта в виде события или действия, а для применения ограничительных санкций необходим акт применения права. И чем больше предупредительные меры ограничивают права и свободы, тем сложнее должна быть процедура их применения и тем авторитетнее орган, их применяющий.

Четкое обозначение пределов предупредительной деятельности позволяет не ограничивать без нужды конституционные права и свободы граждан, не сковывать творческую активность населения, экономить и правильно распределять ограниченные предупредительные ресурсы.

Автор использовал диалектический, а также системно-структурный, формально-логический и другие методы научного познания.

Ключевые слова: предупреждение, профилактика, преступность, пределы, основания, ограничения, криминализация, правила безопасности, санкции наказания, санкции безопасности, санкции восстановления.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.039-053

Все более и более укрепляюсь во мнении, что перспективы развития криминологического учения о предупреждении преступности связаны с его пониманием в контексте зако-

номерностей социального управления. Хотя эта идея для российской криминологии нова¹, должного признания она до сих пор не получила.

¹ См., например: Раска Э. Э. Борьба с преступностью и социальное управление: теоретические и методологические аспекты. Таллин : Эести раамат, 1985. 215 с. ; Горшенков А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н.

© Щедрин Н. В., 2018

* Щедрин Николай Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета law@sfu-kras.ru 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79

Под этим углом зрения *предупреждение преступлений представляет собой специфическую разновидность социального управления, осуществляемого с целью снижения вероятности особо опасных посягательств на особо охраняемые ценности, для чего субъект, используя комплекс законных мер воздействия, стимулирует включение объекта в общественно полезные отношения и ограничивает его негативные связи.*

Система предупреждения преступности включает в себя управляющую (субъект)

и управляемую (объект) подсистемы, управляющее воздействие (меры), информационные потоки, характеризующие состояние объекта и его изменение (обратная связь), а также ресурсы в виде материально-финансового, организационного, нормативного, информационного, аналитического, пропагандистского, нормативного и кадрового обеспечения. Системообразующим признаком служит цель, для достижения которой, собственно, и создана (предназначена) система предупреждения преступности.

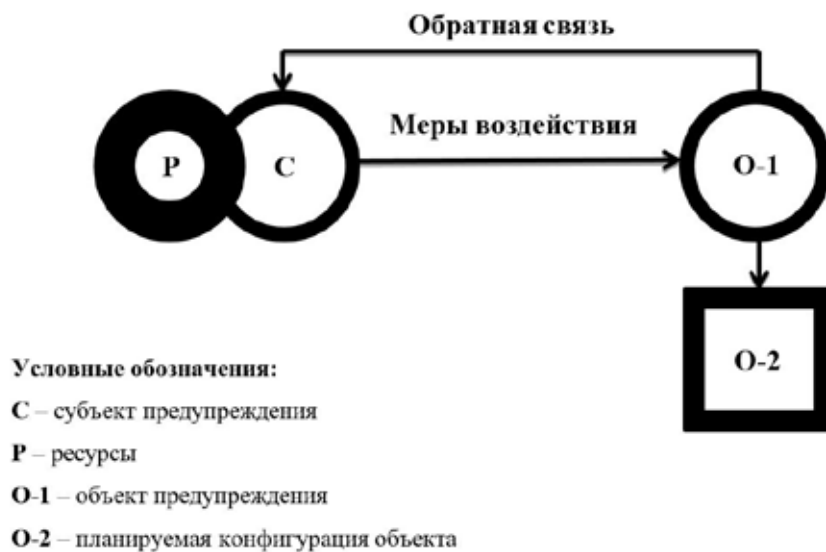

Рис. 1. Система предупреждения преступности

Рассмотрение предупредительной деятельности в контексте социального управления может дать дополнительный импульс развитию криминологии, позволит найти общий язык для коммуникации представителей различных кри-

минологических школ и течений, особенно при разработке теории предупреждения преступности, как бы мы этот процесс ни именовали: *предупреждение*², *противодействие*³, *профилактика*⁴, *воздействие на преступность*⁵,

Преступность как объект управленческого воздействия : учебное пособие. Сыктывкар : Коми республиканская академия госслужбы и управления, 1999. 92 с.

² См.: Теоретические основы предупреждения преступности / под ред. В. К. Звирбуля, В. В. Клочкова, Г. М. Миньковского. М. : Юрид. лит., 1977. С. 30 ; Криминология : учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. М. : Проспект, 2015. С. 112—125.

³ См.: Шестаков Д. А. Криминология : Новые подходы к преступлению и преступности : учебник. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. С. 246.

⁴ См.: Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика преступлений. Горький, 1976. С. 45 ; Жалинский А. Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР (вопросы теории). Львов : Вища школа, 1976. С. 11 ; Филимонов О. В. Индивидуальная профилактика преступлений. Томск : Томский университет, 1985. С. 5—8 ; Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть : учебное пособие. Красноярск : Горница, 1997. С. 199—200.

⁵ См.: Комплексное изучение системы воздействия на преступность (методологические и теоретические основы) / под ред. П. П. Осипова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. С. 15 ; Иншаков С. М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. С. 75—127.

социальное отрицание преступности⁶, разрушающее воздействие на преступность⁷, борьба с преступностью⁸, контроль преступности⁹, управление преступностью¹⁰, социальный контроль над преступностью¹¹, антикриминальная политика¹², криминологическая политика¹³.

Поскольку в криминологической науке и в нормативных правовых актах, регламентирующих предупредительную деятельность, нет терминологического единства, обязан уточнить, что в настоящей статье в качестве самого широкого термина, обозначающего все типы, виды, формы и методы, имеющие антикриминогенный потенциал, используется термин «предупреждение» и как его аналог — «предупредительная деятельность».

Как уже сказано, основные параметры системы предупреждения преступлений, а также оценка ее эффективности определяется целью. Одно дело, когда ставится неосуществимая цель искоренения преступности, другое дело — антикриминальная безопасность, то есть поддержание состояния защищенности провозглашенных в конституции ценностей (объектов особой охраны) от наиболее опасных посягательств (источники особой опасности).

В советской, а потом и в российской криминологии традиционно используется деление предупредительных мер на общесоциальные (общие) и специально-криминологические (специальные, криминологические). Основания этого деления я не мог понять со времен

студенчества, в чем неоднократно и публично признавался. В самом деле, какой признак лежит в основе указанной классификации: цель, предназначение, уровень, масштаб, субъект? В разных источниках — разные трактовки. А ознакомившись со статьей В. Д. Ларичева «Общесоциальное предупреждение преступности: миф или реальность», даже обрадовался. Оказывается, не один я такой непонятливый. Василий Дмитриевич ставит вопрос ребром: «Если это не целенаправленная деятельность и если нет субъектов, уполномоченных ее осуществлять, можно ли признать ее видом предупреждения преступлений?»¹⁴

Целеполагание — тот самый системообразующий признак, который позволяет отнести ту или иную деятельность к предупреждению и, соответственно, обозначить круг субъектов системы предупреждения. Еще из школьных учебников мы знаем, что в основе развития человеческой цивилизации лежит разделение труда: собирательство, охота, скотоводство, земледелие, натуральное хозяйство, цеховые гильдии, мануфактура... Но специализация характерна и для социальной сферы, которая сопровождает разделение труда в экономике. И здесь развитие идет через появление и обособление социальных институтов¹⁵, обеспечивающих образование, профессиональную подготовку, развитие физических и интеллектуальных способностей человека, его безопасность. Социологи пишут, что понятие «институт» заимствовано из юридической науки, где оно определяет совокупность правовых

⁶ См.: Иншаков С. М. Указ. соч. С. 75—127.

⁷ См.: Иншаков С. М. Указ. соч. С. 75—127.

⁸ См.: Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 404—405; Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М.: Наука, 1990. С. 19—20; Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. М.: Норма, 2010. С. 425.

⁹ См.: Шестаков Д. А. Указ. соч. С. 246.

¹⁰ См.: Шестаков Д. А. Указ. соч. С. 246.

¹¹ См.: Гилинский Я. И. Криминология: курс лекций. СПб.: Питер, 2002. С. 308.

¹² См.: Горшенков Г. Н. Криминология: научные инновации. Н. Новгород: Нижегородский университет, 2009. С. 186.

¹³ См.: Клейменов М. П. Криминология: учебник. М.: Норма, 2012. С. 215.

¹⁴ Ларичев В. Д. Общесоциальное предупреждение преступности: миф или реальность // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. трудов / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. академии, 2013. С. 548.

¹⁵ В социологии под социальным (общественным) институтом понимается исторически сложившаяся или целенаправленно созданная форма организации совместной жизнедеятельности людей для удовлетворения социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей общества в целом или его части (см.: Андреев Ю. П., Коржевская Н. М., Костина Н. Б. Социальные институты: содержание, функции, структура. Свердловск: Уральский университет, 1989. С. 3—15).

норм, регулирующих однородные отношения. Однако в правовой сфере можно выделить не только правовые, но и социальные институты. Параллельно с выделением и специализацией правовых институтов постоянно углубляется разделение труда и самих служителей права. Суд, полиция, уголовно-исполнительная система — примеры постоянно продолжающегося институционального разделения труда.

Вместе с тем общественное разделение труда, наряду с преимуществами, влечет за собой и негативные моменты. Один из них состоит в том, что системы (институты), созданные для достижения той или иной промежуточной цели, закливаются на ней так, что теряют из виду цель вышестоящей системы, в которую они включены.

Для преодоления разобщенности социальных институтов создаются новые, которые призваны кооперировать возможности и координировать усилия уже имеющихся специализированных институтов. Система предупреждения преступности как раз и является тем самым социальным институтом, в рамках которого осуществляется кооперация потенциала других социальных институтов — образования, здравоохранения, социальной работы, правосудия, безопасности.

Подавляющее большинство мер, имеющих криминально-предупредительный эффект, исходит от социальных институтов, которые созданы и предназначены вовсе не для предупредительной деятельности. Предупреждение преступлений для этой группы субъектов — одна из побочных целей. Здоровый, образованный и нравственно воспитанный человек более адаптирован к жизни в обществе, а значит, менее склонен к преступлению, суть которого — конфликт между личностью и обществом. Вряд ли больницу, спортивный клуб, школу, университет можно назвать субъектами предупреждения преступлений, а медицинские и образовательные услуги следует определять как меры предупреждения преступлений. Даже меры, которые на первый взгляд специально предназначены для предупреждения коррупционных преступлений, например обязанность уведомления о конфликте интересов или запрет чиновникам получать подарки, при ближайшем рассмотрении оказываются многофункциональными и могут использоваться для предупреждения

других правонарушений и аморальных злоупотреблений.

Теория социального управления позволяет уточнить круг субъектов предупреждения преступлений. Традиционно в советской и российской криминологии субъектами считали негосударственные формирования и граждан, которые в своей деятельности ставят цель предупреждения. Но статья 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» вывела из состава субъектов не только предупреждения, но и профилактики граждан, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений. В принятом гораздо раньше Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» словосочетание «субъекты профилактики» не используется, а в число структур, которые «входят в систему профилактики» (ст. 4), волонтеры и общественные формирования вообще не включены. Почему?

Одна из рабочих гипотез состоит в том, что разработчики названных законов, похоже, исходили из понимания профилактики как разновидности государственного, а не социального управления. Этот подход вполне вписывается в трактовку социального управления, распространенную в административном праве. Так, по мнению Н. В. Макарейко, «общие черты социального управления состоят в следующем: существует там, где имеет место совместная деятельность людей и их общностей; обеспечивает упорядоченное воздействие на участников совместной деятельности; направлено на достижение определенной управленческой цели; характеризуется наличием субъекта и объекта управления; субъект управления наделяется определенным властным ресурсом; объект управления является подвластным субъектом, сознательно-волевое поведение которого должно изменяться в соответствии с указаниями субъекта; реализуется в рамках определенного механизма»¹⁶. С этих позиций субъектами предупреждения (и профилактики как составной его части) могут быть только органы и лица, наделенные властным ресурсом, а соответственно, объектами предупреждения являются подвластные. Мне кажется, что

¹⁶ Макарейко Н. В. Административное право : краткий курс лекций. М. : Юрайт, 2014. С. 9.

нельзя ставить знак равенства между социальным и государственным управлением. Второе значительно уже и является составной частью первого. Государственные и муниципальные субъекты — хотя и самая значительная, но тем не менее только часть субъектов системы предупреждения преступлений.

Выделение в Законе «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» «субъектов профилактики», «лиц, участвующих в профилактике правонарушений» (ст. 2, 5) — интересная идея.

Но, на мой взгляд, круг субъектов профилактики правонарушений шире, чем описан в ст. 5 Закона. В него должны входить волонтеры и общественные формирования, самоопределившиеся и объединившиеся для содействия лицам и группам криминального риска.

С позиций теории социального управления объектом является не человек, не микро-среда, не социальная группа, а совокупность связей — отношений. «Дойдя до человека, коллектива или общества в целом, управленческий импульс закладывает в них или через них программу развития общественных отношений. Акт же управления совершается только тогда, когда складываются новые, предусмотренные управляющей идеей общественные отношения»¹⁷.

К какой конфигурации общественных отношений должна быть устремлена система противодействия преступности, нам еще предстоит уточнить. Но очевидно, что предупреждение преступности — это двусторонний процесс: прерывание негативных отношений и втягивание профилактируемого в позитивные.

А. В. Малько подчеркивает, что «все виды социального управления можно представить: 1) в виде *со-действия* удовлетворению социально ценных интересов, то есть стимулирования; 2) в виде *противо-действия* удовлетворению интересов антиобщественных, то есть ограничения»¹⁸.

Соответственно, предупреждение преступности предполагает две взаимоувязанные стратегии: стимулирование (в том числе поощрение) бережного отношения к объектам охраны и ограничение вредного влияния источников криминальной опасности. Иными словами,

в предупредительной деятельности логично выделять две основные группы (вида) мер: *стимулирующие* (не связанные с ограничениями) и *ограничивающие* (связанные с ограничениями прав и свобод граждан).

К сожалению, под этим углом зрения предупреждение преступлений в российской криминологии практически не рассматривалось. На мой взгляд, *стимулирующее предупреждение* (которое можно именовать *социальной профилактикой*) — это совокупность социальных услуг, предоставляемых для поддержания физического и психического здоровья, общего и профессионального образования и т.п.

Предоставление такого рода услуг осуществляется государственными и муниципальными органами, учреждениями и предприятиями, а также негосударственными структурами, которые именно для этого созданы и предназначены. В иерархии целей их деятельности «предупреждение правонарушений» — промежуточная или даже побочная цель. Свой вклад в предупреждение правонарушений они вносят через основной вид деятельности, для которого созданы: материальная, психолого-педагогическая и иная социальная помощь. Школа, например, функционирует для того, чтобы оказывать образовательные услуги, а не для того, чтобы заниматься профилактикой преступлений или правонарушений.

В трактовке ст. 2 Закона «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» — это «не субъекты профилактики», а «лица, участвующие в профилактике правонарушений, — граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений» (п. 4), в том числе организации, осуществляющие «социальное обслуживание (предоставление социально-бытовых, социально-медицинских, социально-психологических, социально-педагогических, социально-трудовых, социально-правовых и иных социальных услуг)» (п. 5).

Сказанное не означает, что данная группа мер не должна исследоваться в криминологии. Стимулирующее предупреждение имеет выраженный криминально-предупредительный эффект. Криминологи должны отслеживать, как тот или иной вид социальной помощи доходит

¹⁷ Богодухов А. С. К вопросу об объекте управления // Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования. Томск : Томский университет, 1982. С. 162.

¹⁸ См.: Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М. : Юрист, 2005. С. 37.

до групп криминального риска, а также проектировать и создавать специализированные структуры — адаптеры, дополнительные каналы, через которые «общегражданская» социальная помощь будет доводиться до представителей групп риска. Пункт 2 ст. 4 Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» предусматривает, что в органах, «входящих в систему профилактики», «могут создаваться учреждения, осуществляющие отдельные функции по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Например, в Красноярском крае отработывается модель, в соответствии с которой на базе молодежных центров создаются ювенальные службы, в рамках которых кураторы диагностируют ситуацию и для оказания помощи несовершеннолетним и родителям, оказавшимся в социально опасном положении, «подключают» их к услугам разнопрофильных социальных служб.

В криминологии принято выделять специализированные и неспециализированные субъекты предупреждения. «Неспециализированными субъектами являются: общественные и религиозные организации, политические партии и движения, уличные домовые комитеты, товарищества собственников жилья и т.п.»¹⁹.

Но указанные структуры оказывают помощь и услуги всем гражданам. Согласно Закону «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» их следует относить «к лицам, участвующим в профилактике правонарушений». С другой стороны, этот Закон относит к субъектам профилактики такие органы, как федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, большая часть объема деятельности которых явно не специализирована для профилактики правонарушений.

Проблема субъектного состава предупреждения должна быть предметом самостоятельного исследования и отдельной (возможно, следующей) статьи. Склоняюсь к мнению, что в число субъектов профилактики следует включать только те структуры, которые специально созданы и предназначены для работы с правонарушителями или лицами, предрасположенными к совершению правонарушений.

Предупреждение преступлений — многоуровневая система. Меры предупреждения, как, впрочем, и субъекты предупреждения, могут действовать на общем, особом и единичном уровне. На каком-то из уровней их цели различаются, на каком-то совпадают, и только построив «дерево целей», можно более точно определить с кругом субъектов предупредительной деятельности. Парламентские политические партии, участвуя в законопроектной деятельности и в принятии, например, уголовного закона, имеющего общепредупредительный эффект, наверное, являются субъектами. С другой стороны, возможно, такого рода участники предупредительной деятельности являются не субъектами предупреждения, а субъектами ресурсного обеспечения предупредительной деятельности. Но это пока только рабочие гипотезы.

Для понимания предложенной в статье классификации предупреждения на стимулирующее и ограничивающее более важен другой аспект: субъекты социальной профилактики должны осуществлять свою деятельность, не прибегая к ограничительно-принудительным методам. С этих позиций наделение добровольных народных дружин — субъектов социальной профилактики — полномочиями на применение ограничительных мер вряд ли правомерно.

Кроме того, криминологам предстоит разработка принципов и рекомендаций оказания социальных услуг и улучшения социальной помощи группам криминального риска. В этой сфере есть множество теоретико-прикладных задач, которые интересны для криминологии и решение которых полезно для практики. К таковым относится проблема трудоустройства лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Ведь режим наибольшего благоприятствования для них нарушает принципы социальной справедливости. В условиях безработицы законопослушные граждане не должны находиться в ситуации худшей, чем лица, скомпрометировавшие себя преступлением. Кроме того, предоставление различного рода льгот и привилегий усиливает социальное иждивенчество, что в конечном счете плохо как для общества, так и для самого лица, получающего социальную помощь.

Именно социальная профилактика должна служить стержнем предупреждения преступ-

¹⁹ Криминология : учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. С. 346—347.

ности. Но, похоже, нынешнему управляющему сословию профилактика, стимулирующая и поддерживающая законопослушный образ жизни, малоинтересна. Ведь она связана с улучшением качества жизни большинства россиян, а не так называемой элиты.

Группу мер, связанную с ограничениями прав и свобод граждан, можно обозначить как *меры ограничительного предупреждения*. Ее субъектами могут быть только государственные и муниципальные структуры, наделенные специальными полномочиями, сотрудники которых имеют специализированную подготовку. Компетенция и алгоритм деятельности указанных субъектов должны быть регламентированы по разрешительному типу правового регулирования. Субъектами ограничительной деятельности являются многие должностные лица и организации, но, как и в случае оказания социальных услуг, субъектами ограничительного предупреждения могут быть только те, чья деятельность направлена на предупреждение преступлений.

Две названные группы мер могут осуществляться на общем, особенном и единичном уровнях. Поэтому вполне правомерно выделение мер общей социальной профилактики, специальной социальной профилактики и индивидуальной социальной профилактики, а также мер общего ограничительного, специального ограничительного и индивидуального ограничительного предупреждения.

Негосударственные формирования (казачество, добровольные народные дружины), как правило, не должны быть субъектами ограничительного предупреждения. Только в некоторых исключительных случаях (частные охранные предприятия) при наличии закона, предусматривающего специализированную подготовку и лицензирование, физические лица и объединения могут в своей деятельности использовать ограничения.

Важнейшая проблема теории и практики предупреждения преступлений — это пределы предупредительной деятельности. В криминологической литературе этот вопрос мало исследован. В 1984 г. в СССР был опубликован перевод книги известного норвежского криминолога Нильса Кристи «Пределы наказания»²⁰. Но с того времени многое изменилось как в теории, так и на практике. Кроме того, на мой взгляд, пределы должны выделяться не только

применительно к наказанию, но и ко всем видам (группам) предупреждения преступлений.

Меры, не связанные с ограничениями прав и свобод граждан, пределов, по сути дела, не имеют. Интенсивность их применения определяется главным образом наличием ресурса и волей лица, принимающего поддержку. Невозможно эффективно оказывать содействие, не имея развитой инфраструктуры для этого. Нельзя осчастливить насильно, помочь вменяемому гражданину против его воли. Ведь он все равно отвергнет эту помощь, а если оказывать ее принудительно, то это уже не помощь, а принуждение.

Гораздо сложнее обозначить пределы для группы мер, связанных с ограничением прав и свобод граждан. Моя страна в очередной раз «наступает на одни и те же грабли» и вновь пытается воплотить уже многократно дискредитированную идею: «Железной рукой загоним сограждан в счастливое будущее».

Количество ограничений, которые используются в том числе в криминально-превентивных целях, множится в геометрической прогрессии: антитеррористические, антикоррупционные, антиалкогольные, антитабачные, антисанкционные, для защиты детей, для защиты верующих, для защиты традиций, для защиты истории...

Лично для меня необходимость ограничений в целях предупреждения девиантного, делинквентного и криминального поведения давно очевидна, за что в эпоху «разгула демократии», который совпал с работой над докторской диссертацией «Меры безопасности как средство предупреждения преступности», был неоднократно «бит». Даже предложения об ограничениях безопасности в отношении лиц, имеющих криминальное прошлое, которые сейчас не только воплощены, но и «ревоплощены», квалифицировались некоторыми критиками как узурпация конституционных прав и свобод.

С начала двухтысячных годов «маятник признания» качнулся в сторону ограничений безопасности. Россиянам, да и не только им, навязана порочная дилемма «или безопасность, или права и свободы граждан», хотя проблема должна решаться диалектически: «и безопасность, и права человека».

Чрезмерные ограничения безопасности сами по себе становятся опасными и причи-

²⁰ См.: Кристи Н. Пределы наказания. М.: Прогресс, 1984. 176 с.

няют личности и обществу вред больший, чем правонарушения и даже преступления, для защиты от которых они устанавливаются. Сами по себе, без соединения с мерами социальной профилактики, они малоэффективны.

Термин «мера» применительно к предупреждению преступлений чаще всего используется в значении «средство для осуществления чего-н., мероприятие», хотя у него есть и другие толкования — «единица измерения», «граница, предел проявления чего-н.»²¹. Именно благодаря последней трактовке в упомянутой выше монографии и диссертации этому была посвящена специальная глава «Пределы мер безопасности». Как говорили древние, *ne quid nimis* — ничего сверх меры; не нарушай меры; ничего слишком.

Ограничения — не цель, а средство. И так же, как использование мощных антибиотиков для уничтожения болезнетворных организмов оказывает побочное губительное воздействие на полезные, чрезмерное применение ограничений приносит социальному организму больше вреда, чем пользы.

При определенных обстоятельствах запреты являются криминогенным (девиантогенным) фактором²², «обилие правил лишь увеличивает вероятность их нарушения»²³.

Избыточные запреты и обязанности необоснованно ограничивают свободу, необходимую для творчества во всех сферах. Они сковывают созидательную активность. Чрезмерными ограничениями во внешнюю и внутреннюю эмиграцию выдавливается наиболее креативные слои российского населения, без которых вряд ли возможно обеспечить процветание страны. А во-вторых, для реализации ограничений требуются огромные ресурсы, которые целесообразно тратить на повышение качества жизни людей, низкий уровень которого собственно и продуцирует делинквентность и преступность.

Процесс введения тех или иных ограничений в настоящее время напоминает шаманские камлания и, к сожалению, не имеет под собой основательной научной базы. Научное

обоснование различного рода запретов должно стать обязательным разделом таких наук, как девиантология (наука об отклоняющемся поведении), деликтология (наука о правонарушающем поведении) и криминология (наука о преступном поведении). Но в силу ряда объективных и субъективных причин эти науки находятся в детском или чрезвычайно затянувшимся юношеском возрасте.

Впрочем, хотя алгоритмы девиантологизации, деликтологизации и криминализации пока не доведены до прикладного уровня, достижения в этом направлении есть. Прежде всего в теории криминализации-декриминализации, в рамках которой стараниями Г. А. Злобина, С. Г. Келиной, И. В. Лозинского, Н. А. Лопашенко, А. И. Коробеева, В. Н. Кудрявцева, В. И. Плоховой, Л. М. Прокументова, П. А. Фелелова, В. Д. Филимонова, А. В. Шеслера и ряда других авторов выработаны общие рекомендации перевода общественно опасного деяния в ранг преступного. Надо двигаться дальше, детализировать эти рекомендации и делать их обязательными для правотворцев.

Любая правовая норма состоит как минимум из диспозиции и санкции. В диспозициях сформулированы правила поведения. Их можно разделить на технологические правила и правила безопасности²⁴. Предупредительные ограничения относятся именно к последнему виду. Формулируя правила безопасности, очень важно правильно определить объект охраны и источник опасности. Объекты охраны — это ценности и принципы, которые создают каркас общественной системы и государственного устройства. Они обозначены в Конституции РФ. В юридической логике их нужно градуировать на объекты охраны, объекты повышенной охраны и объекты особой охраны. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ высшей ценностью является человек, его права и свободы.

Источники опасности — это объекты, деятельность и субъекты этой деятельности, от которых исходит повышенная вероятность причинения вреда объектам охраны. Они также

²¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1990. С. 349.

²² См.: Гилинский Я. И. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 302—311.

²³ Криминология : учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. С. 347.

²⁴ См.: Тер-Акопов А. А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М. : Юрид. лит., 1995. С. 24—25.

должны быть градуированы: источники опасности, источники повышенной опасности и источники особой опасности. Соответствующим образом должны быть классифицированы и правила безопасности.

Один из типичных просчетов современного периода состоит в том, что правила особой или повышенной безопасности устанавливаются по поводу объектов охраны, ранг которых искусственно завышается (чувства верующих) и,

наоборот, правила не устанавливаются в отношении по-настоящему важных объектов охраны (принцип разделения властей). В итоге это приводит к необоснованному ограничению прав и свобод граждан и, соответственно, к неоптимальному расходованию и без того ограниченных правоохранных ресурсов.

За нарушение правил безопасности устанавливаются санкции безопасности, восстановления и наказания (см. рис. 2).

Рис. 2. Соотношение правил безопасности и санкций за их нарушение

Представляется, что пределы должны устанавливаться как по отношению к правилам, так и по отношению к каждому из видов санкций. В нашей интерпретации негативная девиантолизация²⁵ — это установление правил безопасности (диспозиции социальных норм и норм частного права), деликтолизация — установление правил повышенной безопасности (диспозиции норм публичного права), криминализация — установление правил особой безопасности (диспозиции норм уголовного права).

Применительно к законопроектному и законодательному установлению вида и размера наказания уже прижился термин «пенализация». Предлагаю коллегам для обозначения процесса установления санкций безопасности

обсудить возможности использования термина «секьюритизация», а для установления восстановительных санкций — «ресторативизация». Не стану возражать, если кто-то предложит другие, более удобные для русского языка термины.

Обозначая пределы ограничительных мер, следует выделить три вектора движения: 1) установление границ по времени, пространству и кругу лиц; 2) формулировка оснований применения; 3) установление надлежащей процедуры применения.

Первый вектор в законопроектной деятельности в основном реализуется, хотя и не гладко. В частности, много неясностей возникает в связи с установлением пространственного и временного пределов правового режима

²⁵ Как известно, девиантное (отклоняющееся) поведение может быть позитивно отклоняющимся и негативно отклоняющимся. Определение отклонений как негативных в моем понимании и есть негативная девиантолизация.

контртеррористических операций. Остро стоит проблема критериев общественной опасности лиц, к которым следует применять различного рода предупредительные ограничения.

Второй вектор предполагает определение четырех уровней оснований для введения и применения предупредительных ограничений: социальное, нормативное, фактическое и организационное. Особенно наглядно необходимость такого подхода просматривается применительно к мерам антикриминальной безопасности.

Социальное основание ограничений безопасности образует необходимость пресечения вредного влияния источника опасности либо ограждения объекта охраны от вредного воздействия источников опасности посредством ограничения прав и свобод личности. Источник опасности должен быть реальным, а объект охраны — подлинной общественной ценностью. Вред, вынужденно причиняемый личности, являющейся источником опасности, либо третьим лицам, должен быть меньше предотвращаемого вреда. В основе соразмерения причиняемого и предотвращаемого вреда должны лежать те же правила, которые используются при оценке ситуаций крайней необходимости или необходимой обороны.

Для того чтобы принять норму, разрешающую использование мер безопасности, нужно соразмерить вред, реально причиняемый ограничениями безопасности, и реальные возможности предотвращения такого вреда посредством ограничений. Сделать это непросто, потому как тот и другой могут быть разнохарактерными, к тому же криминология пока не выработала алгоритма соразмерения. Однако есть еще и здравый смысл, которым необходимо руководствоваться. Хотя бы иногда.

Должностные лица ОАО РЖД давно пытаются внедрить досмотр пассажиров железнодорожного транспорта и их багажа. 1 апреля 2013 г. была предпринята попытка апробировать досмотр в пилотном режиме на 32 вокзальных комплексах, на что потрачено около 1,5 млрд руб. из федеральных и акционерных средств. Но в чем смысл такого досмотра, если взрывное устройство может быть заложено на любом из перегонов огромной сети российских железных дорог? А как быть с пассажирами электричек, которые прибывают на главные вокзалы с десятков тысяч полустанков, на которых досмотр невозможно организовать?

Аналитических материалов о том, чем закончился очередной эксперимент над россиянами, мне найти не удалось. Предполагаю, что деньги налогоплательщиков и пассажиров «освоены», но никаких дополнительных гарантий для обеспечения безопасности эти затратные нововведения не дали. Досмотр пассажиров железнодорожного транспорта использовался в период проведения чемпионата мира по футболу. Надеюсь, что когда-нибудь будет опубликована статистика, какое количество запрещенных в гражданском обороте предметов изъято и какое количество преступлений и правонарушений предотвращено подобным образом. Уверен, что анализ через призму категорий «издержки — польза» позволит нам в очередной раз констатировать: «Гора родила мышь».

Много вопросов вызывает применение государственных охранных мероприятий. По моим наблюдениям, меры государственной охраны необоснованно применяются в отношении должностных лиц и даже представителей религиозных организаций, которые не включены в перечень, предусмотренный ст. 8 Федерального закона «О государственной охране»²⁶. Более того, охранные мероприятия осуществляются в более широком, чем это необходимо, пространственном и временном масштабе, несоразмерно стесняя свободы законопослушных граждан и «сжигая» без пользы деньги налогоплательщиков.

Для применения ограничений в предупредительной деятельности необходимы *нормативные основания*, то есть международно-правовые акты, Конституция РФ и федеральные законы, предусматривающие использование ограничений безопасности. Возможность их использования согласуется с п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав и свобод человека, которым предусматривается возможность ограничений «исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Хотя Конституция РФ прямо предусматривает применение ограничений лишь в условиях чрезвычайного положения (ст. 56), возможность их использования вытекает из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в соответствии с которой «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом

²⁶ Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.

только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Как следует из Конституции, применение предупредительных мер, ограничивающих конституционные права и свободы, возможно только при наличии соответствующего федерального закона, в котором конкретизируются основания, условия и порядок применения правил безопасности.

В статье 7 Закона «О безопасности» 1992 г.²⁷ было предусмотрено: «При обеспечении безопасности не допускается ограничение прав и свобод граждан, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Граждане, общественные и иные организации и объединения имеют право получать разъяснения по поводу ограничения их прав и свобод от органов, обеспечивающих безопасность. По их требованию такие разъяснения даются в письменной форме в установленные законодательством сроки.

Должностные лица, превысившие свои полномочия в процессе деятельности по обеспечению безопасности, несут ответственность в соответствии с законодательством».

Но эта замечательная формулировка не была воспроизведена в новом Законе «О безопасности»²⁸. Почему?

Подмена федерального закона в сфере ограничения прав и свобод граждан ведомственными инструкциями и приказами недопустима и неконституционна, какими бы благими намерениями это ни обосновывалось. В этой связи, например, вызывает сомнение правомерность указания заместителя министра путей сообщения РФ от 26 мая 1995 г. № К-419у «О порядке оформления проездных документов с указанием фамилии пассажира»²⁹. В приказе, адресованном подчиненным заместителя министра, в целях «предупреждения правонарушений, связанных с продажей проездных документов» ущемляются права пассажиров.

Министерство юстиции РФ 15 июня 1995 г. зарегистрировало это указание, но если и даль-

ше двигаться в этом направлении, то через некоторое время «в целях обеспечения безопасности» по приказу владельца магазина, театра, стадиона, туалета или маршрутного автобуса мы должны будем предъявлять паспорт и получать именной билет. Спрашивается, как обеспечивает нашу безопасность наличие паспорта в данном случае? Кстати, в большинстве европейских стран при покупке железнодорожного билета предъявление паспорта не требуется. Похоже, что безопасность на железнодорожном транспорте этих государств от этого не страдает.

Фактическим основанием применения предупредительных ограничений следует считать юридические факты, с наличием которых закон связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений безопасности. Согласно общей теории права таковыми могут быть: события и действия.

События, лежащие в основании предупредительных ограничений, — это природные явления, стихийные или иные бедствия, аварии, катастрофы, массовые беспорядки, международные конфликты, которые создают опасность для жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Для иллюстрации сказанного можно сослаться на ст. 3 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении»³⁰, в которой в качестве обстоятельств (в нашей трактовке — оснований) введения чрезвычайного положения указаны: «чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ».

Действия могут быть правомерными и неправомерными. Правомерные действия слу-

²⁷ Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

²⁸ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. — Ст. 2.

²⁹ Указание МПС РФ от 26 мая 1995 г. № К-419у «О порядке оформления проездных документов с указанием фамилии пассажира» // Российские вести. 1995. 22 июня.

³⁰ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

жат основаниями для правоограничений, если гражданин вступает в сферу отношений, где установлен особый режим безопасности, например, поселяется в закрытом административно-территориальном образовании (ЗАТО), или становится авиапассажиром, или избирает работу, связанную с государственными секретами.

В тех случаях, когда источник криминальной опасности — свойство самого человека, материальными основаниями служат противоправные действия, в которых объективируется общественная опасность личности. Таковы, например, основания принудительных мер медицинского характера, административного надзора и других специальных обязанностей и запретов для предупреждения рецидива преступлений.

Фактическое основание применения мер безопасности может быть сложносоставным, то есть включать в себя несколько юридических фактов. Например, для применения административного надзора в качестве оснований одновременно выступают: «осуждение к лишению свободы за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления», «злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания» и «освобождение из мест лишения свободы».

Фактическое основание имеет особо важное значение для применения санкций безопасности и наказания. Мы должны исходить из презумпции отсутствия общественной опасности личности до тех пор, пока человек не выразил ее противоправным действием или деятельностью.

Организационным основанием служит акт применения права, в котором соотносятся фактическое и юридическое основания, осуществляется юридическая квалификация, определяется характер и степень опасности и в

рамках, установленных нормативным основанием, индивидуализируются предупредительные ограничения.

Организационными основаниями могут быть, например, определение о применении административного надзора, указ о введении чрезвычайного положения. Особым видом организационного основания является договор: покупка авиабилета, автомобиля, оружия, заключение трудового договора, оформление допуска к государственной тайне и т.п.

Выделенные уровни оснований имеют значение на разных стадиях использования предупредительных мер ограничительного характера: социальное — для законотворчества, нормативное и фактическое — для назначения ограничительных мер, а организационное — для их исполнения.

Серьезный барьер против злоупотребления предупредительными ограничениями — установление надлежащей *процедуры* их назначения и исполнения. Чем ощутимее установленное правило ограничивает права и свободы личности, тем более авторитетным должен быть орган, принимающий решение о установлении и применении процедуры, и тем больше гарантий от произвола должна предусматривать процедура. Исключение можно сделать только для применения неотложных мер безопасности (контртеррористические меры). Но и в этом случае постфактум обязательно должна проводиться тщательная (прокурорская, судебная, парламентская) проверка их обоснованности.

Предвижу, что некоторые положения статьи могут вызвать у коллег возражения. Буду рад обоснованной критике, которую с недавнего времени стал даже любить. Критика заставляет либо пересматривать свои взгляды, либо, наоборот, усиливать аргументы. А также повышает индекс цитирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. — М., 1980. — 528 с.
2. Андреев Ю. П., Коржевская Н. М., Костина Н. Б. Социальные институты: содержание, функции, структура. — Свердловск : Уральский университет, 1989. — 84 с.
3. Богодухов А. С. К вопросу об объекте управления // Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования. — Томск : Томский университет, 1982. — С. 159—166.
4. Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. — М. : Наука, 1990. — 272 с.
5. Гилинский Я. И. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. — 2009. — № 3. — С. 302—311.

6. *Гилинский Я. И.* Криминология : курс лекций. — СПб. : Питер, 2002. — 384 с.
7. *Горшенков А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н.* Преступность как объект управленческого воздействия : учебное пособие. — Сыктывкар : Коми республиканская академия госслужбы и управления, 1999. — 92 с.
8. *Горшенков Г. Н.* Криминология: научные инновации. — Н. Новгород : Нижегородский университет, 2009. — 212 с.
9. *Жалинский А. Э.* Специальное предупреждение преступлений в СССР (вопросы теории). — Львов : Вища школа, 1976. — 194 с.
10. *Игошев К. Е.* Социальный контроль и профилактика преступлений. — Горький, 1976. — 91 с.
11. *Иншаков С. М.* Криминология : учебник.— М. : Юриспруденция, 2000. — 427 с.
12. *Клейменов М. П.* Криминология : учебник. — М. : Норма, 2012. — 400 с.
13. Комплексное изучение системы воздействия на преступность (методологические и теоретические основы) / под ред. П. П. Осипова. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. — 150 с.
14. Криминология : учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. — М. : Проспект, 2015. — 368 с.
15. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. — М. : Норма, 2010. — 1008 с.
16. *Кристи Н.* Пределы наказания. — М. : Прогресс, 1984. — 176 с.
17. *Ларичев В. Д.* Общесоциальное предупреждение преступности: миф или реальность // Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сб. науч. трудов / под ред. Н. А. Лопашенко. — Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. академии, 2013. — С. 543—548.
18. *Макарейко Н. В.* Административное право : краткий курс лекций. — М. : Юрайт, 2014. — 212 с.
19. *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве. — М. : Юристъ, 2005. — 250 с.
20. *Прозументов Л. М., Шеслер А. В.* Криминология. Общая часть : учебное пособие. — Красноярск : Горница, 1997. — 256 с.
21. *Раска Э. Э.* Борьба с преступностью и социальное управление: теоретические и методологические аспекты. — Таллин : Эсти раамат, 1985. — 215 с.
22. Теоретические основы предупреждения преступности / под ред. В. К. Звирбуля, В. В. Клочкова, Г. М. Миньковского. — М. : Юрид. лит., 1977. — 256 с.
23. *Тер-Акопов А. А.* Ответственность за нарушение специальных правил поведения. — М. : Юрид. лит., 1995. — 176 с.
24. *Филимонов О. В.* Индивидуальная профилактика преступлений. — Томск : Томский университет, 1985. — 118 с.
25. *Шестаков Д. А.* Криминология : Новые подходы к преступлению и преступности : учебник. — СПб. : Юридический Центр-Пресс, 2006. — 561 с.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

LIMITS OF PREVENTIVE ACTIVITY

SHCHEDRIN Nikolay Vasilevich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Delictology and Criminology of the Law Institute of the Siberian Federal University
law@sfu-kras.ru
660041, Russia, Krasnoyarsk, pr. Svobodnyi, d. 79

Abstract. *The author considers prevention of crimes as a form of social administration that includes two groups of measures: the measures not associated with the limitation of rights and freedoms (stimulating warning) and the measures related to the restriction of citizens' rights and freedoms (restrictive warning). The last group includes safety rules and the sanctions that are imposed for their violation, enforcement and restoration. The limits of application of precautionary measures should be differentiated in relation to each of the groups mentioned. The limits of application and the intensity of stimulating measures are mainly determined by the availability of resources to the person subjected to the application of such measures and the desire of the person subjected to prevention to accept the services and assistance offered. Measures of restrictive warning, the application of which must be strictly regulated in compliance with the time, space and circle of persons, is a different story. As the measures of this group restrict constitutional rights and freedoms of citizens, at least four grounds are needed*

for their application: social, normative, factual and organizational. Harm caused by preventive restrictions shall be less than the harm prevented. The conditions and procedure for the application of these measures should be provided for in the federal law. For the application of security rules, a legal fact is required in the form of an event or action, and for application of restrictive sanctions an act of application of the right is needed. And the more precautionary measures restrict rights and freedoms, the more complicated the procedure for their application and the more authoritative the body that applies them should be.

A clear designation of the limits of preventive activities makes it possible not to limit the constitutional rights and freedoms of citizens unnecessarily, not to impede the creative activity of the population, and to save and to properly allocate limited preventive resources.

The author applied dialectical, as well as system-structural, formal-logical and other methods of scientific cognition.

Keywords: *Deterrence, prevention, crime, limits, grounds, restrictions, criminalization, security rules, sanctions of punishment, security sanctions, recovery sanctions.*

REFERENCES

1. Avanesov G.A. Kriminologiya i sotsialnaya profilaktika [Criminology and Social Prevention]. Moscow, 1980. 528 p.
2. Andreev Yu. P., Korzhevskaya N.M., Kostina N.B. Sotsialnye instituty: sodержanie, funktsii, struktura [Social Institutions: content, functions, structure]. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1989. 84 p.
3. Bogodukhov A.S. K voprosu ob obekte upravleniya [On the issue of the object of administration]. Problemy sovershenstvovaniya grazhdansko-pravovogo regulirovaniya [Problems of improving civil law regulation]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1982. P. 159—166.
4. Borodin S.V. Borba s prestupnostyu: teoreticheskaya model kompleksnoy programmy [Fighting crime: A theoretical model of a complex program. Moscow, Nauka Publ., 1990. 272 p.
5. Gilinsky Ya.I. Zapret kak kriminogennyy (deviantogennyy) faktor [Prohibition as a criminogenic (deviantogenic) factor]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad [Russian criminological outlook]*. 2009. No. 3. P. 302—311.
6. Gilinsky Ya.I. Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti : uchebnik [Criminology: New Approaches to Crimes and Criminality]. St. Petersburg. Piter Publ., 2002. 384 p.
7. Gorshenkov A.G., Gorshenkov G.G., Gorshenkov G.N. Prestupnost kak objekt upravlencheskogo vozdeystviya : uchebnoe posobie [Crime as an Object of Administrative Impact: A study-guide]. Syktyvkar. Komi Republican Academy of Civil Service and Administration Publ., 1999. 92 p.
8. Gorshenkov G.N. Kriminologiya: nauchye innovatsii [Criminology: scientific innovations]. N. Novgorod. Nizhny Novgorod University Publ., 2009. 212 p.
9. Zhalinsky A.E. Spetsialnoe preduprezhdenie prestupleniy v SSSR (voprosy teorii) [Special prevention of crimes in the USSR (theory issues)]. Lviv. Vishche shkola Publ., 1976. 194 c.
10. Igoshev K. Ye. Sotsialnyy kontrol i profilaktika prestupleniy [Social control and crime prevention]. Gorky, 1976. 91 p.
11. Inshakov S.M. Kriminologiya: uchebnik [Criminology: A Textbook . Moscow. Yurisprudentsiya Publ., 2000. 427 p.
12. Kleimenov M. P. Kriminologiya: uchebnik [Criminology: A Textbook . Moscow. Norma Publ., 2012. 400 p.
13. Kompleksnoe izuchenie sistemy vozdeystviya na prestupnost (metodologicheskie i teoreticheskie osnovy) [Comprehensive study of the system of impact on crime (methodological and theoretical grounds)]. P. P. Osipov (ed.). Leningrad. LSU Publ., 1978. 150 p.
14. Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti : uchebnik [Criminology: V. E. Eminov (ed.). Moscow. Prospect Publ., 2015. 368 p.
15. Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti : uchebnik [Criminology: A. I. Dolgova (ed.). Moscow. Norma Publ., 2010. 1008 p.
16. Kristi N. Predely nakazaniya [Limits of punishment]. Moscow. Progress Publ., 1984. 176 p.
17. Larichev V.D. Obshchesotsialnoe preduprezhdenie prestupnosti: mif i realnost [General social crime prevention: a myth or reality]. Prestupnost, ugolovnaya politika, ugolovnyy zakon : sb. nauch. trudov

- Criminality, criminal policy, criminal law: col. of sci. works]. N. A. Lopashenko (ed.). Saratov. Saratov State Law Academy Publishing House. 2013. P. 543—548.
18. Makareiko N.V. *Administrativnoe pravo: kratkii kurs leksii* [Administrative Law : A Short Course of Lectures. Moscow. Yurayt Publ., 2014. 212 p.
 19. Malko A.V. *Stimuly i ogranicheniya v prave* [Incentives and restrictions in law]. Moscow. Yurist Publ., 2005. 250 p.
 20. Prozumentov L.M., Shesler A.V. *Kriminologiya: obshchaya chast: uchebnoe posobie* [Criminology: A General Part: A Study Guide]. Krasnoyarsk. Gornitsa Publ., 1997. 256 p.
 21. Ruska E.E. *Borba s prestupnostyu i sotsialnoe upravlenie: teoreticheskie i metodologicheskie aspekty* [Fighting crime and social administration: theoretical and methodological aspects]. Tallinn. Esti raamat Publ., 1985. 215 p.
 22. *Teoreticheskie osnovy preduprezhdeniya prestupnosti* [Theoretical basis of crime prevention]. V. K. Zvirbul, V. V. Klochkov, G. M. Minkovsky (eds.). Moscow. Yuridicheskaya literatura Publ., 1977. 256 p.
 23. Ter-Akopov A.A. *Otvetstvennost za narushenie spetsialnykh pravil povedeniya* [Responsibility for violation of special rules of conduct]. Moscow. Yuridicheskaya literatura Publ., 1995. 176 p.
 24. Filimonov O.V. *Individualnaya profilaktika prestupleniy* [Individual crime prevention]. Tomsk. Tomsk University publ., 1985. 118 p.
 25. Shestakov D.A. *Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti : uchebnik* [Criminology: New approaches to a wrong and crime : A Textbook]. St. Petersburg. Yuridicheskii Tsentri-Press, 2006. 561 p.

Г. В. Дашков*

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье поставлена задача применительно к Российской Федерации рассмотреть фактически пробельные в правовой науке вопросы криминологической компаративистики. Проблема эта важна не только для России. Она интернациональна по своей сути. Так уж устроен современный мир, что носители положительного опыта в борьбе с преступностью и его рецепторы одинаково заинтересованы в том, чтобы все лучшее в этой части как можно быстрее стало всеобщим достоянием. Эта бескорыстная (в отличие от техники) заинтересованность объясняется прежде всего тем, что сейчас, в период высокоразвитых технологий и сверхмобильности, у преступников разных стран и континентов практически нет препятствий для взаимосовершенствования их преступной деятельности. Что же касается нерешенных вопросов теории и практики надлежащего обеспечения международного сотрудничества, то их, в отличие от сферы преступного взаимодействия, великое множество. С учетом названных концептуальных положений и было определено содержание статьи. В частности, были обозначены теоретические предпосылки восприятия зарубежного опыта борьбы с преступностью, названы первоочередные направления использования в России зарубежного опыта предупреждения отдельных видов преступлений. Данные задачи решались как в современном, так и в историческом аспекте, путем криминологического обращения к неоправданно находящимся на задворках правовой науки классическим источникам, таким, например, как Великая Яса Чингисхана, указы Петра I, финансовое законодательство США, разработанное с целью выхода из Великой депрессии.

Авторские соображения на этот счет аргументированы сложившейся практикой, закреплённой в международных документах и национальном законодательстве сотрудничающих стран. Использовались также результаты совместных с зарубежными коллегами научных исследований и разработок, наш опыт работы в руководящих органах Международной ассоциации уголовного права (МАУП) и Международного криминологического общества (МКО).

Ключевые слова: криминологическая компаративистика, противодействие преступности, креативные наказания, фильтрация зарубежного опыта, формирование коллективного опыта, международный опыт противодействия преступности.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.054-067

© Дашков Г. В., 2018

* Дашков Геннадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации

profdashkov@gmail.com

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Один из основателей современной науки сравнительного правоведения¹ Рене Давид неоднократно подчеркивал, что сегодняшний мир характеризуется взаимосвязями народов, солидарностью, объединяющей человечество. Мир стал един. Мы не можем отгородиться от людей, которые живут в других государствах, других частях земного шара. Необходимое международное взаимодействие, во всяком случае — простое существование, требует, чтобы мы открыли наши окна и посмотрели на зарубежное право². Эта теоретическая посылка классика корпоративного права вытекает из всей истории развития человечества. В самом деле, испокон веков известно, что любое сколь-нибудь значительное продвижение вперед практически во всех сферах жизнедеятельности, включая и вопросы борьбы с преступностью, вряд ли возможно без опоры на прошлые и нынешние достижения мировой цивилизации. При этом постоянно приходится убеждаться в нашем сегодняшнем несовершенстве и правоте великих предков, утверждавших, что любое знание относительно и нет предела совершенству. И тут весьма убедительно и современно выглядит позиция учителя Платона — Сократа, который однажды, после хвалебных высказываний в свой адрес, решил побеседовать с окружающими его людьми о том, что есть добродетель, справедливость, красота, дружба и т.п. Рассуждения простых эллинов поразили Сократа разнообразием и глубиной, и он окончательно убедился в правильности своего ранее высказанного утверждения, что, в отличие от других, знает хотя бы то, что ничего не знает (*Scio me nihil scire*). Потрясающая мудрость. И не случайно, что именно она нашла отражение в Священном Писании в той его части, где апостол Павел утверждал, что «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать». (К Коринфянам, 1.8,2).

Необходимость преемственности и взаимобогащения знаний как обязательного условия развития общества в полной мере относима не только к физике, химии, математике и другим так называемым точным наукам, но и к праву, к социологии преступности. И совершенно закономерно, что наиболее значимые положительные результаты по сдерживанию преступности были достигнуты в тех странах и регионах, где удавалось максимально эффективно использовать свой прошлый опыт, а также достижения, накопленные их ближними и дальними соседями.

Сравнительное правоведение как механизм анализа зарубежного опыта в России имеет довольно много функций³. Применительно к рассматриваемой нами проблеме использования в России зарубежного опыта борьбы с преступностью целесообразно в первую очередь выделить следующие функции сравнительного правоведения: научную, образовательную, практическую, международную унификационную⁴. Каждая из них имеет свою историческую составляющую. Ее изучение во всех отношениях всегда было, есть и будет необходимым. И тут дело не только в моде на историю и авторском желании продемонстрировать уровень своей образованности. В пользу изучения истории вопроса есть соображения и более важного свойства. На этот счет в мировой правовой науке и практике множество ярких примеров и подтверждений. Одно из наиболее впечатляющих из них — хорошо известный в мире свод законов Еке Монгол улус (Великого Монгольского государства), получивший название Великая Яса Чингисхана. Именно Темучин (имя Чингисхана) во благо отечества, желая подавить резкое сопротивление тех, для которых личная свобода и безответственность были дороже государственного порядка, провозгласил на Великом Курултае в 1206 г. ряд

¹ Сравнительное право организационно сформировалось в 1900 г., когда в Париже был проведен первый Международный конгресс сравнительного права, который ориентировал государства — участников конгресса на необходимость взаимного изучения правотворческой и правоприменительной деятельности.

² Об этих основополагающих идеях, призванных найти общее и особенное в более чем 200 национальных правовых системах, см. подробнее: Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). М., 1967; Он же. Основные правовые системы современности. М., 1988; Давид Р., Жоффре-Спинози К., Основные правовые системы современности. М., 1996.

³ См. об этом: Оксамытний В. В. Возникновение и эволюция сравнительного правоведения // Россия: на пути глобализации и интеграции: Научные труды Института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова. М., 2012. С. 44—47.

⁴ См. об этом: Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. М., 2003.

правовых норм и законодательных уложений для обеспечения надлежащего государственного устройства в ранее неуправляемой стране. Анализируя этот нестареющий по своей сути правовой памятник, реально повлиявший на развитие мировой юридической науки и практики⁵, с позиций криминологических потребностей России сегодняшнего дня, обратим внимание на следующие обстоятельства.

Великая Яса Чингисхана содержала описание 36 запрещенных действий⁶. Половина из них карались смертной казнью. Смертью, к примеру, наказывались даже такие «извинительные» с сегодняшних позиций качества людей, как жадность к еде. Откуда и зачем, скажет наш современник, подобная жестокость за неумеренное потребление пищи? Какой практический смысл писать об этом, тем более сейчас, в правовой и особенно в криминологической литературе XXI столетия? Положительный ответ на эти вопросы мы видим прежде всего в непроходящей мудрости Великой Ясы Чингисхана, умении ее авторов своевременно выявить болевые точки в обществе, оценить их и оперативно определить меры по нейтрализации выявленных негативных явлений. Это и было сделано Чингисханом⁷, который раньше других своих предшественников понял, что в условиях тотальной нищеты и голода любое отклонение от неписанных стандартов (норм обычного права) при потреблении пищи не выглядело таким уж безобидным и требовало сверхчеткой реакции государства во избежание взрыва недовольства со стороны бедных и голодных. Тут есть над чем задуматься и сегодня, оценивая ситуацию, когда ничтожно малое количество граждан в той или иной стране без каких-либо объективных оснований владеют достоянием всего народа. Должно ли современное государство жестко, ориентируясь на средневековую манеру, реагировать на подобного рода социальную несправедливость? Думается, что здесь есть над чем подумать.

Тем более что в числе первопричин гипертрофированного социального расслоения последних лет практически нет правовых, социальных и экономических оснований, а последствия всякого рода нововведений жульнического свойства оказываются столь серьезными, что нередко целые государства ставятся на грань национальной катастрофы. Тут достаточно сослаться на печальные события на территории современной Украины, где массовое недовольство граждан в конце 2013 г. и в последующий период, в итоге приведшее к гражданской войне, было связано главным образом с тотальной коррупцией в стране, интенсивно развивавшейся на фоне обрушения промышленного и сельскохозяйственного производства, науки, культуры и образования. Исповедующим и реализующим идеи коррупции на разных уровнях, включая высшие органы государственной власти и управления, удалось довольно быстро, с помощью nepотизма и других экономических и правовых механизмов, создать надежную систему присвоения национального достояния. Причем размеры этих присвоений, исчисляемые десятками миллиардов долларов, не идут ни в какое сравнение с казной былых шахов, ханов, царей и императоров. И казна эта к тому же не была их личным достоянием. Именно названные обстоятельства необходимо учитывать, когда мы ставим, даже на теоретическом уровне, вопросы о возможности и целесообразности сегодняшнего положительного восприятия, а не слепого, ничем не аргументированного отрицания хотя бы духа некоторых элементов средневековой системы мер борьбы с преступностью. При современной оценке жестких мер воздействия на преступников весьма важно отметить, что Яса не плод волюнтаристских качеств Великого хана, не проявление его «плохого характера» и т.п. Над этим документом, оставившим свой весьма заметный след в законодательстве многих стран, включая и Россию, работали не только

⁵ См.: Вернадский Г. В. История России. Монголы и Русь. Тверь, 1997; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.

⁶ Подробнее о содержании и структуре правовых предписаний Великой Ясы Чингисхана см.: Дашков Г. В. Влияние Великой Ясы Чингисхана на развитие современной теории и практики борьбы с преступностью // Материалы международно-правовой конференции «Перспективы развития национального законодательства Республики Казахстан в свете концепции правовой политики на 2010—2020 годы». Караганда, 2010.

⁷ См.: Хоара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие // Арабески истории. Пустыня Тартари. М., 1995. Вып. 2. С. 89—90; Джувеини Алаад-дин Ата Мелик. История покорителя Вселенной // Родина. 1997. № 3—4.

монголы и даже не столько они. Решающую роль здесь сыграли китайские ученые. Приглашая именно их в «авторский коллектив», Чингисхан учитывал, что законы и постановления китайцев тверды, тонки и непеременимы. Как раз эти качества рассчитывал увидеть Чингисхан в задуманной им Ясе. Его надежды оправдались в полной мере. Главное достоинство Ясы, заслуженно получившей признание историков, писателей, юристов Европы, Азии, Америки, заключается не только в том, что там содержались четкие правовые предписания, регулирующие правовую часть жизнедеятельности Великой империи, созданной Чингисханом, но и в том, что тут так же четко, в деталях, была прописана система мер воздействия на лиц, нарушивших Ясу. Например, здесь приводится описание девяти видов пыток. Уже само ознакомление с этим описанием пыток наводило и наводит ужас на граждан, вырабатывая у них привычку не нарушать законы. Пользуясь современной терминологией, это не что иное, как общие меры борьбы с преступностью. По свидетельству одного из исследователей Великой Ясы Чингисхана, персидского историка XIII в. Джувейни, в стране достаточно быстро практически полностью была подавлена жажда обогащения за счет окружающих. Если бы какая-либо женщина поставила себе на голову поднос золота и пошла одиноко, она бы ничего не боялась, утверждал Джувейни. Предписания Ясы были обязательны для всех, включая самого Чингисхана, который был примером ее исполнения. В противном случае монголы отказали бы ему в доверии и сами вряд ли бы исполняли Ясу.

Законы, зафиксированные в Великой Ясе Чингисхана⁸, были сформулированы таким образом, что при всей их жестокости они отвечали насущным потребностям большей части населения страны и по этой причине одобрялись им. Яса для монголов была примерно тем же, что для мусульман Коран и хадисы пророка Мухаммеда, а для христиан Евангелие. Конечно, дело не только в том, что по Ясе практически любая провинность каралась смертью. Главная привлекательность Ясы, желание ее исполнять заключались в справедливости ее концепту-

альных положений. Назову в первую очередь те из них, без восприятия которых в настоящее время невозможно развитие государства. Это: возвеличивайте и уважайте чистых, непорочных, справедливых, ученых и мудрых, к каким бы людям они ни принадлежали, и осуждайте злых и несправедливых людей; любите друг друга, не совершайте прелюбодеяния, не крадите, не лжесвидетельствуйте, не предавайте кого-либо, уважайте стариков и бедных; не ешьте в присутствии другого, не приглашая разделить пищу, не ешьте больше своих товарищей; уважайте мудрецов и отшельников любого племени; не превозносите одних над другими. Именно тех, кто не желал следовать указанным предписаниям, ждала неминуемая и скорая смерть.

В таком контексте «дикие законы Средневековья» выглядят не такими уж жесткими и бесчеловечными.

По ряду причин объективного и субъективного характера восприятие зарубежного опыта борьбы с преступностью в России носит выборочный, порой случайный характер.

Чтобы в какой-то мере снизить уровень очевидной ущербности этих факторов, необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. Как правило, наиболее удачные меры борьбы с разного рода злоупотреблениями, включая и преступления, разрабатывались в сложной политической и социально-экономической ситуации, в периоды революционных по своей сути преобразований в стране. Так что известное и часто цитируемое сейчас изречение, что коней на переправе не меняют, истиной в последней инстанции не является. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные, ставшие классикой, правовые источники далекого и близкого прошлого. Это, на наш взгляд, прежде всего цитируемая нами Великая Яса Чингисхана; общегерманское Уголовное уложение императора Священной Римской империи германской нации Карла V, получившее в его честь название «Каролина»; российские правовые источники (Двинская уставная грамота 1398 г., Псковская 1397 г. и Новгородская 1471 г., судные грамоты, Судебники 1497, 1550 гг. и др.). Во всех этих законах «зарубеж-

⁸ Подробнее о структуре Великой Ясы Чингисхана, ее содержании, влиянии на культуру других народов см.: Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингисхана. Брюссель, 1939; Рязановский В. А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // Вопросы истории. 1993. № 7; Дашков Г. В. Опыт прошлого в борьбе с преступностью сегодняшнего дня // Юриспруденция. 2008. № 12. С. 68—76.

ная составляющая» была весьма высока, и тут решающую роль играли не только высокое качество зарубежных законов и благоприятная практика их применения, но и личностные особенности воспринимающих этот зарубежный опыт. Например, феноменальные многоплановые способности первого российского императора Петра Алексеевича Романова позволили ему на довольно обширной зарубежной правовой базе разработать и внедрить в практику России ряд эффективных, даже с позиции сегодняшнего дня, мер борьбы с преступностью. Показательно в этой связи, что, пожалуй, впервые в российской истории своим указом от 23 августа 1713 г. Петр I установил одинаково строгую ответственность как за получение, так и за дачу взятки. Не менее примечательным в плане борьбы с преступностью белых воротничков был и указ Петра I от 17 марта 1714 г., обязывающий привлекать к ответственности чиновников за действия, которые наносят вред и причиняют убыток государству. Более того, не полагаясь на стойкую способность государственных служащих к честной работе на одном месте, Петр I не допускал длительного их нахождения на одной должности. Так что то, что сейчас называется вертикальной и горизонтальной ротацией, было законодательно закреплено 300 лет назад и успешно реализовывалось в повседневной деятельности государственного аппарата Российской империи.

Сложная политическая и социально-экономическая ситуация в стране как фактор, стимулирующий разработку высокоэффективных мер борьбы с преступностью, пригодных для восприятия и в других странах, — категория весьма устойчивая и характерна не только для далекого прошлого. Например, к разряду классических разработок в области предупреждения преступлений в сфере хозяйственной и управленческой деятельности, по нашему мнению, можно отнести законодательство США, разработанное в основе своей в рамках чрезвычайных мероприятий по выходу страны из Великой депрессии в 30—40-х гг. прошлого столетия.

В докризисный период правовая защита экономической деятельности в США была в зачаточном состоянии, и ничего особо привлекательного для других стран тут не было. Но после резонансных расследований сенатской комиссии Конгресса США, связанных с финансовой катастрофой 1929 г., был

принят ряд федеральных законов, международная значимость которых даже сегодня сомнения не вызывает. В числе подобных законов следует в первую очередь назвать: Закон США 1933 г. о ценных бумагах; Закон США 1933 г. о банках; Закон США 1934 г. об обращении ценных бумаг. Анализируя названные законы с позиции возможного восприятия в других странах содержащихся в них механизмов защиты экономики от преступных посягательств, отметим, к примеру, что в Законе США 1933 г. о ценных бумагах впервые в мировой практике была разработана система правового регулирования правоотношений, возникающих в стадии выпуска, размещения и продажи ценных бумаг. Не менее важным здесь было и то, что действия эмитента стали прозрачными для государства и всех граждан. Эмитент был вправе продавать ценные бумаги лишь после того, как Комиссия по ценным бумагам и фондовым рынкам регистрирует его заявление об этом намерении. Сама процедура регистрации заявления эмитента о намерении продать ценные бумаги предполагает тщательное изучение его кредитной истории. Это служит существенным препятствием для разного рода мошеннических действий со стороны эмитента. Более того, Законом США 1933 г. о ценных бумагах было установлено, что за любую попытку обмануть или иным образом ввести в заблуждение Федеральную комиссию по ценным бумагам и фондовым рынкам эмитент несет уголовную ответственность. В этой связи принципиально важно отметить, что американская традиция установления уголовной ответственности за совершение «отраслевых» злоупотреблений в специальных законах, а не в уголовном кодексе, довольно быстро распространяется в странах мирового сообщества. Например, доля осужденных по специальным законам в Японии в несколько раз выше числа осужденных по Уголовному кодексу. Есть основания предполагать, что подобная практика может быть воспринята и в России. Во всяком случае, уже сейчас на уровне экспертных групп в Российской Федерации этот вопрос активно обсуждается. Например, на состоявшемся в ноябре 2014 г. на базе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) VI заседании совместного российско-германского круглого стола, посвященном проблемам уголовно-правовой борьбы в сфере российской и евро-

пейской экономики, большая часть вопросов, которые российские специалисты задавали немецким коллегам, касалась практики применения в ФРГ именно специальных законов об уголовной ответственности за преступления экономического характера.

В Законе США 1933 г. о банках наиболее привлекательным с криминологических позиций является запрет для частных банков совмещать коммерческие и инвестиционные функции. Закон запретил банкам действовать в качестве брокеров (дилеров) или иным образом на рынке ценных бумаг.

Обеспечение реального исполнения названных антикризисных законов в США во многом обеспечивается многообразием видов наказаний, применяемых к физическим и юридическим лицам. Это: порицание; штраф; исключение из состава профессиональных участников рыночных отношений; лишение свободы, причем на весьма длительные сроки. Например, использование средств телекоммуникации или почты для передачи мошеннической информации на рынке ценных бумаг считается квалифицирующим обстоятельством и наказывается тюремным заключением на срок до 5 лет. Если же мошеннические действия направлены против финансового учреждения, то виновный подвергается штрафу в размере до 1 млн долл. или тюремному заключению на срок до 30 лет или обоим видам наказания.

Впоследствии, вплоть до настоящего времени, американское законодательство периода выхода из Великой депрессии если и изменялось, то в основном в направлении увеличения жесткости санкций за те или иные злоупотребления в сферах бизнеса и финансов. Например, в законе США 1977 г. о подкупе должностных лиц за рубежом предусматривается, что виновные в совершении таких деяний подвергаются штрафу до 100 000 долл. США и (или) тюремному заключению на срок до 5 лет. Юридические лица, виновные в подобных деяниях, наказываются штрафом до 2 млн долл. Кроме того, и без того обширные дискреционные полномочия судей США имеют постоянную тенденцию к расширению.

Как объект восприятия зарубежного опыта борьбы с преступностью выступает проблема креативных видов наказания. Это фактически

пробельный в криминологической и уголовно-правовой науке вопрос, решение которого будет способствовать устранению многих недостатков системы уголовных наказаний.

В чем суть этой проблемы? Ведь вопросы о понятии, целях и видах наказания к категории малоразработанных отнести, конечно, нельзя. Положительные изменения в этой части происходят довольно интенсивно, что способствует практической реализации основных принципов современного уголовного права (законность, справедливость, гуманизм, дифференциация ответственности, индивидуализация наказания). Например, система уголовных наказаний в Российской Федерации представляет собой обязательный для суда исчерпывающий перечень видов наказания. Это: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального права, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничения по воинской службе, ограничение свободы; принудительные работы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь⁹. Нетрудно заметить, что это довольно широкий веер видов уголовного наказания, но и он подчас не позволяет достичь таких целей наказания, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения нового преступления данным лицом и другими лицами. Что же делать в такой ситуации? Одни авторы полагают, что все общепризнанные цели уголовного наказания могут быть решены только на средневековый манер, где смертная казнь была преобладающим видом уголовного наказания. Другие считают, что остроту названной проблемы можно снять посредством более динамичного изменения видов наказаний. Третья точка зрения заключается в существенном расширении дискреционных полномочий субъектов правоприменительной деятельности, в предоставлении им возможности использовать уже имеющиеся или разрабатывать новые, креативные виды уголовного наказания. Вопрос этот к категории простых, однозначно решаемых, конечно, не относится. Он периодически обостряется или

⁹ Назначение смертной казни в России приостановлено постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3П и его разъяснительным определением от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-П.

затухает и в теории¹⁰, и на практике. Например, 4 декабря 2014 г. группа террористов проникла в город Грозный, захватила здание Дома печати и школу. При этом ими было убито 14 сотрудников правоохранительных органов и ранено около 30 человек. Террористы были уничтожены. Но рассчитывать на стопроцентный общепредупредительный успех только этой мерой, как показывает прошлый опыт, не приходится. Именно поэтому глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров предложил сжигать дома террористов, а их семьи депортировать. Кроме того, предлагалось увольнять руководителей регионов, где будут установлены факты незаконного применения оружия их жителями. Все это креативные, в принципе, меры реагирования на факты, в той или иной степени связанные с терроризмом. Но особых элементов исключительности, неоправданной жестокости и непринятия обществом тут точно не просматривается. Вспомним хотя бы аналогичную практику времен Кавказской войны (1817—1864 гг.) или современный, никем не осуждаемый израильский опыт борьбы с терроризмом. И совершенно не случайно 75 % опрошенных по радио российских граждан одобрили креативную позицию Кадырова, а 24 % высказались против. Нейтральную позицию по этому вопросу занял только 1 % опрошенных. И тем не менее вопросы, конечно, тут есть. Поиск новых или хорошо забытых старых, непривычных для части современного общества креативных видов наказания, необходим. Прежде всего следует более обстоятельно, на серьезном научном фундаменте, опираясь на международный опыт, дать определение креативных мер наказания. В качестве отправной точки в этой части предлагаем к креативным видам наказания отнести наказания, отличающиеся оригинальностью, несоответствием общественным представлениям об уголовном наказании и в то же время являющиеся эффективным средством достижения целей уголовного наказания, определенных законом.

При решении правовых, морально-этических, организационно-управленческих и экономических проблем, связанных с возможностью применения креативных наказаний, следует

иметь в виду, что в этом отношении уже накоплен определенный и положительный, и отрицательный опыт. Например, в США, богатых своими правовыми традициями, в ряде штатов нередко используется практика креативных наказаний в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести. Так, 22-летний житель Атланты Брендон Хаф был привлечен к уголовной ответственности за то, что несколько раз, заправившись на бензоколонке, «забывал» подойти к кассе. Судья посчитал, что с учетом личностных данных подсудимого и характера совершенного деяния наиболее действенным наказанием будет креативное, а не применявшееся обычно в таких случаях «классическое» наказание. Эта креативность выразилась в том, что виновного приговорили к регулярным прогулкам вдоль дороги вблизи бензоколонки с табличкой на груди: «Я украл бензин, и это мое наказание». По мнению большинства американских граждан разного достатка и социального положения, подобного рода креативные наказания в отношении лиц, совершивших малозначительные преступления, действуют много эффективнее штрафов.

Набор деяний, по которым американское правосудие применяет, а общество приветствует применение креативных наказаний, довольно широк. Приведу несколько опубликованных в средствах массовой информации примеров из судебной практики США:

- домохозяйка Мишель Мюррей обязана была провести зимнюю ночь в лесу за то, что ранее бросила там 35 котят;
- за незаконное проникновение в чужой дом и акт дефекации на пол преступника приговорили к чистке 100 тюремных туалетов;
- несовершеннолетнюю начинающую наркоманку приговорили к 40 часам общественно полезных работ в наркологической клинике. То, что она там увидела, отбило у нее всякое желание продолжить употреблять наркотики;
- подросткам, проколовшим шины школьного автобуса, пришлось устраивать пикник ученикам младших классов.

Конкретное содержание креативных наказаний, конечно, во многом зависит от страны,

¹⁰ Не в обстановке всеобщего одобрения или отрицания мы с криминологических и уголовно-правовых позиций говорили об этом лет восемь назад. См.: Дашков Г. В. Креативные виды наказания как уголовно-правовая и криминологическая категория // Наука уголовного права и совершенствование уголовного законодательства : сборник научных статей / Московский университет МВД России. М., 2007. С. 18—21.

конкретного региона, национальных особенностей проживающих там граждан, экономических и ряда других факторов. По этому поводу самая многотиражная и авторитетная газета Российской Федерации «Комсомольская правда», проведя экспресс-опрос общественного мнения по отмеченным обстоятельствам, установила, что российские граждане в части креативных наказаний далеко не всегда солидарны с американцами. Например, на вопрос «Как бороться с воровством?» 35 % опрошенных ответили, что вор должен сидеть в тюрьме; 27 % граждан настаивают, чтобы воров показывали по ТВ и печатали их фамилии в газетах; 26 % опрошенных предлагают отрубать ворами руки; 12 % полагают, что воров не стоит наказывать вообще, поскольку у нас воруют все.

По поводу цитируемой нами таблички на груди похитителя бензина из Атланты «Комсомольская правда» спросила у российских граждан о том, а какие таблички должны носить виновные в том или ином правонарушении в нашей стране? Вот лишь некоторые ответы на этот счет:

Лариса Латынина (писатель): «Боюсь, такие таблички пришлось бы повесить почти на всех россиян. На большинство водителей — “Я дал взятку гаишнику”. На пешеходов — “Я перешел дорогу в неположенном месте”. На чиновников — “Я свистнул столько-то миллиардов”».

Михаил Барщевский (адвокат): «Меня наказали за мелкую кражу».

Олег Митволь (общественный деятель): «Он загрязняет нашу природу».

Борис Немцов (политик): «Все воруют, и я ворую».

Григорий Антипенко (артист): «Осторожно — перед вами вор».

Дмитрий Пучков (переводчик): «Я продаю наркотики», «Я проститутка», «Я пользуюсь услугами проститутки».

С учетом особенностей состояния, структуры, динамики преступности в современном мире Россия имеет огромные возможности в выборе объектов восприятия зарубежного опыта. Воспринимать здесь все и сразу даже технически невозможно, да и не нужно. Тут крайне необходимо определить соответствующие приоритеты. На сегодняшний день в числе таких приоритетов выступает проблема формирования коллективного опыта в сфере борьбы с наркобизнесом и иными сопутствующими ему явлениями и процессами. В этой части ре-

шение далеко не всех имеющихся тут вопросов нужно начинать с чистого листа. Опыт отдельных стран колоссальный, и здесь нужно в первую очередь его выявить, обобщить и разработать методики и направления распространения на другие государства и регионы. Показательно также, что уникальный опыт борьбы с наркотизмом накоплен не только супердержавами, имеющими сверхразвитые медицину и право и информационные возможности для передачи этого опыта заинтересованным странам и международным организациям. Много полезного в борьбе с наркобизнесом можно почерпнуть и из других, по объективным или субъективным причинам труднодоступных источников.

В подтверждение сошлюсь, в частности, на опыт Социалистической Республики Вьетнам. В трудное для этой страны во всех отношениях послевоенное время государству удалось в кратчайшие сроки снять остроту при решении этой, казалось бы, нерешаемой задачи. Обращу внимание на ее криминологическую суть. В силу ряда причин, в основном политического и экономического свойства, к началу 1970-х гг. Вьетнам, особенно его южная часть, оказался важным звеном в цепи стран, входящих в так называемый «Золотой треугольник» (Таиланд, Лаос, Филиппины и некоторые другие страны Юго-Восточной Азии). Морской порт Сайгон стал важнейшим перевалочным пунктом наркотиков в этом регионе. Вполне естественно, что значительная часть наркотиков оказалась доступной не только для богатой американской армии, расквартированной в Южном Вьетнаме, но и для бедного коренного населения. Наркотизация местного населения приняла небывалые даже по мировым рамкам размеры. Но буквально через полгода после объединения Северного и Южного Вьетнама ситуация резко изменилась к лучшему, и вот почему. Новая власть предложила всем наркозависимым гражданам пройти курс добровольного лечения в специально созданной для этого школе социальной и медицинской реабилитации. Эффективность этой школы превзошла все ожидания. Только 15 % наркоманов, прошедших там курс лечения, вновь стали употреблять наркотики. Нигде в мире и никому таких результатов достичь ранее не удавалось. Школу ежегодно посещали до 700 иностранных делегаций из США, Великобритании, Франции и других высокоразвитых стран. Будучи советником Верховной Народной про-

куратуры Вьетнама, я также получил возможность в деталях ознакомиться с работой школы и с криминологическими позициями оценить ее работу. Вот вкратце результаты оценки этой работы¹¹.

В штате школы был один врач и несколько человек обслуживающего персонала, включая администрацию. Лечение 1 000 наркоманов включало несколько этапов. Первый этап — сугубо медицинский. В этот период наркоманы выполняли предписания врача, делали друг другу физиотерапевтические процедуры (уколы, принятие лекарств). Второй этап — воспитательный. Пациентам школы объясняли, что новой власти нужны здоровые граждане, которые будут максимально полезны и обществу, и их близким, и им самим. Стать таковыми они смогут только очень желая этого. Третий этап — восстановление утраченной в период потребления наркотиков воли. Это достигалось посредством ежедневных занятий физкультурой на открытом воздухе при сорокоградусной жаре, многочасовыми тренировками по восточным единоборствам, укрепляющим душевное и физическое равновесие. Четвертый этап — трудотерапия. Наркоманы в школе занимались не вообще физическим трудом, например, поддерживали порядок орошения на рисовых полях. Их труд в школе был не только общественно полезным, но и экономически сверхвыгодным для них делом. Например, они приготавливали пользующиеся огромным спросом в мире морские деликатесы, в частности креветочные лепешки. Это позволило каждому работающему в школе зарабатывать в несколько раз больше, чем другие граждане Вьетнама. Заработанные деньги наркоманы могли беспрепятственно направлять своим близким, которые и не мечтали о таких деньгах. Тем самым создавалась атмосфера всеобщей значимости работы наркоманов, которые ранее, кроме несчастья, семье ничего не приносили. Естественно, у большинства пациентов воспитывалось и реально укреплялось чувство собственного достоинства, убежденности в уважении их труда. По мере отвыкания от наркозависимости бывшие наркоманы имели возможность покинуть школу и вернуться к себе домой. Никаких административных и иных подобного рода препятствий им здесь не чинилось.

Спустя несколько лет мне в прежнем качестве вновь удалось побывать в школе социальной и медицинской реабилитации наркоманов недалеко от Сайгона (теперешнее название — город Хошимин).

Ситуация по ряду показателей, прежде всего показателей криминологического свойства, коренным образом изменилась к худшему. Во-первых, школа стала закрытым, строго охраняемым учреждением, с фиксируемым заранее сроком пребывания. Сам процесс лечения вроде бы остался прежним. Те же медицинские меры, та же трудотерапия, то же укрепление физического здоровья. Выпали лишь, в своем существе, идеологический и психологический рычаги воздействия на наркомана, где главный упор делался на возможность стать полноправным членом общества, получить наравне с другим работу и т.п. Реально выполнить свои социальные обязательства в этой части перед излечившимися от наркозависимости гражданами власти не смогли. Тем самым была подорвана вся система лечения, исправления и перевоспитания наркоманов.

Описанный вьетнамский опыт преодоления наркозависимости с его плюсами и минусами в основе своей выдержал испытание временем и вполне естественно, с учетом местных особенностей, был воспринят многими государствами, включая и Российскую Федерацию. Так, 20 ноября 2014 г. Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков (ФСНК) в Правительство Российской Федерации была представлена Программа реабилитации наркоманов и потребителей наркосодержащих средств. В этой программе, с учетом обширного зарубежного опыта, в том числе и опыта Социалистической Республики Вьетнам, были определены ряд конкретных мероприятий, имеющих целью в максимально возможных размерах сократить карательную составляющую в системе мер воздействия на наркоманов. Это весьма важно, поскольку в России ежегодно к административной и уголовной ответственности привлекается более 200 тыс. наркоманов. Как неоднократно подчеркивалось в специальных криминологических источниках, наркозависимых нужно больше отправлять на реабилитацию, чем в тюрьму. Правда, для этого необходимо существенно улучшать и количественно, и качественно материально-

¹¹ По этому вопросу см. подробнее: *Дашков Г. В.* Рецензия на книгу И. М. Мацкевича и З. С. Зарипова «Наркотики в России и в мире» // *Lex Russica*. 2010. № 2. С. 403—407.

техническое обеспечение деятельности соответствующих министерств и ведомств¹².

Традиционно актуальным направлением российского восприятия зарубежного опыта борьбы с преступностью является коррупция. Эта проблема для России не нова, и сделано тут немало полезного¹³. Во всяком случае, довольно стройная правовая система выявления, расследования и предупреждения казнокрадства, взяточничества и ряда других преступлений по службе в России сложились много ранее открытия Христофором Колумбом Америки. Но названная проблема не проявляет явной тенденции к затуханию и приобретает всё большую межгосударственную опасность. Отсюда и интенсификация усилий ООН и других международных организаций по сдерживанию преступности «белых воротничков», в частности коррупции. Принятие международным сообществом таких документов, как Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173) (Страсбург, 27 января 1999 г.); Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.), во многом способствовало снятию напряжения в части противодействия коррупции в мире. Тем более что эти конвенции в основе своей имплементированы в российское законодательство. Но всего этого, как показывает практика, оказывается явно недостаточно для того, чтобы добиться сходных положительных результатов для большинства стран мирового сообщества.

Во всяком случае, проблемы в этой части для России очевидны, и тут нужны дополнительные особые меры по повышению эффективности нашего российского восприятия опыта тех стран, которые добились действительно социально значимых положительных изменений в борьбе с коррупционной преступностью. Составить строго определенный список таких стран вряд ли возможно и целесообразно. Тем не менее, руководствуясь общими принципами, выработанными в сравнительном правоведении, представляется целесообразным приоритеты в исследовании зарубежного опыта борьбы с коррупцией отдать США и Китаю. Здесь за относительно короткое время

разными средствами удалось достичь сходных положительных результатов в преодолении коррупционных проявлений в разных сферах хозяйственной и управленческой деятельности, включая правоприменительную деятельность. На последнее обстоятельство хотелось бы обратить особое внимание. В годы расцвета мафии с США, в период Великой депрессии, размеры коррупции в правоохранительной системе этой страны, особенно в полиции, не знали себе равных в мире. Знаменитый чикагский гангстер Альфредо Капоне, не опасаясь быть наказанным, публично утверждал, что вся полиция им куплена. И это была не пустая похвальба. Во всяком случае, гангстер № 1 в Америке с большим трудом был отправлен за решетку не за сотни совершенных им убийств и других тяжких преступлений, а за уклонение от уплаты налогов, которые он должен был заплатить за свой легальный бизнес в виде мелкой торговли мебелью.

С тех пор прошло по историческим меркам совсем немного времени. Если сегодня мы обратимся к криминологическому анализу лиц, совершивших коррупционные преступления в США, то здесь практически нет ни судей, ни полицейских, ни атторнеев, ни других лиц, работающих в правоохранительных органах. Как этого удалось достичь? Для России, для других стран, где правоохранительная система занимает не последние места по уровню коррупции, научно обоснованная, а не только сугубо журналистская информация на этот счет представляет значительный интерес.

Весьма важными для развития именно сегодняшней российской криминологии являются и вопросы повышения социальной активности граждан в зарубежных странах (социальный капитал). И это несмотря на то, что собственный опыт России участия граждан и общественных организаций весьма значителен и имеет давнюю историю. Например, уже в 1881 г. в России, сразу же после убийства народовольцами императора Александра II, было создано закрытое общественное объединение «Священная дружина». В его задачу входило: противодействие терроризму; выявление русских революционеров внутри страны

¹² См. об этом подробнее: *Егорова Е.* Правительство взялось за наркоманов // Московский Комсомолец. 2014. 21 ноября.

¹³ См.: *Дашков Г. В.* Криминологическая сущность коррупции и коррупционной преступности // Современные проблемы уголовной политики : материалы V Международной научно-практической конференции / Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2014 Т. 1. С.103—110.

и за рубежом; физическая охрана царя во время массовых мероприятий и поездок по стране; борьба с крамолой и нигилизмом.

Священная дружина как общественное объединение работала в тесном взаимодействии (тут не было старших и младших) с полицией и другими силовыми структурами Российской империи. Финансировал дружину, и довольно щедро, лично император Александр III. Никакой зарплаты и иных материальных благ никто из членов Священной дружины не получал. Единственный стимул их общественной работы — бескорыстная защита царя и Отечества. В целом Священная дружина работала оперативно и эффективно. Уже через год после ее создания она выполнила свою основную задачу. В дальнейшем ее функции по поддержанию правопорядка были возложены на новую общественную организацию — Добровольную охрану. Это была более массовая, в сравнении со Священной дружиной, и демократичная форма участия граждан в борьбе с преступностью. В Добровольную охрану принимались представители всех сословий России по упрощенной, в сравнении со Священной дружиной, процедуре. Нужны были лишь рекомендации двух действующих членов Добровольной охраны.

Управление Добровольной охраной осуществлялось министром внутренних дел России и губернаторами. Для придания большего авторитета Добровольной охране ее начальник утверждался лично императором. Основные задачи Добровольной охраны: предупреждение покушений на царя и царских особ; предотвращение массовых беспорядков. Добровольная охрана как форма участия граждан в борьбе с преступностью выдержала испытание временем и к началу Первой мировой войны, т.е. через тридцать с лишним лет после создания, ее численность составляла более 40 тыс. человек. Прекратила свое существование Добровольная охрана после Февральской революции 1917 г. вместе с другими государственными и общественными органами охраны общественного порядка.

В советский период в структуре государственных и общественных органов, обеспечивающих борьбу с преступностью, роль общественных объединений стала принципиально иной и несравненно более масштабной в сравнении с дореволюционным периодом. В задачу практически всех советских органов государственной власти и управления входило обеспечение на максимально возможном

уровне гражданской активности населения. Из числа рабочих и крестьян, советской интеллигенции по всей стране формировались тысячи разного рода общественных объединений, комиссий и комитетов помощи властям в борьбе с преступностью. Например, к судебным разбирательствам по уголовным делам в обязательном порядке привлекались общественные защитники и общественные обвинители. Многие судебные заседания проводились на предприятиях и в организациях. Были созданы институты общественных помощников следователей и прокуроров, судебных исполнителей и др. Достаточно эффективно работали добровольные общества (бригады) содействия милиции и уголовному розыску, внештатные сотрудники милиции, комсомольские отряды, общественные ревизоры, контролеры, инспекторы и др.

Самой массовой (свыше 10 млн чел.) в советский период формой участия граждан в обеспечении общественного порядка, трудовой и финансовой дисциплины были добровольные народные дружины. При всех очевидных, особенно сейчас, издержках, при наличии определенных элементов формализма и показухи в деятельности общественных объединений в советский период было много положительного, способствовавшего сдерживанию преступности и других видов противоправного поведения.

Вместе с тем, на наш взгляд, в советский период масштабы участия граждан в борьбе с преступностью были излишне велики, не имели надлежащей отдачи. Кроме того, сверхмасштабность участия граждан в борьбе с преступностью противоречила сути самого социума. Так, например, хорошо известно, что число социально пассивных граждан, особенно если речь идет о специфических сферах общественной деятельности (выявление и предупреждение преступлений), в 15—20 раз превышает численность социально активной части населения. Это довольно устойчивый и мало подверженный существенным переменам показатель. Например, еще в середине XIX в. известный русский писатель, автор знаменитого романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевский отмечал, что нация имеет максимум 10 % активных, особо даровитых граждан. Они готовы искать, идти на риск и добиваться успеха во имя других. Остальные же социально пассивны, и их инициативы ограничиваются сугубо личными интересами. Ну как в такой ситуации можно

рассчитывать на успех всеобщего привлечения граждан в борьбе с преступностью? невыполнимая задача. Но изменить до некоторой степени соотношение между социально активной и пассивной группами населения в лучшую для общества сторону вполне осуществимо.

Определенный положительный опыт подобного рода накоплен и в России, и в странах Евросоюза, и в США, и в Китае, и в Японии, и в ряде других стран мирового сообщества. Частично этот опыт становится доступным благодаря усилиям ООН и других региональных и национальных структур. Но этого для продвижения вперед явно недостаточно, тем более что здесь речь идет в основном только о самих документах, а не об обобщении практики их применения.

В первоначальный период становления в России рыночных отношений (90-е годы XX столетия), когда не все делалось в нужное время и соответствующим образом, институт участия граждан в борьбе с преступностью фактически перестал существовать. Но довольно быстро для всех стало очевидным, что такой волонтеристский по своей сути способ ограничения числа субъектов противодействия правонарушениям в Российской Федерации оказался по всем позициям непродуктивным. Вполне естественно, что в последние несколько лет от него стали отказываться в пользу расширения участия граждан в борьбе с преступностью. Правовая и организационно-управленческая перестройка деятельности граждан и общественных объединений в решении общегосударственных задач борьбы с преступностью в настоящее время во многом опирается на устоявшиеся в стране положительные установки и традиции. И тем не менее такой подход далеко не всегда себя оправдывает и теоретически не обеспечен. Например, несмотря на принципиально новые основания формирования и функционирования институтов гражданского общества, теоретические и практические вопросы их взаимодействия с органами государственной власти и управления пытаются и сейчас решить по старым калькам, когда общественные объединения по привычке рассматривались в качестве некоего придатка к государственным органам, осуществлявшим тотальный контроль за общественными объединениями.

Согласиться с подобной постановкой вопроса в настоящее время недопустимо, хотя бы по той причине, что до сего момента комплексная

теория сочетания общественного и государственного контроля в России отсутствует. Нет, в частности, и научно обоснованных принципов осуществления государственного контроля за деятельностью общественных объединений. Есть лишь желание управлять ими. В итоге одна взаимодействующая сторона (общественные объединения) в искреннем желании любыми средствами обеспечить правовой порядок подчас выходит за рамки правового воздействия на правонарушителей, а другая (органы государственной власти и управления) фактически на ощупь, методом проб и ошибок, в лучшем случае пытается направить общественную инициативу в нужное для всего общества русло.

На сегодняшний момент по ряду причин политического, экономического, организационно-управленческого и правового свойства вывести математическую формулу расчета приемлемого уровня воздействия государственных структур на деятельность тех или иных общественных объединений не представляется возможным. Да и в принципе подобного рода детализация в развивающемся демократическом обществе не нужна. Здесь, во избежание риска серьезно ошибиться, вполне достаточно четко руководствоваться конституционными положениями, определяющими, что «запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» (п. 5 ст. 13 Конституции РФ). В остальном же уровень воздействия органов государственной власти и управления на деятельность общественных формирований и отдельных граждан должен быть сверхминимальным, а в лучшем случае равным нулю. При такой модели взаимодействия властных структур и общественности значительная часть факторов, обуславливающих сдерживание социальной активности граждан, потеряет свою практическую значимость. Вместе с тем достичь столь желаемого результата только путем полного отказа государства от контроля за деятельностью общественных организаций и объединений не представляется целесообразным. Как показывает практика, не просчитанные с разных позиций шаги в этом направлении

приводят к серьезным нарушениям прав и свобод граждан.

С проблемами подобного свойства приходится сталкиваться не только в России. Естественно, накапливается и определенный положительный опыт решения этих проблем. Тем не менее использование этого зарубежного опыта носит, как правило, эпизодический, точечный характер. Кроме того, заметно упала и активность разработчиков разного рода международных программ борьбы с преступностью. Подавляющее их число имеет стародавнюю историю, а «модельный ряд» тут не обновляется с необходимой интенсивностью, хотя потребность в этом есть огромная¹⁴.

Поставленные в настоящей статье вопросы, конечно, не исчерпывают всего содержания обозначенной нами проблемы. Это, скорее всего, отражение сегодняшних авторских возможностей, наша выборка приоритетов, особенности жанра публикации.

В последующем просматривается необходимость обратиться и к другим составляющим этой малоисследованной проблемы. Одна из них, к примеру, касается особенностей деятельности довольно многочисленных субъектов восприятия зарубежного опыта борьбы с преступностью. Так что известная пословица «чем дальше в лес, тем больше дров» полностью применима и к данной ситуации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1992.
2. Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). — М., 1967.
3. Дашков Г. В. Креативные виды наказания как уголовно-правовая и криминологическая категория // Наука уголовного права и совершенствование уголовного законодательства : сборник научных статей / Московский университет МВД России. — М., 2007.
4. Долгова А. Н. Преступность, ее организованность и криминальное общество / Российская криминологическая ассоциация. — М., 2003.
5. Зуев С. В. Противодействие организованной преступности в России и за рубежом (общетеоретические и прикладные проблемы права). — М. : Юрлитинформ, 2013.
6. Клеймёнов И. М. Сравнительная криминология. — М. : Норма : Инфра-М, 2012.
7. Криминологические исследования в мире / под ред. Г. В. Дашкова. — М. : Манускрипт, 1995.
8. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. — М. : Волтерс Клувер, 2005.
9. Нетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. — М. : Либроком, 2012.
10. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. — М., 2003.
11. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества / под ред. Р. В. Журбина ; Академия Генеральной прокуратуры РФ. — М. : Проспект, 2016.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF CRIMINOLOGICAL COMPARATIVISTICS IN THE RUSSIAN FEDERATION

DASHKOV Gennady Vladimirovich — Doctor of Law, Professor of the Kutafin Moscow State Law University, Honored Scientist of the Russian Federation
profdashkov@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article poses the task, as applied to the Russian Federation, to consider the issues of criminological comparativistics that are actually blank in the legal science. This problem is important not only for Russia. It is international in its essence. The modern world is arranged in such a way that the bearers of positive experience*

¹⁴ О нашем видении этой проблемы см.: Дашков Г. В. Развитие института участия общественных объединений в борьбе с преступностью // Проблемы детерминации и предупреждения преступности. М., 2017. С. 168—171.

in the fight against crime and its receptors are equally interested in order to make the best of this part to enter public domain as soon as possible. This altruistic interest (unlike technology) is primarily due to the fact that now, in the period of highly developed technologies and ultra-mobility, criminals from different countries and continents have practically no obstacles to the improvement of their criminal activity. As for the unresolved issues of the theory and practice of proper provision of international cooperation, there are a lot of them, in contrast to the sphere of criminal interaction. Taking into account the above conceptual provisions, the content of the article was determined. In particular, the article highlights theoretical preconditions for the perception of foreign experience in fighting against crime and the priority directions for using foreign experience in preventing specific types of crimes. The problems in question were solved both in the modern and in the historical aspects by means of a criminological reference to classical sources, such as the Great Yassa created by Genghis Khan, Peter the Great Decrees, and the US financial legislation designed to overcome the Great Depression . The author's arguments on this account are justified by the jurisprudence enshrined in international documents and the national legislation of the cooperating countries. We also used the results of our joint scientific research carried out together with our foreign colleagues, our experience of working for the governing bodies of the International Association of Criminal Law (IAPM) and the International Criminological Society (ICE).

Keywords: *criminological comparativistics, counteraction to crime, creative punishment, filtration of foreign experience, formation of collective experience, international experience of combating crime.*

REFERENCES

1. Gumilev L.N. Drevnyaya Rus i velikaya Step [Ancient Russia and the Great Steppe]. Moscow, 1992.
2. David R. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti (sravnitelnoe pravo) [Basic legal systems of our time (comparative law)]. Moscow, 1967.
3. Dashkov G.V. Kreativnyye vidy nakazaniya kak ugovovno-pravovaya i kriminologicheskaya kategoriya [Creative punishments as a criminal-legal and criminological category]. Nauka ugovovnogo prava i sovershenstvovanie ugovovnogo zakonodatelstva : sbornik nauchnykh statey [The science of criminal law and perfection of criminal legislation: Collection of scientific articles]. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2007.
4. Dolgova A.N. Prestupnost, ee organizovannost i kriminalnoe obshchestvo [Crime, its organization and the criminal society]. Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya [Russian Criminological Association]. Moscow, 2003.
5. Zuev S.V. Protivodeystvie organizovannoy prestupnosti v rossii i za rubezhom [Counteraction to organized crime in Russia and abroad (general theoretical and applied problems of law). Moscow. Yurlitinform Publ., 2013.
6. Kleymentov I.M. Sravnitel'naya kriminologiya [Comparative criminology]. Moscow. Norma Publ., Infra-M Publ., 2012.
7. Kriminologicheskie issledovaniya v mire [Criminological research in the world]. G.V. Dashkova (ed.). Moscow. Manuscript Publ., 1995.
8. Luneev V.V. Prestupnost XX veka: mirovye, regionalnye i rossiyskie tendentsii [Crime of the twentieth century: world, regional and Russian trends]. Moscow. Walters Kluwer Publ., 2005.
9. Netle A. Sotsial'naya sistema i zakony, eyu upravlyayushchie [The social system and the laws that govern it]. Moscow. Librocom Publ., 2012.
10. Saidov A. Kh. Sravnitelnoe pravovedenie [Comparative jurisprudence]. Moscow, 2003.
11. Teoreticheskie osnovy preduprezhdeniya prestupnosti na sovremennom etape razvitiya rossiyskogo obshchestva [Theoretical basis of crime prevention at the present stage of development of Russian society]. R.V. Zhurbin (ed.). Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Moscow. Prospect Publ., 2016.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ю. М. Антонян*

ПРЕСТУПНИКИ ИЗ ЧИСЛА БЕДНЫХ

Аннотация. В статье даются основные характеристики преступлений лиц из числа бедных, отличительные особенности их личности. Выделяются подгруппы, предлагается их описание. Называются критерии выделения бедных и конкретных подгрупп, описываются их наиболее характерные черты. Показывается значение бедноты, ее социальные, особенно криминологические, последствия, влияние на личность и ее поведение. Особенно выделяется самый низший слой очень бедных, в частности бродяг, систематически ведущих бездомное существование, и спившихся людей. Отмечается важность оказания им помощи и поддержки, в том числе со стороны церкви и общественных организаций, местных органов власти, необходимость их лечения.

В статье использованы материалы опроса около 60 тыс. осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Ключевые слова: преступник из числа бедных; преступники, относящиеся к людям дна; бродяги; попрошайки; спившиеся; проститутки; мигранты; последствия бедности; причины бедности.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.068-074

В современных условиях расслоения российского общества теория и практика борьбы с преступностью требуют максимального учета этого существенного экономического и общесоциального фактора для создания хорошо отлаженного механизма предупреждения и пресечения преступлений, совершаемых бедными людьми и лицами так называемого социального дна. Следует отметить что в современной криминологии отсутствуют комплексные исследования такого социального явления, как бедность. Между тем это явление подтверждает нездоровье нашего общества и представляет собой проблему — достаточно серьезную и актуальную. Поэтому пришло время вплотную заняться ее изучением не только с экономических, но и с криминологических позиций.

В прошлом криминологическими и иными проблемами бедности занимались П. Сорокин,

Р. Мертон, Г. Спенсер, М. Н. Гернет, Н. С. Таганцев и некоторые другие. Так называемые антропологические сочинения Ч. Ломброзо, якобы свидетельствующие о биологических, в особенности наследственных, причинах преступности, на самом деле социологические исследования преступности бедных, среди которых наследование преступного поведения происходит вовсе не биологическим, а социальным путем — через научение, подражание, привычки.

В связи с изменением общественной формации России на рубеже 90-х гг. произошла и трансформация общества. В этот период угасали старые противоречия, но появлялись новые, пронизывающие изменившиеся страты населения. Бедность, которая раньше скрывалась за всеобщей бедностью, стала социально-экономическим феноменом, уровень которого су-

© Антонян Ю. М., 2018

* Антонян Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета antonyaa@yandex.ru 105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, д. 10а

щественно возрос в России в ходе реформирования экономики. Бедность, конечно, имеет не только экономические последствия, но и этические, правовые, политические, медицинские. Традиционно лица, не имеющие постоянного источника дохода, находятся в зоне криминального риска совершения преступления.

В 2017 г. среди лиц, совершивших преступления, зафиксировано 635 517 человек, не имеющих постоянного источника дохода (что меньше на 4,4 % по сравнению с 2016 г.). Данные показатели косвенно свидетельствуют о наметившейся негативной тенденции — замедлении темпов снижения бедных среди совершивших преступления: с —6,0 % в 2016 г. до —4,4 % в 2017 г. — и возрастании удельного веса рассматриваемой категории лиц в общем количестве выявляемых лиц: 65,7 % — в 2017 г.; 65,4 % — в 2016 г.¹

Социально-экономическая обстановка в стране, инфляция, имущественное расслоение населения, повышение уровня безработицы предопределяют постоянный рост численности лиц, не имеющих постоянного источника дохода.

На долю лиц, не имеющих постоянного источника дохода, приходится более половины посягательств, составляющих преступления небольшой тяжести, и четверть преступлений средней тяжести; почти каждое второе общественно опасное деяние, совершаемое рассматриваемой категорией лиц, — преступления против собственности, а каждое пятое — преступление против жизни и здоровья.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, только в Москве и Московской области в 2017 г. преступные посягательства совершались большей частью мужчинами среднего возраста (до 50 лет), не имеющими постоянного источника дохода и постоянного места жительства в столичном регионе.

К лицам, не имеющим постоянного источника дохода, могут быть отнесены безработные. В 2017 г. их было выявлено 4 391 человек (—28,6 %). Представляется, что столь существенное снижение является лишь временной тенденцией, а в перспективе именно безработ-

ные будут пополнять категорию людей, не имеющих постоянного источника дохода.

Безработный — это одна из наиболее слабозащищенных категорий граждан, уязвимость которых возрастает в связи с усиливающейся конкуренцией во всех сферах экономики, вызванной как дешевым трудом мигрантов, так и усиливающимися процессами информатизации производства.

Как показывают криминологические исследования, не только ранее судимые лица, но и безработные формируют лицо рецидивной преступности². Сегодня очевидно, что безработица оказывает сильнейшее деморализующее влияние на человека, его десоциализацию, существенно снижает уровень его жизни и самооценки, повышает его уязвимость в социуме (отсутствие медицинской страховки, возможности оплачивать коммунальные платежи, товары первой необходимости), фактически лишает его средств к существованию и в конечном итоге способствует распаду семей и социальному сиротству детей.

Продолжающийся процесс стагнации экономики, повышение цен на услуги и товары первой необходимости, усиление имущественного расслоения населения, снижение среднедушевых доходов и повышение уровня бедности, повышение конкуренции на рынке труда, усиление миграционных процессов и постоянный приток трудовых мигрантов являются постоянно действующими факторами, предопределяющими увеличение доли граждан, не имеющих постоянного дохода, а следовательно, это повышает социальную напряженность среди таких людей, усиливает маргинализацию широких слоев населения, что неизменно будет способствовать негативным тенденциям преступности лиц, имеющих низкие и самые низкие доходы³.

В категорию бедных попадают и работающие граждане. По официальным данным Росстата, в 2014 г. численность работников, имевших заработную плату на уровне или ниже прожиточного минимума трудоспособного населения, составляла в сельском хозяйстве 36 %, культуре и искусстве — 36,2 %, образова-

¹ См.: Информация о социально-экономическом положении в России / Федеральная государственная служба статистики. М., 2017.

² См., например: Антонян Е. А. Личность рецидивиста : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.

³ См.: Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор. М., 2018. С. 78—79.

нии, легкой промышленности, торговле и общественном питании — более 56,4 %.

Именно недостаточная материальная обеспеченность может толкать людей на совершение корыстных и корыстно-насильственных преступлений, зачастую с одной-единственной целью — удовлетворить жизненно необходимые биологические потребности (пища, одежда, кров) либо получить удовольствия (более дорогая одежда, посещение ресторанов и т.д.).

Представители бедных не живут, а выживают, для них характерно преобладание материальных ценностей над духовными, наличие заниженной самооценки — это привносит изменения в психику данной категории людей, способствуя формированию особой психологии и их особого мира, в первую очередь в семьях. Как результат — отсутствие перспектив в жизни, отсутствие жизненной программы, невозможность самореализации, итогом зачастую является совершение преступлений. В совокупность все вышесказанное является логическими последствиями бедности.

Это низшая среда общества входит в толпу, которая является большей частью населения любой страны. Люди толпы простодушны, легковерны, у них нет высоких эстетических потребностей, они любят подчиняться приказам, а если появляется лидер, завоевавший признание, они ликуют. Низший слой общества является основным поставщиком воров, хулиганов, мелких грабителей и погромщиков. Именно в этом социальном слое рано начинают курить, употреблять спиртные напитки, вступать в сексуальные отношения.

В условиях современных реалий и проведения социальных реформ предупредительная деятельность, включающая выработку эффективных механизмов борьбы с преступностью бедных, представляется наиболее сложным аспектом с точки зрения криминологии.

Таким образом, сегодня проблема бедности продолжает создавать угрозу безопасности, благополучию людей, государства, общества. Причем указанные основополагающие обстоятельства обосновывают актуальность рассматриваемой проблемы и ее важность и необходимость исследования на монографическом уровне с последующими практическими выводами.

Существенная дифференциация, деление общества на социально неоднородные группы богатых и малоимущих, в том числе находящихся за чертой бедности, граждан способ-

ствовали появлению значительного числа дезадаптированных, находящихся на «обочине» экономических процессов групп лиц — маргиналов. В криминологии понятие «маргинал» (А. И. Долгова, Д. А. Шестаков, Э. Ф. Побегайло, Ю. Ф. Кваша) используется для обозначения негативных, отчужденных, потерявших социальные связи лиц, которые, по мнению многих криминологов, служат источником пополнения рядов преступников.

Учитывая то обстоятельство, что «социальное дно» как страта фактически существует с древнейших времен, а попытки борьбы с представителями группы «социального дна» и таким явлением, как бедность, ведутся в той или иной мере на протяжении всего исторического развития человечества, то важное значение в научной литературе может быть отдано изучению, в частности, криминологических, уголовно-правовых, социально-психологических аспектов бедности, что подтверждает важность дальнейшего исследования данной проблематики.

Бедность следует рассматривать как исторически обусловленное, многогранное и многофакторное явление. Она является характеристикой экономического положения индивида или социальной группы, при котором уровень возможностей удовлетворить даже минимальные потребности, необходимые для жизни, сохранить трудоспособность, репродуктивную функцию критически низок. Представители групп бедных на определенном отрезке либо постоянно оказываются без средств к существованию, что рано или поздно вовлекает их в криминальную сферу деятельности. Бедные и очень бедные есть социальный слой общества.

В криминологическом смысле бедность становится криминогенной не только тогда, когда и все другие бедны, но и тогда, когда бедных окружают богатые или просто хорошо обеспеченные люди. Бедность создает особую атмосферу для людей, которую можно определить как безысходную. Люди в этой сфере ощущают невозможность изменить к лучшему свою жизнь, не видят в ней достойной цели и перспектив, для многих из них преступление выступает вполне оправданным способом получения средств к существованию. Люди из слоя бедных, как правило, низкого культурного, образовательного и профессионального уровня, многие постоянно пьянствуют и даже не имеют постоянного места жительства (бродяги).

Можно выделить следующие группы преступников из числа бедных: полностью, или абсолютно, бедные (такowymi являются в первую очередь бывшие преступники, не желающие работать, нищие, алкоголики и наркоманы, опустившиеся проститутки, беспризорные дети), иначе говоря — «социальное дно»; и бедные «частично», относительно бедные — это те, доход которых колеблется в пределах 10—20 тыс. руб. в месяц (матери-одиночки, многодетные семьи, низкоквалифицированные и низкооплачиваемые работники, инвалиды), т.е. не имеющие достойного жилья, необходимого трудового дохода и т.д. Выделяется еще одна группа преступников из числа бедных: это те, которые обеднели после падения советской системы, в основном из-за недостаточной социальной помощи со стороны государства. Это так называемые «постперестроечные» бедные (работники старших возрастов и часть пенсионеров; жители села; молодежь, не имеющая возможности найти работу после окончания учебного заведения; безработные беженцы и вынужденные переселенцы). Особенностью всех бедных является то, что их материальная несостоятельность передается последующему поколению, их детям.

Сам характер преступного поведения детерминируется механизмом взаимодействия индивида со всеми факторами, которые влияют на его поступки. К ним относятся группы субъективных и объективных причин. К объективным можно отнести смену политического режима и систем его ценностей, ликвидация патернализма, ослабление социальной помощи государства, низкие заработки, вынужденное переселение, потеря работы (безработица) и т.д. К субъективным — недостаток образования, болезни, личные качества характера, беспризорное детство (депривация — лишение родительского попечения), плохая наследственность, отчуждение, отсутствие родных и близких, низкий культурный и образовательный уровень и т.д. Но все-таки главной причиной, пожалуй, является потеря привычной работы, но еще — нежелание работать, проявлять личную инициативу, в том числе предпринимательскую.

Проведенное с моим участием исследование показало, что из 60 тыс. осужденных в местах лишения свободы около 60 % обладали доходами не менее 20 тыс. руб. в месяц, включая сюда все возможные поступления материальных средств. В числе опрошенных были

и те, доход которых не превышал 10 тыс. руб., а также и лица, которые вообще не имели законных источников материальных средств, а жили за счет попрошайничества, краж и мелких услуг населению, подчас не имея постоянного места жительства. Тюремное население России, как и во всем мире, бедняцкое.

Об уровне материальной обеспеченности судят не только по размерам дохода, но и по наличию квартиры, автомобиля, возможности отдохнуть за границей или на курортах нашей страны. Но все это к названной нами группе осужденных не относится. В России уже долгое время складывается парадоксальная ситуация, когда уровень минимального размера оплаты труда находится ниже прожиточного минимума. Расходы на получение образования, отдых, качественное лечение, сохранение или улучшение жилищных условий в прожиточный минимум должны включаться. Между тем постепенно и неустанно происходит обнищание некоторых слоев общества, что, в свою очередь, может подталкивать их представителей к решению возникающих трудностей путем совершения преступлений. Положение усугубляет незаконная миграция.

Желание бедных обогатиться при всех их попытках не всегда приводит к положительным результатам, лишь усугубляя пропасть между доходами богатых и бедных, что составляет основу преступного поведения бедных и детерминирует совершение ими преступлений (против собственности, жизни и здоровья и т.д.). При недостатке средств и, соответственно, низком уровне качества жизни существует риск их вовлечения в криминальную среду. А особое состояние индивида, находящегося под эмоциональным прессингом бедности, приводит к изменению его психологии, заниженной самооценке, чувству внутреннего дискомфорта, приводящему к тревоге, страхам, замкнутости, депрессии, а также к озлоблению и ненависти. Все это может вызывать преступное поведение, формируя криминогенные взгляды, ориентации, привычки, вызывая снижение волевых процессов, повышение внушаемости.

Личность преступника из числа бедных можно представить как личность человека, который не пытается соответствовать нормам, принятым в обществе, а для реализации своих потребностей выбирает криминальный путь, т.к. малообеспеченность и бедность — это внутреннее состояние индивида, особое состояние его психики, особенно в связи с тем,

что годы, проведенные в нужде, заставляют думать только о решении первичных, сугубо материальных проблем (пища, одежда, кров). Для личности бедного преступника характерен более низкий уровень образования и трудовой квалификации, чем у других групп населения; отсутствие в большинстве своем семьи; невозможность или нежелание трудиться; плохая социальная приспособляемость. Постоянное состояние обиды, угнетенности, отчуждения, неудовлетворенности приводит к изменениям во внутриличностную сферу и межличностные отношения, что часто влечет за собой повторное совершение преступлений.

В целом усредненный образ преступника из числа бедных таков: возраст 30—39 лет, образование среднее и незаконченное среднее, семейное положение — холост / не замужем, детей нет, возможно наличие одного иждивенца, зачастую безработный либо имеется незначительный заработок до 10 тыс. руб. (51,38 %).

Отличительной особенностью как матерей-одиночек, так и многодетных семей является то, что они практически не занимаются воспитанием своих детей из-за нехватки времени, в некоторых случаях имеет место аморальный образ жизни родителя. Материальная необеспеченность влечет возникновение у детей из многодетных семей неуверенности, неадекватной реакции на жизненные ситуации, повышенной агрессивности. Эмоциональное отвержение ребенка, лишение родительской ласки в его психике на бессознательном уровне вызывает беспокойство, тревожность, а затем враждебность по отношению к окружающему миру. Инвалидов можно охарактеризовать наличием таких черт, как заниженная самооценка, чувство внутреннего дискомфорта, приводящее к страхам, замкнутости, депрессии, а также вероятность психических расстройств, которые играют роль условий, способствующих преступному поведению.

Характерными личностными чертами группы низкоквалифицированных и низкооплачиваемых людей являются угнетенность, апатия, озлобленность, зависть, обидчивость и, как следствие, депрессия, которая зачастую способствует падению на самое «дно» по социальной лестнице.

Представители работников старших возрастов и пенсионеров часто испытывают страх, беспокойство, неуверенность, апатию, впадают в депрессивное состояние. В силу определенных условий (возраст, состояние здоровья)

они не способны совершать поступки, требующие быстроты реакции, ловкости. Можно отметить, что в случаях воровства им свойственен стыд.

Житель села представляет собой малообразованного, малокультурного, в большинстве своем страдающего алкоголизмом, ведущего пассивный образ жизни, смирившегося с текущим положением вещей индивида. Мотивацией преступного поведения является только добыча денежных средств с целью покупки алкогольных напитков.

У молодежи, не имеющей возможности трудоустроиться после окончания учебного заведения, присутствуют: агрессивность, импульсивность, максимализм, вспыльчивость, решение вопросов с применением силы; они ведут увеселительный образ жизни, употребляют наркотики, алкоголь.

Состояние безработного характеризуется подавленностью, растерянностью, угнетенностью, депрессивностью, угрюмостью, замкнутостью, желанием обвинять всех в своих проблемах, неуверенностью, которые зачастую переходят в злоупотребление алкоголем, употребление наркотиков и занятие криминалом.

Для беженцев и вынужденных переселенцев характерен разрыв социальных связей, оторванность и отчужденность, разобщенность, а также им присущи: уязвимость, замкнутость, подавленность, неуверенность, эмоциональный дискомфорт. Между тем среди своих они поддерживают сплоченность и помогают друг другу.

Особую социальную подгруппу среди бедных составляют бродяги, систематически ведущие бездомное существование. Они не строят планов на будущее, живут одним днем для удовлетворения сиюминутных потребностей, причем не всегда осознавая мотивы такого поведения. На путь бродяжничества чаще всего становятся лица низкой производственной квалификации или не имеющие никакой специальности. Не случайно из числа лиц, обследованных в связи с задержанием за бродяжничество, более 60 % не имели никакой специальности и ранее были заняты на неквалифицированных работах в сельском хозяйстве (до 30 %), а также на предприятиях коммунально-бытового обслуживания, торговли и т.д. Обычно это не семейные, одинокие люди, которые получали невысокую заработную плату и были недостаточно обеспечены жильем; утратив производственную связь с уч-

реждением или предприятием и лишившись в связи с этим ведомственной жилой площади либо не имея возможности или не приложив необходимых усилий для улучшения материального положения и жилищных условий в данном месте, эти лица начинают бродяжничать, чтобы уклониться от любого труда. Нередко такие лица уезжают в другие районы страны с надеждой лучше устроиться. Однако и там из-за отсутствия у них необходимой квалификации им могут предложить лишь низкооплачиваемую работу. Разумеется, вполне возможно их трудоустройство на многочисленных строительных и других хозяйственных объектах, которые, как правило, нуждаются в рабочей силе. Но обычно они расположены в отдаленных районах и многие из лиц, не имеющих постоянного места жительства и занятий, не желают ехать туда, предпочитая бездомное существование и скитания с места на место. Постепенно под влиянием пьянства и других обстоятельств, зачастую потеряв в странствованиях документы, убедившись в возможности прожить, не занимаясь общественно полезным трудом, эти люди становятся на путь бродяжничества. Жить не работая с течением времени превращается у некоторых в привычку, а поэтому, даже имея все возможности устроиться на работу, бродяги не желают трудиться.

В среде алкоголиков преобладающее количество индивидов с низкой культурой, нравственными деформациями, низким уровнем образования. Одни представители этой группы отличаются пассивностью, низкой границей агрессии, чувствительностью к окружающим, влиянием и т.д. Другие же, наоборот, импульсивны, активны, не задумываясь, начинают действовать, не давая оценку своим поступкам. Третьи — не уверены в себе, подвержены стрессам по любому поводу, затрудняются принять какое-либо решение. Преступники-алкоголики чаще пользуются благоприятными ситуациями, чем создают их. Они с безразличием относятся к окружающим, к своему образу жизни, но не предпринимают попыток, чтобы

изменить его. Многие черты личности преступника-алкоголика характерны для личности преступника-наркомана. Мотивом преступного поведения наркомана является утоление «жажды», или снятие так называемой «ломки».

Для представителей группы освободившихся из исправительных учреждений из числа бедных характерно отсутствие семьи и жизненных перспектив, профессии, работы, местожительства, разрыв социальных связей, отчужденность, наличие хронических заболеваний. Зачастую они не знают, что им делать.

Спившиеся проститутки мало чем отличаются от бродяг. Они часто помогают совершать преступления другим, чем делают это сами. Если же выступают исполнителями, то обычно обируют пьяных клиентов, мало чем отличающихся от них самих. Их постоянно преследуют голод и, конечно, желание выпить. Многие из них потеряли человеческий облик и вызывают жгучую жалость. Их в первую очередь надо лечить. И церковь не должна быть безучастна к ним, равно как и общественные организации, и местные органы власти.

Меры предупреждения преступлений, совершаемых бедными людьми, можно разделить на две группы: общесоциальные и специально-криминологические. К первому относятся меры по повышению материального благосостояния людей, оказанию им экономической, культурной, духовной, психологической, медицинской, юридической и иной помощи. Важным моментом является обеспечение социальной защищенности, получение адресной поддержки, содействие при трудоустройстве, улучшение жилищных условий. Ко вторым — специально-криминологическое предупреждение, которое представляет собой совокупность мер по выявлению и пресечению преступлений людей из числа бедных, по профилактике совершаемых бедными преступлений, их исправлению в местах лишения свободы. Им важно внушить, что в нашей стране всегда можно найти работу, если не в своем регионе, то уехав из него.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонян Ю. М. Бегство от цивилизации. — М. : Юрлитинформ, 2017.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. — М., 1988.
3. Герцензон А. А. Нищенство и борьба с ним в условиях переходного периода // Нищенство и бродяжничество. — М., 1929.
4. Гилинский Я. И. Проституция как она есть // Проституция и преступность. — М., 1991.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1977.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. — М., 2006.
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1994.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

CRIMINALS FROM AMONG THE POOR

ANTONYAN Yuriy Miranovich — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow Region State University
antonyaa@yandex.ru
105005, Russia, Moscow, ul. Radio, d.10a

Abstract. *The article gives the main characteristics of crimes committed by persons from among the poor, the distinctive features of their personality. The author defines subgroups and gives their description. The article highlights the criteria for identifying the poor and specific subgroups, and their most characteristic features. The author focuses on the significance of poverty, its social, especially criminological, consequences and impact on the individual and his or her behavior. The lowest stratum of the very poor, in particular the vagabonds who systematically lead a homeless existence and the people who succumbed themselves to alcoholism is described. The author notes the importance of providing them with assistance and support on behalf of the church and public organizations, local authorities, the need for their treatment is also mentioned. The article uses results of the survey of about 60,000 convicts serving sentences in places of deprivation of liberty.*

Keywords: *poor criminal, criminals related to the people of the underworld, vagabonds, beggars, drunkards, prostitutes, migrants, consequences of poverty, causes of poverty.*

REFERENCES

1. Antonyan Yu. M. begstvo ot tsivilizatsii [Escape from civilization]. Moscow. Yurlitinform publ., 2017.
2. Bern E. Igrы, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igrы. Psikhologiya chelovecheskoy sudby. [Games People Play. People who play games. Psychology of human destiny]. Moscow, 1988.
3. Gertsenzon A.A. Nishchenstvo i borba s nim v usloviyakh perekhodnogo perioda [Poverty and the struggle with it in the conditions of the transition period]. Nishchenstvo i brodyazhnichestvo [Mendicancy and vagrancy]. Moscow, 1929.
4. Gilinsky Ya.I. Prostitutsiya kak ona est [Prostitution as it is]. Prostitutsiya i prestupnost [Prostitution and crime]. Moscow, 1991.
5. Leontiev A. N. Deyatelnost. Soznanie. Lichnost [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, 1977.
6. Merton R. Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura [Social theory and social structure]. Moscow, 2006.
7. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti [Anatomy of human destructiveness]. Moscow, 1994.

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

О. Л. Дубовик*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО- ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БОРЬБЫ С ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ЭКСТРЕМИЗМОМ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы возникновения новых угроз мировому и национальному правопорядкам, связанных с потенциальной опасностью совершения актов экологического терроризма и эскалацией давно известных актов экологического экстремизма. Представлены позиции, отраженные в международном и национальном (российском) праве и доктрине, о понятиях терроризма, террористического акта, террористической деятельности с учетом их проявлений по отношению к специально охраняемому благу — окружающей среде как основе (базису). Охарактеризована специфика актов терроризма, связанных с окружающей средой и воздействием на принятие экологически значимых политических и правовых решений. Рассматриваются позиции российской и польской правовых доктрин в отношении опасности и квалификации противоправных действий.

Ключевые слова: закон, конвенция, конфликт, насилие, окружающая среда, преступление, терроризм, террористическая деятельность, террористический акт, угроза, экология, экстремизм.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.075-090

Постановка проблемы. Борьба с терроризмом и экстремизмом в наши дни стала, наряду с предотвращением и прекращением военных конфликтов, главной задачей мирового сообщества в целом, отдельных государств и их объединений, правоохранительных органов, общественных организаций. Как никакая другая, эта задача объединяет усилия политиков, социологов, правозащитников. В XXI в. человечество неожиданно столкнулось с угрозой терроризма в невиданных ранее масштабах. В террористических актах задействованы не только конкретные исполнители и их пособни-

ки, но и крупные социальные группы, характеризующиеся этническими, религиозными, политическими признаками, преследующие цели различного уровня — от глобальных (создание халифата и уничтожение христианского мира, представителей разных ветвей ислама (сунниты, шииты)) до «точечных», когда террористические действия совершаются в отношении конкретных людей или организаций, и даже до действий государства, приобретающего клеймо «террористическое». Угроза терроризма нарастает: не проходит и дня, чтобы в СМИ и Интернете не сообщалось о террористических

© Дубовик О. Л., 2018

* Дубовик Ольга Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук
ecolaw@igpran.ru
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

акциях в Афганистане, Ираке, Сирии, Турции, в городах Западной Европы или в других странах. География терроризма расширяется. Субъектный состав затронутых терроризмом людей тоже. К нему причастны уже десятки, если не сотни тысяч людей: лица, непосредственно осуществляющие террористические акты; те, кто снабжает их оружием, взрывчаткой, документами, транспортом и т.п.; те, кто их вовлекает в эту деятельность, обучает и разрабатывает как стратегию, так и планы конкретных акций; те, кто финансирует масштабные и «мелкие» операции, с одной стороны, и те, кто противодействует терроризму, проводя оперативно-розыскные и профилактические мероприятия, расследуя преступления террористического характера, создавая правовую базу для борьбы с терроризмом и наказания преступников, с другой стороны. Наконец (и это, может быть, самое главное), растет число жертв терроризма: непосредственно пострадавших в результате террористических актов, погибших или получивших увечья, переживших тяжелейший шок, их родственников, более того — всех, у кого из-за возможности оказаться на месте преступления возникает чувство страха, неуверенности, недоверия к властям, полиции, органам безопасности, меняющее привычный образ жизни.

Терроризму, его истокам, причинам, целям и мотивам посвящена обширная литература¹. Анализируются методы и способы подготовки к совершению террористических актов, особенности личности террористов, их установки и пр. Рассматриваются содержание уголовно-правовых запретов в многочисленных комментариях к уголовным кодексам, проводятся научные конференции и совещания практиков — министров внутренних дел, работников различных служб и ведомств. Надо сказать, что все это дает определенные результаты: уяснена природа терроризма, его формы, мотивация, осознана его опасность и необходимость предотвращения, выработаны различные меры борьбы с ним (другое дело, насколько они эффективны). В то же время отдельные аспекты научного обеспечения борьбы с терроризмом остаются в тени. Это относится и к проблемам терроризма экологического². Тому есть причины. К счастью, пока террористические акты, направленные против окружающей среды как базиса жизнедеятельности человека, немногочисленны. Можно говорить о поджоге нефтяных скважин Кувейта, об объявленной Басаевым цели рейда, завершившегося захватом заложников, но планируемого для уничтожения источников питьевого водоснабжения. Но можно и нужно ставить вопрос о том, не

¹ См., например: *Агапов П. В., Михайлов К. В.* Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики. Саратов : Сарат. юр. ин-т МВД России, 2007 ; *Антонян Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М. : Щит-М, 2001 ; *Аслаханов А. А.* Эволюция мирового терроризма. М., 2003 ; *Бурковская В. А., Маркина Е. А., Мельник В. В., Решетова Н. Ю.* Уголовное преследование терроризма. М. : Юрайт, 2008 ; *Гаврилин Ю. В., Смирнов Л. В.* Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. М. : ЮИ МВД России; Книжный мир, 2003 ; *Дикаев С. У.* Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006 ; *Дубовик О. Л., Жалинский А. Э.* Криминологическая характеристика терроризма в России // The Third Session of the International Forum on Crime and Criminal Law in the Global Era. Paper Collection. Beijing, China, 2011. P. 195—203 ; *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления с элементами терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002 ; *Жалинский А. Э.* Криминологическая характеристика терроризма в России // Национальная безопасность. 2012. № 2. С. 22—29 ; *Он же.* Уголовно-правовые транснациональные конфликты в сфере экономики // Закон. 2011. Сентябрь. С. 57—66 ; *Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой.* 3-е изд. М. : Норма, 2005. С. 595—627 ; *Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова.* 4-е изд. М. : Норма, 2010. С. 354—373 ; *Лунеев В. В.* Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 129—216 ; *Основы противодействия терроризму : учеб. пособие / под ред. Я. Д. Вишнякова.* М. : Академия, 2006 ; *Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е. И. Степанова.* М., 2000 ; *Устинов В. В.* Международный опыт борьбы с терроризмом: Стандарты и практика. М., 2007.

² По проблемам экологического терроризма до сих пор опубликована лишь одна монография: *Тисленко Д. И.* Экологический терроризм. М. : Юрлитинформ, 2013. 208 с. Правда, вопросы ядерного, биологического/генетического терроризма освещались в литературе, но тоже очень мало. См.: *Аллисон Г. Т.* Ядерный терроризм: самая страшная, но предотвратимая катастро-

являются ли, например, акции фундаменталистов направленными на захват природных ресурсов как главной цели, а все остальные их действия — лишь средства и способы ее достижения. Иными словами, захват власти, устрашение, давление предназначены для завладения природными ресурсами и природными объектами, будь это нефте- и газодобывающие промыслы, месторождения других полезных ископаемых, водные объекты, земли.

Экологический терроризм — новая разновидность опасных посягательств на окружающую среду и общественную безопасность. Экологический терроризм является крайней формой выражения эколого-правового конфликта. Он может быть его завершающей стадией, как и любое преступление — завершающей стадией криминального конфликта, а может быть причиной его возникновения или эскалации. В. Н. Кудрявцев отмечал, что «во многих случаях преступление не только создает почву для конфликтов, но и само является следствием конфликтов и их заключительной стадией. Особенно явно подобная причинно-следственная взаимосвязь прослеживается на примере насильственных преступлений...». Далее он подчеркивал: «Криминальный конфликт, конечно, специфичен прежде всего своими результатами, или завершающей стадией, но это, впрочем, нередко характеризует особенности его возникновения и развития»³.

Экологический терроризм характеризуется как способ разрешения конфликта с помощью насилия. Понятно, что и многие другие криминальные конфликты разрешаются насильственным способом (убийства и пр.). В любом случае эколого-правовые конфликты, так или иначе связанные с терроризмом, одновременно являются и криминальными⁴ конфликтами.

Наконец, акт экологического терроризма может быть реакцией на иной по своей при-

роде конфликт, например экономический, религиозный, межнациональный, совершаемый по мотивам мести, из желания подорвать экономическое благополучие противника, то есть может выступать способом разрешения иного конфликта.

Экологический экстремизм и его значение как явления современной действительности. В отличие от экологического терроризма, экологический экстремизм имеет больше «заслуг». Это феномен, с которым приходится иметь дело уже на протяжении достаточно длительного времени (если ориентироваться на даты введения уголовной ответственности за экстремизм, на начало веганских движений, на факты совершения квалифицируемых таким образом деяний). История экологического экстремизма чрезвычайно интересна и познавательна. В ней наблюдаются спады и пики, но в других странах (не в России) это весьма значимое явление и сегодня. Акты экологического экстремизма широко известны. Это нападения на научно-исследовательские центры с целью освобождения подопытных животных, угрозы и акты насилия в отношении научных работников, организация и проведение демонстраций, митингов, пикетов, информирование в СМИ и Интернете, иные действия. Нередко они сопровождаются насилием и совмещены с незаконным проникновением в помещения, угрозами убийством и другими противоправными действиями, преследуемыми в соответствии с уголовным законом. Это на самом деле весьма своеобразный феномен экологической культуры, экологического сознания (и правосознания), экологического поведения многих индивидов и социальных — пусть даже небольших — групп, который разделил очень жестко позиции двух противоборствующих лагерей и четко очертил границу между адептами экологического экстремизма, его противниками

фа. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 296 с. ; *Бобылов Ю. А.* Генетическая бомба. Тайные сценарии наукоёмкого биотерроризма. 2-е изд. М. : Белые Альвы, 2008. 384 с. ; *Корецкий Д. А.* Атомный поезд : в 2 т. М. : АСТ: Астрель, 2008 ; *Овчинский В. С.* Криминология и биотехнологии. М. : Норма, 2005. 192 с. ; Противодействие биотерроризму: политические, технические и правовые аспекты / под ред. А. Г. Арбатова. М. : РОССПЭН, 2008. 108 с. ; *Симонова А. Е.* Противодействие биотерроризму: международно-правовой аспект. М. : Либроком, 2010. 160 с.

Опубликован и ряд статей, посвященных анализу отдельных аспектов экологического терроризма.

³ Юридическая конфликтология / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М. : Центр конфликтологических исследований РАН, 1995. С. 156—157.

⁴ В. Н. Кудрявцев, признавая не самым удачным обозначение этого вида юридических конфликтов, все же счел его более предпочтительным, чем понятие «уголовно-правовой конфликт», «конфликт в сфере уголовного права» и т.п.

и лицами, их поддерживающими по морально-этическим и прагматическим, но противоположным соображениям.

Экологический экстремизм, может быть, наиболее ярко и наглядно связан с эколого-правовыми конфликтами, а также с медико-правовыми и криминальными конфликтами (убийства и угрозы убийством в отношении врачей, делающих аборт, поджоги клиник, угрозы в адрес членов семей — даже детей и пр.). Даже антиатомное протестное движение не использовало таких крайних форм давления и личностного насилия⁵. Один из недавних примеров: в интервью журналу Spiegel бургомистр Тюбингена от партии зеленых Борис Пальмер (Boris Palmer) рассказал о своем противостоянии с радикальными защитниками животных в связи с тем, что Макс-Планк-Институт биокibernетики прекратил работы с приматами. На директора Института и сотрудников на протяжении ряда лет оказывалось мощное давление вплоть до угроз убийством членов семей, с пикетами у их домов, от чего страдали и соседи научных работников. Макс-Планк-Институт с помощью опытов над приматами проводил перспективные разработки по проекту о возможности лечения таких болезней, как болезнь Паркинсона и шизофрения. Эти исследования нельзя заменить опытами над мозгом насекомых или реагентами в пробирках. Б. Пальмер отметил также, что с радикальными группировками невозможно наладить диалог, т.к. они не слышат никаких аргументов инакомыслящих. Не все противники опытов над животными столь же радикальны, как Soko Tierschutz, но социальные медиа через Facebook быстро организуют экстремистские акции⁶.

Здесь все ясно: круг участников конфликта, их позиция, мотивация, цели, объект конфликта, напряженность противостояния, убежденность сторон — участников конфликта в своей правоте, жесткость методов и способов ведения «враждебных» действий, категорическая неприемлемость компромиссов, готовность

идти «до конца», чувство «священного» долга (сродни наиболее оголтелым религиозным фанатикам, осуществляющим террористические акты), правда, все-таки не достигающее, как правило, до крайних форм типа убийства научных сотрудников.

В России с проявлениями экологического экстремизма почти не сталкивались, но во многих (развитых) странах это повседневное явление. Может быть, оно свидетельствует о высоком уровне эколого-правового сознания, проявляющегося в крайних формах и позитивно оцениваемого частью общества (напомнить можно в связи с этим о Вере Засулич и реакции российской интеллигенции⁷).

Понятие и оценка терроризма и экологического экстремизма. Ряд интересных определений, данных террологами разных стран и времен, приводит В. В. Лунеев, например: У. Лакер трактует террор как нелегитимное насилие со стороны государства по отношению к обществу в целом либо к диссидентам и оппозиции, а терроризм как практику нелегитимного насилия, реализуемую противостоящими государству силами; В. Виктук и С. Эфиров полагают, что терроризм — это политическая тактика, связанная с использованием и выдвиганием на первый план тех форм вооруженной борьбы, которые определяются как террористические акты; Н. А. Морозов обосновал теорию справедливой избирательности террористического насилия. В итоге В. В. Лунеев приходит к выводу, что суть всех определений одна — устрашение власти и населения путем совершения жестокого насилия с целью подавления и устранения политических противников и конкурентов, навязывания им своей линии поведения⁸.

С определением понятия экологического экстремизма дело обстоит еще сложнее, т.к. до сих пор не выработана дефиниция экстремизма в целом, хотя приняты международные акты (Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.⁹, Федеральный закон от 25

⁵ Дубовик О. Л. Значение научных исследований в области атомной и квантовой физики для политики, культуры и общества // Политика и общество. 2013. № 3. С. 373—375.

⁶ Пальмер Б. Партия зеленых — камнем по голове // Spiegel. 2017. № 19 (6.05). S. 98.

⁷ См.: Ларин А. М. Процесс Веры Засулич // А. М. Ларин. Государственные преступления. Россия. XIX век (Взгляд через столетие). Тула : Автограф, 2000. С. 378—453.

⁸ См.: Лунеев В. В. Указ. соч. С. 130—131.

⁹ См.: Борьба с международным терроризмом : сб. документов / сост. К. А. Бекашев, М. В. Авясов ; науч. ред. В. В. Устинов. М. : Проспект, 2005. С. 143—149 ; Князькина А. К., Чучаев А. И. Конвенциональные преступления в Уголовном кодексе РФ и в международных актах. М. : ПКЦ Альтекс, 2007. С. 186—188.

июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹⁰ с последующими изменениями и дополнениями, иные акты). Согласно ст. 1 Шанхайской конвенции экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участия в них, преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон (ч. 1 п. 3). В упомянутом Федеральном законе понятие экстремистской деятельности (экстремизма) раскрывается путем перечисления различных составов преступлений с указанием признаков деяния (пропаганда, подрыв, призывы и т.д.), субъекта (общественные и религиозные объединения, иные организации и др.), стадий (подготовка, совершение и пр.).

В литературе сделано много попыток выработать дефиницию экстремизма¹¹, базирующихся на дихотомии этого понятия (идеология как приверженность к крайним взглядам и мерам и деятельность, деяние, поведение). Экстремизм — более широкое понятие, чем терроризм, экстремистская деятельность охватывает и деятельность террористического характера. Выделяют религиозный, политический и другие виды экстремизма¹². Об экологическом экстремизме говорят значительно реже. Так, ставится вопрос об отграничении экотерроризма от экологического активизма, то есть движения, выражающегося в радикальных акциях «зеленых» в защиту окружающей среды. В актах экологического активизма не

всегда, считает Д. И. Тисленко, присутствует признак насилия; фактор устрашения представлен в несвойственной для терроризма форме; он не отличается повышенной общественной опасностью и т.д., а поэтому применение термина «экологический терроризм» к акциям защитников окружающей среды искусственно и недопустимо¹³.

Таким образом, в обороте находятся три связанных понятия: «экологический экстремизм» (совокупность деяний, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», если в них присутствует экологический элемент), «экологический терроризм» как крайняя форма экстремизма, «экологический активизм», который не является противоправной деятельностью. Все эти понятия требуют уточнения.

Основные понятия. В литературе сформировалась господствующая позиция: экологический терроризм является типом (видом) терроризма, характеризующимся признаками насилия, устрашения, специальной целью, повышенной общественной опасностью, идеологией¹⁴. При этом отдельные признаки приобретают специфическую «экологическую» окраску. Д. И. Тисленко называет, во-первых, экологически опосредованный характер воздействия, состоящий в том, что непосредственному воздействию (или угрозе воздействия) подвергаются компоненты окружающей среды, что влечет причинение вреда другим охраняемым уголовным законом ценностям; что преступление совершается экологически опасным способом и для достижения цели причинения вреда наиболее уязвимым объектам (компонентам) окружающей среды. С учетом этого он предлагает определить как имеющие повышенную общественную опасность идеологию и практи-

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

¹¹ См., например: Устинов В. В. Правовое регулирование и механизмы противодействия терроризму и экстремизму // Государство и право. 2002. № 7. С. 30—45; Кочои С. М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М.: ТК Велби, Проспект, 2005; Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ / отв. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов: Саратов. юр. ин-т МВД России, 2007.

¹² См., например: Краснов М. Политический экстремизм — угроза государственности // Российская юстиция. 1999. № 4. С. 5; Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М.: Ин-т прав. и сравнит. иссле-й, 2005.

¹³ См.: Тисленко Д. И. Указ. соч. С. 125—129.

¹⁴ См., например: Тисленко Д. И. Указ. соч. С. 113; Морозов В. И., Пушкарев В. Г. Экологический терроризм: понятие, сущность, квалификация // Уголовное право. 2007. № 2. С. 122; Оганесян Э. Понятие экологического терроризма // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности: материалы межвуз. конференции. Владимир: ВЮИ Минюста России, 2004. С. 72—76.

ку насилия, устрашающего население и совершаемого путем загрязнения окружающей среды, в том числе в целях привлечения внимания к определенным взглядам либо в целях воздействия на принятие решения или совершение действия (бездействия) органами власти, органом местного самоуправления, международной организацией, юридическим лицом, социальной группой, физическим лицом¹⁵.

В. Морозов и В. Пушкарев считают, что «экологический терроризм» — это скорее не уголовно-правовое, а криминологическое понятие. В уголовно-правовом смысле целесообразно вести речь о террористическом акте, совершенном экологически опасным способом. Отнесение подвида террористического акта, совершенного таким способом, к его особо квалифицированным признакам, следует признать оправданным¹⁶. Таким образом, они предлагают использовать понятие «террористический акт, совершенный экологически опасным способом» вместо понятия «экологический терроризм» и ввести его в качестве квалифицирующего признака в ст. 205 УК РФ, исключив п. «а» ч. 3 данной статьи. Представляется, что такой подход чрезмерно сужает действие уголовно-правовых запретов, поскольку специальной целью может быть именно уничтожение, повреждение окружающей среды как условия жизнедеятельности, с одной стороны, а с другой — террористические акты, совершенные экологически опасным способом, составляют лишь часть экологического терроризма и могут преследовать иные цели.

Иной подход к понятию экологического терроризма выработан в других странах как реакция на противоправные акции движения «зеленых». Так, в США воспринято определение, содержащееся в докладах о безопасности, подготовленных ФБР: это «использование либо угроза использования насилия преступного характера против людей или собственности, ориентированные на окружающую среду, группой меньшинства по эколого-политическим поводам, либо ориентированные на обществен-

ность вне целей — обычно символического характера»¹⁷. Словарь экологии и охраны окружающей среды определяет экотерроризм как «противоправные радикальные методы оказания давления защитниками природы (экологами) на правительства и предпринимателей в целях достижения конкретных политических целей». Поводом для такой деятельности, считает Э. М. Гузик-Макарук, является прежде всего отсутствие диалога между сторонами конфликта. Она предлагает собственное определение экотерроризма. Это «осуществление преступных действий с применением насилия, причиняющих вред предприятиям, физическим лицам либо их группам (объединениям), потому что их деятельность вредна для окружающей среды, понимаемой как совокупность живых и неживых компонентов (элементов) природы, тесно между собой взаимосвязанных, окружающих живые организмы». К наиболее часто употребляемым экотеррористами методам она относит уничтожение оборудования, выпуск подопытных животных на свободу, взрыв лабораторий, подкладывание бомб руководителям биотехнологических концернов, рассылку писем с угрозами лицам, которые осуществляют научные исследования с использованием животных, и т.п.¹⁸

Эти определения значительно сужают понятие экологического терроризма, поскольку субъектами противоправных действий признаются только защитники природы, во-первых; а во-вторых, предполагается причинение вреда людям и собственности, но не природным объектам (элементам окружающей среды); в-третьих, отсутствует признак принуждения к принятию решения. Общим является признак насилия и угрозы его применения («радикальные методы»). Но такой подход может быть использован при построении классификации экотерроризма, а также для разработки мер предупреждения противоправного поведения, рассчитанных на специфическую группу субъектов — участников экологических организаций и движений. Различаются,

¹⁵ См.: Тисленко Д. И. Указ. соч. С. 120—122.

¹⁶ Морозов В., Пушкарев В. Указ. соч. С. 123.

¹⁷ Цитируется по: Гузик-Макарук Э. М. Выбор сценария противоправных действий экологическими организациями и их правовая квалификация в польском праве // Уголовное право и современность : сб. статей / под ред. А. Э. Жалинского. Вып. 4. Т. 2. М. : НИУ «Высшая школа экономики», Юрист, 2012. С. 70 (перевод с польск. О. Л. Дубовик).

¹⁸ Гузик-Макарук Э. М. Выбор сценария противоправных действий экологическими организациями ... С. 71—72.

безусловно, и показатели эколого-правовой конфликтности. Можно сказать, в чем-то они прямо противоположны: уничтожение компонентов окружающей среды в целях принуждения к принятию решения об осуществлении каких-либо действий и защита природных объектов или прав животных с целью принудить государство или иных субъектов права к прекращению определенной деятельности.

Здесь следует обратиться к позициям, высказанным в литературе по вопросу о понятиях терроризма, террористического акта, террористической деятельности, выработанных науками уголовного права и криминологии. Ю. М. Антонян указывает, что в политической, социологической и юридической литературе приводится до 100 определений терроризма, различающихся между собой, но сходных благодаря обязательному указанию на два основных признака: насилие и его необходимое следствие — устрашение. Он исходит из понимания терроризма как идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправного насильственного поведения. Террористическая деятельность означает организацию, планирование, подготовку, финансирование, реализацию террористического акта, подстрекательство к его совершению, организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной преступной группы для реализации террористического акта и участие в любой из этих структур; вербовку, вооружение, обучение, использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость такой деятельности. Наконец, террористический акт — это совер-

шение взрыва, поджога или иных действий, связанных с устрашением населения и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления экологической катастрофы (выделено нами. — О. Д.) или иных особо тяжких последствий, в целях противоправного воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях¹⁹.

А. И. Долгова, анализируя преступность террористического характера и определения терроризма, сформулированные отдельными специалистами, заключает: «Терроризм — это совершение общественно опасных, уголовно наказуемых деяний в отношении жизни, здоровья людей, прав и законных интересов различных субъектов ради принуждения третьей стороны к принятию требуемых террористами решений»²⁰. В этой изящной дефиниции все же не учитываются два момента — устрашение и новые реалии: если классический терроризм сопровождается выдвиганием требований, объявлением целей и т.п., то ныне требования могут и не выдвигаться, но как отдельные террористические акты, так и их совокупность направлены именно на создание атмосферы страха, неуверенности, разрушения привычного образа жизни и т.п. А. И. Долгова подчеркивает, что понятие терроризма гораздо шире понятия преступности террористического характера, а террористическую деятельность определяет в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (ст. 3)²¹.

В комментариях к ст. 205, 205.1, 205.2 УК РФ, как правило, при разъяснении понятий терроризма, террористического акта, террористической деятельности ссылаются на соответствующие положения международно-правовых актов и федеральных законов, регулирующих меры противодействия этим явлениям и действиям, а иногда ограничиваются только анализом признаков составов преступлений, за которые предусмотрены ответственность в этих статьях²².

¹⁹ См.: Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. С. 354—355.

²⁰ Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. С. 597.

²¹ Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. С. 599, 607—608.

²² См., например: Дубовик О. Л. Комментарий к ст. 205—227, 246—262 и вводные замечания к гл. 24 и 26 // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. Э. Жалинский. М. : Городец, 2010. С. 631—637 ; Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судеб-

В учебной литературе высказаны несколько иные мнения. Так, в Полном курсе уголовного права «под терроризмом в широком смысле слова как социальным явлением следует понимать применение насилия со стороны отдельных лиц или групп людей по устранению населения либо отдельных специальных лиц, созданию социально-психологической атмосферы страха в целях оказания воздействия на принятие решений, выгодных для террористов»²³. Террористический акт как наиболее распространенная форма терроризма понимается в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» и Конвенцией Совета Европы о предупреждении терроризма. Аналогично разъясняется и понятие террористической деятельности²⁴.

А. В. Наумов использует понятие «террористические действия», то есть индивидуальные или коллективные действия, совершенные с целью существенно нарушить общественный порядок путем устрашения или террора. Понятие террористической деятельности и террористического акта он также рассматривает в рамках уголовно-правовых запретов УК РФ²⁵.

В общем, примеры определений, данных специалистами в области уголовного права и криминологии, можно продолжить²⁶, но и сказанного достаточно для понимания сути терроризма и его разновидности — терроризма экологического.

Виды экологического терроризма. Существует множество классификаций терроризма. В одной из них используется критерий субъекта, которым могут быть государство, его высшие или местные органы, его воинские части и карательные учреждения, правоохранитель-

ные органы, партии (движения) и их боевые звенья, партизанские формирования, отдельные группы, в том числе тайные общества, создаваемые собственными силами или государством, отдельные лица. По этому критерию выделяют политический, государственный, религиозный, корыстный, «криминальный», националистический, «идеалистический», межгосударственный терроризм, а также внутренний терроризм, который может быть осуществлен двумя субъектами: собственным государством против своего народа и внутренними террористическими организациями и отдельными лицами против своих политических и экономических конкурентов²⁷.

Приведенная классификация наглядно показывает сложность взаимосвязей между эколого-правовыми конфликтами и экологическим терроризмом, хотя последний в ней в качестве самостоятельного вида и не выделен. Иными словами, эколого-правовой конфликт может завершиться любым (или почти любым) видом терроризма либо послужить начальной точкой, наряду с иными факторами.

В литературе по вопросам экологического права поисками критериев классификации пока никто не занимался, это поле деятельности специалистов в области уголовного права и криминологов. Именно они предложили две модели классификации экологического терроризма. Первая основана на способах и средствах, используемых при совершении террористических актов, с учетом объектов, подвергшихся нападению.

По этому критерию выделяют *ядерный* (радиологический), *химический* и *биологический* (бактериологический) терроризм²⁸. Д. И. Тисленко считает, что данные типы терроризма

ная практика, статистика / под общ. ред. В. М. Лебедева, отв. ред. А. В. Галахова. М. : Городец, 2009. С. 476—489 ; *Кочои С. М.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : Wolters Kluwer, 2011. С. 531—542.

²³ Полный курс уголовного права : в 5 т. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2008. Т. 4. Преступления против общественной безопасности. С. 43.

²⁴ См.: Полный курс уголовного права. С. 43—78.

²⁵ См.: *Наумов А. В.* Российское уголовное право : курс лекций: в 3 т. 5-е изд. М. : Wolters Kluwer, 2007. Т. 3 : Особенная часть (главы XI — XXI). С. 26—38.

²⁶ См.: Уголовное право. Библиография (1985—2006 годы) / под ред. А. Э. Жалинского ; сост. О. Л. Дубовик, А. Э. Жалинский, Ю. Г. Бабаева, Н. А. Ленчина. 2-е изд. М. : Городец, 2007. С. 452—472, 713—719.

²⁷ См.: *Антоян Ю. М.* Указ. соч. С. 358—360.

²⁸ См.: *Малофеев В. И., Малофеев И. В.* Экологический терроризм и его социальные последствия // Отечественный журнал социальной работы. 2002. № 1. С. 31—34 ; *Морозов В. И., Пушкарев В. Г.* Указ. соч. С. 123 ; *Яминева Ю. Б., Хвощев К. Е.* Современный мир: возрастание угроз экологического терроризма // Кафедра политологии Южно-Уральского гос. ун-та. URL: <http://www.polit.susu.ac.ru/enviroterrorism.shtml>.

следует расценивать как частные случаи эко-терроризма, и указывает на недостатки предложенной классификации:

- а) возможны ядерные (радиологические), химические и биологические (бактериологические) теракты, не опасные для окружающей среды;
- б) не исключены экологические теракты, не являющиеся ядерными (радиологическими), химическими и биологическими (бактериологическими), например поджог террористами имеющего серьезное рекреационное значение лесного массива, находящегося в пределах особо охраняемых природных территорий;
- в) эта классификация является неполной ввиду отсутствия критерия объекта уголовно-правовой охраны, а поэтому не может лежать в основе криминализации экологического терроризма.

Далее Д. И. Тисленко анализирует классификацию, предложенную Э. Чалески и Т. Шеффилдом, по которой выделены две группы террористических актов, совершаемых: а) с использованием опасных для окружающей среды средств (веществ, оружия, отходов и пр.); б) в отношении опасных для окружающей среды объектов. Недостатком этой классификации, по мнению Д. И. Тисленко, является то, что не учтены возможности совершения экологических терактов без использования экологически опасных средств и в отношении объектов, не относящихся к экологически опасным. Он вновь обращается к примеру поджога леса и приводит еще один пример — уничтожение большого количества животных, занесенных в Красную книгу. Критика справедлива, примеры не совсем убедительны.

Д. И. Тисленко предлагает использовать иной критерий — подвергающиеся террористическому воздействию составляющие окружающей среды. Используя данный критерий, он выделяет:

- а) теракты, посягающие на компоненты естественной природной среды и не затрагивающие среду обитания человека, например уничтожение (или угроза уничтожения) ареала обитания редких видов животных

с устрашением населения, для которого такие животные имеют рекреационное или культурное значение, путем сообщения об этом в СМИ и выдвижения требований к правительству;

- б) теракты, происходящие непосредственно в среде обитания человека (примером Д. И. Тисленко считает распыление зарина в токийском метро в 1995 г.)²⁹.

Приходится сказать, что эта классификация с эколого-правовой точки зрения как минимум весьма далека от совершенства. Вторая группа вряд ли может быть вообще отнесена к виду экологических террористических актов, поскольку вред причиняется жизни и здоровью людей, а не окружающей среде. Кроме того, сегодня очень сложно, если вообще возможно, разделить окружающую среду и среду обитания человека. Эти вопросы детально обсуждаются в науке экологического права: речь идет о разной степени антропогенизированности и многом другом.

Не претендуя на решение вопроса о классификации экологического терроризма, все же выскажу ряд соображений. В качестве критериев, безусловно, следует иметь в виду характеристики объекта в эколого-правовом, а не в уголовно-правовом значении этого слова, в отношении которого совершается террористический акт. Им может стать не окружающая среда в целом (разве что в случае использования атомного оружия, причем очень массивно, поскольку ужасный опыт Хиросимы и Нагасаки или аварий Чернобыля и Фукусимы свидетельствует об обратном (вряд ли у террористов найдется столько атомных или водородных бомб)), но один или несколько природных объектов или природных ресурсов, ограниченных пространственными параметрами (даже учитывая эффект трансграничного переноса загрязняющих или радиоактивных веществ). Далее надо принять во внимание значение объекта как условия жизнедеятельности людей. Терроризм направлен на устрашение, и страх, атмосфера боязни могут возникнуть только в том случае, когда люди будут лишены (могут быть лишены) доступа к источнику существования — к пресной воде в первую очередь, затем — к средствам

См. также указанные ранее работы Г. Т. Аллисона, Ю. А. Бобылова, Д. А. Корецкого, В. С. Овчинского, а также вышедшую под ред. А. Г. Арбатова книгу «Противодействие биотерроризму: политические, технологические и правовые аспекты» (М.: Росспэн, 2008. 108 с.), которые посвящены анализу отдельных видов экотерроризма.

²⁹ См.: Тисленко Д. И. Указ. соч. С. 122—125.

производства продуктов питания (из-за отравления сельскохозяйственных угодий, уничтожения леса, изменения водостоков и пр.), затем — к источникам, из которых они черпают энергию для обогрева жилищ, производства одежды, коммуникации и т.д. И конечно, имеет значение покушение на «святое» — природные объекты, имеющие особое значение как культурная ценность, религиозная святыня, место паломничества, символ традиций и обычая и т.п. Этот ряд можно продолжать до бесконечности, включая редких и исчезающих животных, охраняемых СИТЕС и красными книгами, или коров — священных животных для многих миллионов приверженцев индуизма.

Во всех предлагаемых классификациях не учитывается субъективный фактор. Выше уже говорилось, что террористический акт характеризуется обязательно наличием специальной цели — воздействовать на принятие решения. Применительно к экологическому терроризму особое значение приобретают цели, не обозначенные в уголовно-правовом запрете, но являющиеся неотъемлемым звеном механизма преступного поведения, включая мотивацию и принятие преступником решения о совершении террористического акта или об участии (в той или иной форме) в террористической деятельности. Да, главная цель — оказать воздействие, но она проистекает, формируется из целого конгломерата подчиненных ей целей и мотивов (места, стремления приобрести экономические выгоды, обеспечить доступ к природным ресурсам, завладеть ими, лишить те или иные социальные или этнические группы источников существования, доходов, работы, места проживания, возможности вести привычный либо традиционный образ жизни, в том числе осуществлять хозяйственное использование (добычу древесины, производство сельхозпродукции, сбор и выращивание растений, используемых в фармацевтике, и многого другого)). Среди таких «подчиненных», «скрытых» целей могут находиться и цели подрыва национального суверенитета государства, его экономики (что, увы, доказано событиями на Ближнем Востоке).

Далее, для классификации экологического терроризма следует учитывать критерий субъек-

екта, который удачно использовал Ю. М. Антонян, а также критерий *последствий*, оцениваемых не только в уголовно-правовом смысле — как признак объективной стороны состава преступления, наказуемого по ст. 205 УК РФ, но и в экологическом контексте — как последствия именно для состояния и качества окружающей среды, ее компонентов и природных объектов, то есть как вред, причиненный окружающей среде и экологическим правам и интересам граждан. Безусловно, следует использовать и критерии, предложенные рядом авторов, то есть способ совершения акта экологического терроризма и признак опасности объекта (как объекта производственной деятельности).

Построение классификации с использованием названных и, скорее всего, дополнительных критериев представляет собой самостоятельную научную задачу. Надо надеяться, что специалисты в области экологического и уголовного права, криминологии решат ее.

При построении такой классификации могут пригодиться и данные о конфликтах, породивших террористическую деятельность или порожденных ею. В самом деле, объект (предмет) преступного посягательства — это объект (предмет) конфликта, который мог быть таковым уже долгое время (достаточно вспомнить о накопившихся десятилетиями, если не веками, спорах по поводу права собственности на землю³⁰, о конфликтах в связи с торговлей (и незаконной торговлей) окружающей средой³¹, да и о современных конфликтах по поводу квот на выбросы вредных веществ в атмосферный воздух, торговли ими, выполнения обязательств в области охраны климата и о многом другом).

Здесь следует обсудить и возможность выделения особой группы экологических террористических актов, для которых пока трудно подобрать обобщающее название и показатели. Речь идет о так называемом *климатическом терроризме*. М. Бирн считает, что это едва ли не единственная категория деяний, на которые возможно распространение уголовной ответственности. Такого рода деяния могут быть совершены некоторыми государствами и террористическими группами, которые способны уничтожать леса, открывать огонь по нефтяным

³⁰ См.: *Крассов О. И.* Земельное право в странах Африки. М. : Норма, 2016 ; *Он же.* Право собственности на землю в странах Европы. М. : Норма, 2014.

³¹ См.: *Экологическая преступность в Европе / сост. Ф. Комт, Л. Кремер ; отв. ред. О. Л. Дубовик.* М. : Городец, 2010.

резервуарам, выводить из строя хранилище углекислого газа, опасных химических и радиоактивных отходов либо угрожать подобными действиями для достижения политических, военных или религиозных целей, *прямо* не относящихся к изменениям климата. Еще в 2002 г. была выдвинута идея (при разработке Конвенции о противодействии терроризму) о том, что климатический терроризм имеет место, если лицо причиняет серьезный вред окружающей среде, когда целью его действия является запугивание (устрашение) населения или принуждение государства либо международной организации к совершению определенного действия или отказу от его совершения. Климатический терроризм может быть учтен и в уже существующих международно-правовых актах. Например, по мнению М. Бирна, ст. 2 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом следует дополнить таким положением: «(с) с намерением выпустить парниковые газы в атмосферу» — или более общим образом: «(с) с намерением причинить широкомасштабный, долгосрочный и существенный вред окружающей природной среде»³². Проще, отмечает М. Бирн, ввести эти поправки в дополнительный протокол или в новый договор, регулирующий только вопросы климатического или экологического терроризма.

Может быть, сто́ит обсудить вопрос о водном, фаунистическом и ином терроризме? Хотя вряд ли. Но идея выделения климатического терроризма заслуживает поддержки. Кроме того, значимо указание М. Бирна на такие признаки, как широкомасштабность, долговременность и существенность вреда окружающей среде. Их необходимо учесть при разработке классификации экологического терроризма.

Криминологическая характеристика экологического терроризма. Она выглядит

весьма ограниченной: статистика этого вида преступлений не ведется, специальных исследований и в нашей стране, и за рубежом почти не проводилось (в отношении личности, причин, состояний и динамики этой группы преступлений). В первую очередь потому, что их, по счастью, до сего времени было крайне мало. Естественно, данные о совершении преступлений террористического характера фиксируются и отражаются в аналитических документах и научной литературе. Применительно к актам экологического терроризма приходится полагаться в основном на описание конкретных случаев, результаты анкетирования и интервьюирования для выяснения общественного мнения, результаты контент-анализа материалов СМИ. Данные о деяниях, представляющих собой экологический экстремизм, тоже далеко не полны и распылены по разным источникам. В фундаментальных трудах дается, например, статистика состояния, структуры и динамики преступлений террористического характера³³ за ограниченный период времени и, конечно, без разбивки на виды либо предлагаются таблицы, отражающие некоторые значимые теракты в России (1991—2011 гг.)³⁴. Правда, Э. М. Гузик-Макарук сформировала таблицу, содержащую указания на дату и место, название организации, ответственной за экотеракт и террористические действия, совершенные на территории США³⁵, в том числе за рассылку писем, содержащих возбудители опасных болезней.

Упрекать исследователей, безусловно, нельзя, поэтому криминологическая характеристика экотерроризма и экоэкстремизма должна основываться на результатах контент-анализа материалов СМИ и Интернета, анкетирования и интервьюирования, изучения отдельных случаев³⁶.

Проблема разграничения экологического терроризма с иными преступлениями. Такое

³² Byrne M. Climate crime: Can responsibility for climate change damage be criminalized? // Carbon and Climate Law Review. В., 2010. Vol. 4. № 3. P. 280.

На русском языке см. реферат на эту статью: *Нагорная И. И.* Климатические преступления: можно ли установить уголовную ответственность за ущерб, причиненный изменениями климата? // Модернизация законодательства Европейского союза об охране климата и энергосбережении : сб. науч. трудов / отв. ред. О. Л. Дубовик, Е. А. Алферова. М. : ИГП РАН, ИНИОН РАН, 2014. С. 131.

³³ См.: Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. С. 602, 604—605 ; Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. С. 363.

³⁴ См.: *Лунеев В. В.* Указ. соч. С. 169—171.

³⁵ См.: *Гузик-Макарук Э. М.* Указ. соч. С. 74.

³⁶ Это удачно осуществлено в диссертационной работе и монографии *Д. И. Тисленко* (См.: *Тисленко Д. И.* Экологический терроризм. С. 4—5, 41, 43—53, 63—65, 75—101, 104, 112, 116—119), хотя не всегда ана-

разграничение можно проводить по различным критериям: с учетом целей и мотивов преступного поведения, наличия или отсутствия признака насилия (угрозы насилия), квалифицирующих признаков, признаков, характеризующих субъекта деяния, а также с учетом соотношения общих и специальных составов.

Экологический теракт следует отличать от преступлений против мира и безопасности человечества, предусмотренных ст. 357 «Геноцид», ст. 358 «Экоцид», ст. 355 «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения», ст. 356 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» УК РФ, в первую очередь по цели, которая в случае террористического акта заключается в воздействии на принятие решения органами власти или международными организациями. Хотя, если принять во внимание идею государственного терроризма, эта цель уже не столь однозначно характеризует лишь террористический акт. Но по действующему УК РФ это замечание носит чисто умозрительный характер. Разграничиваются эти преступления и по признаку объекта посягательства. В. Морозов и В. Пушкарев отмечают, что если разработка оружия массового поражения происходит в целях, указанных в ст. 205 УК РФ, то это подготовка к теракту.

Цель является главным критерием разграничения ст. 205 и ст. 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ», ст. 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов», ст. 248 «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими или другими биологическими агентами или токсинами», ст. 250 «Загрязнение вод», ст. 251 «Загрязнение атмосферы», ст. 252 «Загрязнение морской среды», ст. 254 «Порча земли», ст. 259 «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации», ст. 261 «Уничтожение или повреждение лесных насаждений»³⁷.

Террористический акт от диверсии, например совершенной путем подрыва железнодорожного полотна и других транспортных коммуникаций, по которым следуют грузы опасных химических или радиоактивных веществ либо отходов, следует отличать как по цели, так и по объекту преступного посягательства: в ст. 281 «Диверсия» в качестве цели указан подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, а объектом выступают основы конституционного строя и безопасность государства, тогда как в случае ст. 205 объектом является общественная безопасность, а целью — принуждение к принятию решения органами власти.

Причины экологического терроризма, экологического экстремизма, эколого-правовых конфликтов: сходство и различия. Причины (или факторы), способствующие совершению террористических актов, экстремистских акций, и причины, порождающие эколого-правовые конфликты, нередко совпадают, поскольку все три указанные вида поведения имеют много общих черт, подпитываются неудовлетворенностью индивидов и социальных (больших или малых) групп, зачастую изначально исходят из того же самого источника, но потом приобретают разные формы, протекают с различной интенсивностью, а главное — завершаются по-разному.

Ю. М. Антонян, оговаривая, что причины терроризма следует различать в зависимости от того, к какому виду принадлежат конкретные преступные действия, выделяет в целом следующие:

- 1) нерешенность социальных, в том числе национальных и религиозных, проблем, но не любых, а особо значимых для данной группы, затрагивающих фундаментальные ценности, традиции и обычаи;
- 2) война и военные конфликты;
- 3) наличие стран или социальных групп, характеризующихся высоким уровнем благосостояния, экономического развития и диктующих свою волю другим странам

лизируемые им случаи можно квалифицировать как акты экологического терроризма, например акцию запрещенной в РФ организации «Аум Синрикё» в токийском метро, обнаружение на свалке в Гоянии (Бразилия) капсулы с цезием-137 из заброшенной онкологической клиники и некоторые другие.

³⁷ См.: Дубовик О. Л. Комментарий к ст. 205—227, 246—262 и вводные замечания к гл. 24 и 26. С. 624—700, 751—817; Она же. Юридическая ответственность за нарушение законодательства об использовании атомной энергии, радиационной безопасности и радиоактивных отходах. М.: Nota bene, 2013. С. 219—230; Она же. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Спарк, 1998.

- и социальным группам, находящимся в экономической, политической, военной и иной зависимости, что порождает чувство зависти и ненависти к врагу;
- 4) существование тайных или полутайных обществ и организаций, в частности религиозных и сектантских, цели которых не признаются и отвергаются государственной властью и обществом;
 - 5) давние традиции использования в России терроризма для решения в первую очередь политических задач;
 - 6) нерешенность важных экономических, финансовых и организационных вопросов, в том числе на законодательном уровне, а также конфликты при разделе и переделе собственности.

Далее Ю. М. Антонян выделяет группу условий, способствующих действиям террористов: слабость государственной власти, одобряющее, поддерживающее отношение к террористам со стороны социального окружения, населения, отдельных групп; наличие значительной группы людей, профессионально настроенных на военную службу, но вытесненных с нее и не нашедших себе применения³⁸. Это наблюдение весьма ценно не только для анализа терроризма, но и в более широком контексте, в том числе для исследования других разновидностей насильственного преступного поведения и, конечно, для изучения и противодействия тем экологическим конфликтам, которые достигают наиболее острой фазы, завершаются совершением тяжких преступлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агапов П. В., Михайлов К. В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики. — Саратов : Сарат. юр. ин-т МВД России, 2007. — 144 с.
2. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. — М. : Щит-М, 2001. — 306 с.
3. Арбатов А. Г. Противодействие биотерроризму: политические, технологические и правовые аспекты. — М. : Росспэн, 2008. — 108 с.
4. Аслаханов А. А. Эволюция мирового терроризма. — М., 2003. — 272 с.
5. Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. — М. : Ин-т правовых и сравнительных исследований, 2005. — 216 с.
6. Бурковская В. А., Маркина Е. А., Мельник В. В., Решетова Н. Ю. Уголовное преследование терроризма. — М. : Юрайт, 2008. — 160 с.
7. Гаврилин Ю. В., Смирнов Л. В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. — М. : ЮИ МВД России; Книжный мир, 2003. — 64 с.
8. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. — 464 с.
9. Дубовик О. Л. Комментарий к ст. 205—227, 246—262 и вводные замечания к гл. 24 и 26 // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. Э. Жалинский. — М. : Городец, 2000. — С. 624—700, 751—817.
10. Дубовик О. Л., Жалинский А. Э. Криминологическая характеристика терроризма в России // The Third Session of the International Forum on Crime and Criminal Law in the Global Era. — Paper Collection. — Beijing, China, 2011. — Pp. 195—203.
11. Жалинский А. Э. Криминологическая характеристика терроризма в России // Национальная безопасность. — 2012. — № 2. — С. 22—29.
12. Жалинский А. Э. Уголовно-правовые транснациональные конфликты в сфере экономики // Закон. — 2011. — Сентябрь. — С. 57—66.
13. Кочои С. М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. — М. : ТК Велби, Проспект, 2005. — 176 с.
14. Краснов М. Политический экстремизм — угроза государственности // Российская юстиция. — 1999. — № 4. — С. 1—6.
15. Малофеев В. И., Малофеев И. В. Экологический терроризм и его социальные последствия // Отечественный журнал социальной работы. — 2002. — № 1. — С. 31—34.

³⁸ См.: Антонян Ю. М. Указ. соч. С. 364—369.

16. Морозов В. И., Пушкарев В. Г. Экологический терроризм: понятие, сущность, квалификация // Уголовное право. — 2007. — № 2. — С. 122—124.
17. Нагорная И. И. Климатические преступления: можно ли установить уголовную ответственность за ущерб, причиненный изменениями климата? // Модернизация законодательства Европейского Союза об охране климата и энергосбережении : сб. науч. трудов / отв. ред. О. Л. Дубовик, Е. А. Алферова. — М. : ИГП РАН, ИНИОН РАН, 2014. — С. 131—136.
18. Оганесян Э. Понятие экологического терроризма // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности : материалы межвузовской конференции. — Владимир : ВЮИ Минюста России, 2004. — С. 72—76.
19. Тисленко Д. И. Экологический терроризм : монография. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 208 с.
20. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом : Стандарты и практика. — М., 2007—560 с.
21. Устинов В. В. Правовое регулирование и механизмы противодействия терроризму и экстремизму // Государство и право. — 2002. — № 7. — С. 30—45.
22. Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ / отв. ред. Н. А. Лопашенко. — Саратов : Саратов. юр. ин-т МВД России, 2007. — 160 с.
23. Экологическая преступность в Европе / сост. Ф. Комт, Л. Кремер ; отв. ред. О. Л. Дубовик. — М. : Городец, 2010. — 352 с.
24. Юридическая конфликтология / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. — М. : Центр конфликтологических исследований РАН, 1995. — 316 с.
25. Byrne M. Climate crime: Can responsibility for climate change damage be criminalized? // Carbon and Climate Law Abstract. — В., 2010. — Vol. 4. — № 3. — P. 280.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL-LEGAL PRECONDITIONS OF FIGHT AGAINST ENVIRONMENTAL TERRORISM AND ENVIRONMENTAL EXTREMISM IN RUSSIA

DUBOVIK Olga Leonidovna — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental and Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
ecolaw@igpran.ru
119019, Russia, Moscow, ul. Znamenka, 10

Abstract. *The article highlights topical issues of the emergence of new threats to international and national law and order associated with the potential danger of acts of environmental terrorism and the escalation of long-known acts of environmental extremism. The author introduces approaches reflected in international and national (Russian) law and doctrines concerning the concepts of terrorism, terrorist act, and terrorist activity taking into account their manifestations in relation to a special protected good—the environment (as a basis). Also, the author describes the specifics of acts of terrorism related to the environment and their impact on the adoption of environmentally significant political and legal decisions. The stances of the Russian and Polish legal doctrines regarding danger and qualification of illegal acts are considered.*

Keywords: *Law, convention, conflict, violence, environment, crime, terrorism, terrorist activity, terrorist act, threat, ecology, extremism.*

REFERENCES

1. Agapov P. V., Mikhailov K. V. Ugolovnaya otvetstvennost za sodeystvie terroristicheskoy deyatelnosti: tendentsii sovremennoy ugolovnoy politiki [Criminal responsibility for the terrorist activities facilitation: trends in modern criminal policy]. Saratov. Sarat. Jur. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2007. 144 p.
2. Antonyan Yu. M. Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie [Terrorism. Criminological and criminal-legal research]. Moscow. Shchit-M publ., 2001—306 p.
3. Arbatov A.G. Protivodeystvie bioterrorizmu: politicheskie, tekhnologicheskie i pravovye aspekty [Countering Bioterrorism: political, technological and legal aspects]. Moscow. Rossspan Publ., 2008. 108 p.
4. Aslakhonov A.A. Evolyutsiya mirovogo terrorizma [Evolution of world terrorism]. Moscow, 2003—272 p.
5. Burkovskaya V.A. Kriminalnyy religioznyy ekstremizm v sovremennoy rossii [Criminal religious extremism in modern Russia]. Moscow. In-t pravovykh i sravnitelnykh issledovaniy [Institute of Legal and Comparative Studies], 2005. 216 p.
6. Burkovskaya V.A., Markina E.A., Melnik V.V., Reshetova N. Yu. Ugolovnoe presledovanie terrorizma [Criminal prosecution of terrorism]. Moscow. Yurayt publ., 2008. 160 p.
7. Gavrilin Yu. V., Smirnov L.V. Sovremenniy terrorizm: sushchnost, tipologiya, problemy protivodeystviya [Modern terrorism: The essence, typology, problems of counteraction]. Moscow, The Ministry of Internal Affairs of Russia, Knizhnyi mir Publ., 2003. p.
8. Dikayev S.U. Terror, terrorizm i prestupleniya terroristicheskogo kharaktera (kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie) [Terror, terrorism and crimes of a terrorist nature (criminological and criminally-legal research)]. St. Petersburg. Yuridicheskii tsentr-Press Publ., 2006. 464 p.
9. Dubovik O.L. Kommentariy k st. 205—227, 246—262 i vvodnye zamechaniya k gl. 24 i 26 [Commentary to art. 205—227, 246—262 and introductory remarks to Ch. 24 and 26]. Kommentariy k ugolovnomu kodeksu rOssiyskoy Federatsii [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. A.E. Zhalinsky (ed.). Moscow. Gorodets Publ., 2000. P. 624—700, 751—817.
10. Dubovik O.L., Zhalinsky A.E. Kriminologicheskaya kharakteristika terrorizma v Rossii [Criminological Characteristics of Terrorism in Russia]. The Third Session of the International Forum on Crime and Criminal Law in the Global Era. — Paper Collection. — Beijing. China, 2011. — Pp. 195—203.
11. Zhalinsky A.E. Kriminologicheskaya kharakteristika terrorizma v Rossii [Criminological Characteristics of Terrorism in Russia]. Natsionalnaya bezopasnost [National Security]. 2012. No. 2. P. 22—29.
12. Zhalinsky A.E. Ugolovno-pravovye transnatsionalnye konflikty v sfere ekonomiki [Criminal-legal transnational conflicts in the field of economy]. *Zakon [The Law]*. 2011. Sept. P. 57—66.
13. Kochoi S. M. Eerrorizm i ekstremizm: ugolovno-pravovaya kharakteristika [Terrorism and Extremism: criminal law characteristic]. Moscow. TK VELBI, Prospect Publ., 2005. 176 p.
14. Krasnov M. Politicheskii ekstremizm — ugroza gosudarstvennosti [Political extremism—a threat to the statehood]. *Rossiiskaya Yustitsiya*. 1999. No. 4. P. 1—6.
15. Malofeev V.I., Malofeev I.V. Ekologicheskii terrorizm i ego sotsialnye posledstviya [Environmental terrorism and its social consequences]. *Otechestvennyy zhurnal sotsialnoy raboty*. 2002. No. 1. P. 31—34.
16. Morozov V.I., Pushkarev V. G. Ekologicheskii terrorizm: ponyatie, sushchnost, kvalifikatsiya xEnvironmental terrorism: A Concept, Essence, Qualification]. *Ugolovnoe pravo*. 2007. No. 2. P. 122—124.
17. Nagornaya I.I. Klimaticheskie prestupleniya: mozno li ustanovit ugolovnyuyu otvetstvennost za ushcherb, prichinennyi izmeneniyami klimata? [Climate crimes: Is it possible to establish criminal liability for damage caused by climate change?]. Modernizatsiya zakonodatelstva evropeyskogo soyuza ob okhrane klimata i energosberezhenii : sb. nauch. trudov [Modernization of EU legislation on climate protection and energy conservation: col. of sci. works]. O.L. Dubovik, E. A. Alferov (eds). Moscow. IGP RAS, INION RAS Publ., 2014. P. 131—136.
18. Oganessian E. Ponyatie ekologicheskogo terrorizma [The concept of environmental terrorism]. Aktualnye problemy pravookhranitelnoy deyatelnosti : materialy mezhvuzovskoy konferentsii [Actual problems of law enforcement: Proceedings of of the Interuniversity Conference. Vladimir. VYul of the Ministry of Justice of Russia, 2004. P. 72—76.
19. Tislenko D.I. Ekologicheskii terrorizm : monografiya [Environmental terrorism : monograph]. Moscow. Yurlitinform Publ., 2013. 208 p.

20. Ustinov V.V. *Mezhdunarodnyy opyt borby s terrorizmom : standarty i praktika* [International experience in the fight against terrorism: Standards and practice]. Moscow., 2007. 560 p.
21. Ustinov V.V. *Pravovoe regulirovanie i mekhanizmy protivodeystviya terrorizmu i ekstremizmu* [The Legal Regulation and Mechanisms of counteraction to terrorism and extremism]. *Gosudarstvo i pravo*. 2002. No. 7. P. 30—45.
22. Khlebushkin A.G. *Ekstrimizm: ugovovno-pravovoy i ugovovno-politicheskiy analiz* [Extremism: criminal-legal and criminal-political analysis]. O.N. Lopashenko (ed.). Saratov. Sarat. Jur. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2007. 160 p.
23. *Ekologicheskaya prestupnost v evrope* [Ecological crime in Europe]. F. Comte, L. Kremer, O.L. Dubovik (ed.). Moscow. Gorodets Publ., 2010. 352 p.
24. *Yuridicheskaya konfliktologiya* [Legal conflictology]. V. N. Kudryavtsev (ed.). Moscow. Tsentr konfliktologicheskikh issledovaniy RAN [Center for Conflict Studies of the Russian Academy of Sciences], 1995. 316 p.
25. Byrne M. Climate crime: Can responsibility for climate change damage be criminalized? *Carbon and climate law review*. B., 2010. Vol. 4. No. 3. P. 280.

Н. С. Куделькин*

ОХРАНА МОРСКОЙ СРЕДЫ АРКТИКИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Основную часть Арктической зоны России занимают Северный Ледовитый океан с окраинными морями: Белым, Баренцевым, Карским, Лаптевых, Восточно-Сибирским, Чукотским. Арктика — это не только кладовая полезных ископаемых. Регион имеет огромное значение для глобального биоразнообразия, его населяют многочисленные виды сухопутных и морских млекопитающих, птиц и рыб, уникален и растительный мир. Природные, географические особенности региона имеют важное криминологическое значение, они существенно затрудняют выявление преступлений и виновных в их совершении лиц, влияют на характер распространения общественно опасных последствий совершенных деяний (например, загрязнения) и т.д. В целях охраны морской среды Арктики повышенное внимание должно уделяться борьбе с загрязнением из находящихся на суше источников, поскольку данный вид загрязнения является одним из основных для Арктического бассейна. Морская среда Арктики характеризуется уникальным биоразнообразием, которое, помимо негативного воздействия от хозяйственной деятельности в море и на суше, подвергается преступным посягательствам, таким как незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258.1 УК РФ), незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ). Уголовно-правовая ответственность обладает большим потенциалом для охраны морской среды Арктической зоны РФ. Учитывая глобальное значение Арктики, развитию данного направления должно уделяться повышенное внимание науки и практики.

Ключевые слова: окружающая среда, морская среда, преступление, Арктика, экологические риски, уголовная ответственность, загрязнение, браконьерство.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.091-097

Арктика — северный регион Земли с обширными водными пространствами¹. Основную часть Арктической зоны России занимают Северный Ледовитый океан с окраинными морями: Белым, Баренцевым, Карским, Лаптевых, Восточно-Сибирским, Чукотским. Дно этих морей во многом является шельфовой зоной с глубинами менее 200 м. У берегов Сибири ширина шельфа достигает 900 км. Большая часть водной поверхности Арктики в течение

всего года покрыта плавучими однолетними и многолетними льдами, что существенно затрудняет судоходство.

В Арктической зоне РФ сосредоточено большое количество крупных месторождений полезных ископаемых. На сегодняшний день это 594 месторождения нефти, 159 месторождений газа, 2 месторождения никеля и более 350 месторождений золота. Основная добыча нефти на суше ведется в Ямало-Не-

¹ См.: URL: <https://ru.arctic.ru/geographics/> (дата обращения: 22.02.2018).

© Куделькин Н. С., 2018

* Куделькин Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук
nkkix@inbox.ru
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

нецом и Ненецком автономных округах. Газ и нефть в Арктических акваториях добываются пока в незначительных объемах. Добыча газа осуществляется на Юрхаровском нефтегазо-конденсатном месторождении в Тазовской губе Карского моря наклонными скважинами с суши. Введено в разработку Приразломное нефтяное месторождение в Печорском море.

Арктика — это не только кладовая полезных ископаемых, регион имеет огромное значение для глобального биоразнообразия, его населяют многочисленные виды сухопутных и морских млекопитающих, птиц и рыб, уникален и растительный мир.

Отметим, что природные, географические особенности региона имеют важное криминологическое значение, они существенно затрудняют выявление преступлений и виновных в их совершении лиц, влияют на характер распространения общественно опасных последствий совершенных деяний (например, загрязнения) и т.д. Арктическая зона РФ может выступать в качестве места совершения противоправных деяний, а ее природные компоненты — в качестве предмета преступных посягательств. Для успешной борьбы с экологическими преступлениями в регионе необходимо наличие некоторых познаний из естественных наук. Кроме того, необходимо учитывать и тот факт, что негативное воздействие на природную (в том числе морскую) среду Арктики может оказывать противоправная деятельность, осуществляемая за пределами Арктической зоны РФ, например при переносе загрязнений с водами рек или воздушными массами.

В целях правовой охраны морской среды Арктики необходимо учитывать и тот факт, что северные моря — это уникальная транспортная система. Через четыре северных моря (Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское) пролегает Северный морской путь, являющийся кратчайшим маршрутом из Северной Европы и Сибири в Азию².

По данным Минприроды России, по объемам морской транспортировки минерального сырья, добываемого в Арктической зоне Российской Федерации, основным драйвером экономического развития Арктической зоны является освоение природных ресурсов, главным образом полезных ископаемых³. Перевозка

добываемого минерального сырья определяет основные объемы грузопотока в акватории Севморпути. Приведенный в Докладе прогноз по увеличению грузопотока по Северному морскому пути содержит два сценария. По первому из них круглогодичный грузопоток минеральных ресурсов достигнет к 2026 г. уровня 41 млн т, по второму — 72 млн т. Данные прогноза свидетельствуют о постепенном возрастании нагрузки на морскую среду Арктической зоны РФ в связи с интенсификацией хозяйственной и иной деятельности в регионе. Планируемое увеличение судоходства по Севморпути также связано с повышенным интересом неарктических стран к этой транспортной артерии. Так, в опубликованной Госсоветом КНР «Белой книге» по политике Китая в Арктике содержится информация о намерении Китая «совместно с другими государствами» создать морские торговые пути в Арктическом регионе в рамках инициативы «Полярный шелковый путь»⁴. Отметим, что помимо рисков, связанных с морскими катастрофами, вместе с повышением интенсивности судоходства возрастает и вероятность совершения преступных деяний, например загрязнения морской среды с судов.

В настоящее время увеличение нагрузки на морскую среду Арктики и, соответственно, возрастание экологических рисков, связанных в первую очередь с загрязнением морей, поднимают вопрос о повышении уровня ее правовой охраны. Актуальность данного вопроса обуславливается также повышенной чувствительностью природной среды Арктики, и особенно морской ее составляющей, к негативным воздействиям от различных видов деятельности.

Одной из мер правовой охраны природы, в том числе и морской среды, является уголовная ответственность. За загрязнение морской среды ее наступление предусмотрено ст. 252 УК РФ, устанавливающей ответственность за загрязнение морской среды из находящихся на суше источников либо вследствие нарушения правил захоронения или сброса с транспортных средств или возведенных в море искусственных островов, установок или сооружений веществ и материалов, вредных для здоровья человека и водных биологических ресурсов либо препятствующих правомерному использованию морской среды.

² См.: подробнее: URL: <http://xn----8sbbmfaxaqb7dzafb4g.xn--p1ai/severnyj-morskoj-put-glavnaya-transportnaya-arteriya-rossii/> (дата обращения: 23.02.2018).

³ См.: URL: http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/4db/prognoz_2709.pdf (дата обращения: 23.02.2018).

Следует обратить внимание на то, что при описании деяния законодатель ограничил загрязнение морской среды с транспортных средств или возведенных в море искусственных островов, установок или сооружений только сбросом или захоронением веществ и материалов. Таким образом, из видов загрязнения морской среды, которое осуществляется непосредственно на морских пространствах (или над ними), исключены такие опасные виды загрязнения, как биологическое загрязнение и загрязнение энергией. Загрязнение чужеродными видами (вид биологического загрязнения) чрезвычайно опасно для морской среды, особенно для северных морей, его последствия часто имеют необратимый характер. Кроме того, данный вид загрязнения крайне сложно контролировать. Нельзя недооценивать вред для морской среды и от различных видов физического воздействия. Этот вопрос становится актуальным в связи с планируемым интенсивным освоением континентального шельфа Арктики, которое помимо химического загрязнения несомненно будет оказывать иные негативные воздействия на морскую среду, такие как шум, привнесение в нее тепловой энергии⁴. В этом контексте можно говорить о несовершенстве рассматриваемой нормы, так как она не учитывает все виды загрязнения морской среды.

В целях охраны морской среды Арктики повышенное внимание должно уделяться борьбе с загрязнением из находящихся на суше источников, поскольку данный вид загрязнения — один из основных для Арктического бассейна. По словам доктора географических наук Валерия Савкина, за год сибирские реки выносят сюда 516 тыс. т аммонийного азота, 349 тыс. т нефтяных углеводородов и 647 тыс. т соединений железа⁵. По мнению специалистов, суммарная нагрузка загрязняющих веществ, поступающих со сточными водами предприятий различной направленности, сосредоточенных в Арктическом бассейне, не только наносит значительный ущерб речным бассейнам, но и представляет серьезную угрозу хроническо-

го загрязнения северных морей, что с течением времени может привести к дестабилизации ледового покрова Арктики и тяжелым экологическим последствиям⁷.

Существенный вклад в загрязнение морской среды Арктики, сопоставимый со вкладом речной взвеси, особенно в отношении таких микроэлементов, как свинец и кадмий, вносит поступление загрязняющих веществ через атмосферу. Ученые отмечают, что после осаждения из атмосферы на воду и (или) лед Северного Ледовитого океана, а также на другие природные объекты Арктики атмосферные аэрозоли, включая их антропогенные составляющие, могут оказывать негативное влияние на экосистемы региона. Данная ситуация осложняется тем, что многие представители животного и растительного мира в течение своей жизни аккумулируют в себе тяжелые металлы и другие загрязнители, из-за чего содержание этих элементов в растениях и животных Арктики, которые являются источником пищи для человека, может быть довольно высоким⁸.

Таким образом, содержащийся в ст. 252 УК РФ уголовно-правовой запрет на загрязнение морской среды с суши обладает большим потенциалом для защиты северных морей, главным образом для профилактики данной категории деяний. В то же время практическое применение указанного положения закона осложнено проблемностью выявления источников загрязнения, особенно учитывая их большое число в данном регионе и за его пределами, трудностями определения роли каждого конкретного загрязнителя в общей доле загрязнения. Указанные факторы являются препятствием для установления причинно-следственной связи между деянием и его преступными последствиями в виде загрязнения морской среды, а также для дифференциации ответственности.

Учитывая названные выше обстоятельства, важное значение для уголовно-правовой охраны морской среды Арктической зоны РФ приобретают ст. 250 и 251 УК РФ. Статья 250 «Загрязнение вод» УК РФ предусматривает ответственность в том числе и за загрязнение

⁴ См.: URL: <https://ria.ru/analytics/20180129/1513490180.html> (дата обращения: 23.02.2018).

⁵ См.: Куделькин Н. С. Юридическая ответственность за загрязнение морской среды. М.: Городец, 2011. С. 37—43.

⁶ См.: URL: <http://baikal24-nauka.ru/article.php?id=7223&type=news> (дата обращения: 24.02.2018).

⁷ См.: URL: <http://194.87.66.197/gosdoklad-eco-2015/arctic.html> (дата обращения: 24.02.2018).

⁸ См.: Виноградова А. А., Шевченко В. Н. Роль атмосферных аэрозолей в загрязнении Северного Ледовитого океана и его морей // Оптика атмосферы и океана. 2005. № 5—6. С. 387, 391.

поверхностных вод, изменение их природных свойств, если эти деяния повлекли причинение существенного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству. В тексте рассматриваемой статьи загрязнение понимается как один из видов изменения природных свойств вод, то есть как результат. Состав сконструирован как материальный, требует наступления общественно опасных последствий.

Статьей 251 «Загрязнение атмосферы» УК РФ предусмотрено наступление ответственности за нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, если эти деяния повлекли загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха. В данном материальном составе загрязнение атмосферы рассматривается как результат преступного деяния, которое, в свою очередь, заключается в нарушении указанных в норме правил. Специалисты отмечают, что конструкция ст. 251 УК РФ является корректной⁹.

Следует обратить внимание на то, что рассматриваемые нормы применяются крайне редко. По официальным статистическим данным, за 2015 г. было зарегистрировано 3 преступления, предусмотренных ст. 252 УК РФ, при этом выявлено всего 1 лицо, совершившее такое деяние; 29 преступлений, предусмотренных ст. 250 УК РФ, выявлено 4 лица, совершивших такие деяния; также в 2015 г. зарегистрировано 6 преступлений, предусмотренных ст. 251 УК РФ, при этом лиц, совершивших указанные правонарушения, выявлено не было¹⁰. Объяснить такую ситуацию можно следующими причинами. Во-первых, высокой степенью латентности данных преступлений, которой, впрочем, характеризуется вся экологическая преступность¹¹. О скрытом характере преступных деяний, связанных с загрязнением морской среды, вод, атмосферы, свидетельствуют такие факты, касающиеся состояния окружающей среды, как уровень загрязнения различных ее компонентов. Например, по дан-

ном Государственного доклада о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году, в отчетном периоде степень загрязненности воздуха в 21 % городов России характеризовалась как очень высокая и высокая¹². Говоря о поверхностных водах, специалисты отмечают, что на территории Европейской части России особо тяжелая ситуация складывается на некоторых водных объектах Мурманской области, на их отдельных участках вода оценивается как «грязная», причем в единичных створах — как «экстремально грязная». На территории Азиатской части России острая экологическая ситуация характерна для водных объектов нефтегазопромысловых районов Юго-Западной Сибири, Ямало-Ненецкого АО, Кузбасса, Норильского промышленного района, территории Среднего Енисея. Высокий уровень загрязнения вод наблюдается в Кольском заливе Баренцева моря. В 2014 г. качество вод в районе торгового порта г. Мурманска оценивалось как «очень грязные». Основными загрязняющими веществами являются нефтяные углеводороды, железо и медь. В водах порта отмечено повышенное содержание пестицидов, легкоокисляемых органических веществ, фенолов, аммонийного азота, свинца и никеля. Район г. Мурманска остается одним из наиболее загрязненных участков на всем шельфе РФ¹³. Как видим, при довольно тяжелой экологической ситуации в стране случаи применения уголовной ответственности за наиболее опасные правонарушения, посягающие на воды, морскую среду, атмосферу, почвы, единичны либо отсутствуют вовсе.

Во-вторых, крайне остро стоит вопрос разграничения экологических преступлений со смежными составами административных правонарушений. По нашему мнению, до тех пор, пока не будет решена эта проблема, говорить об эффективном применении ответственности за экологические преступления не придется. Только совместные усилия научного сообщества, законодателя и правоприменителя смогут преодолеть сложившуюся ситуацию.

⁹ См.: Дубовик О. Л. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Спарк, 1998. С. 196.

¹⁰ См.: URL: <http://www.mnr.gov.ru/gosdoklad-eco-2015/regulation.html#gosreg043> (дата обращения: 24.02.2018).

¹¹ См.: Семёнов С. В. Латентная преступность в сфере добычи морских биоресурсов: выявление и социальный контроль // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 16. С. 148.

¹² См.: URL: <http://194.87.66.197/gosdoklad-eco-2016/air.html> (дата обращения: 22.04.2018).

¹³ См.: URL: <http://194.87.66.197/gosdoklad-eco-2016/water.html#w13> (дата обращения: 22.04.2018).

Так, могут возникать сложности при отграничении состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 252 УК РФ, от смежных составов административных правонарушений, таких как ст. 8.19 КоАП РФ, предусматривающая административную ответственность за нарушение правил захоронения отходов и других материалов во внутренних морских водах, в территориальном море, на континентальном шельфе и (или) в исключительной экономической зоне Российской Федерации.

Как уже говорилось, морская среда Арктики характеризуется уникальным биоразнообразием, которое помимо негативного воздействия от хозяйственной деятельности, осуществляемой в море и на суше, подвергается преступным посягательствам, таким как незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258.1 УК РФ); незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ). Указанные преступления (по сравнению с другими преступлениями, предусмотренными гл. 26 УК РФ) регистрируются на территории Российской Федерации довольно часто. По статистическим данным, в 2015 г. было зарегистрировано 1 152 преступления, предусмотренных ст. 258.1 УК РФ, при этом выявлено 732 лица, их совершивших. Также зарегистрировано 6 276 преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, и выявлено 6 612 лиц, совершивших такие деяния.

Например, 23 октября 2015 г. государственными инспекторами в области охраны окружающей среды в акватории Мечигменской губы (национальный парк «Берингия») были обнаружены трупы тихоокеанских моржей. У девяти туш были отрезаны головы¹⁴. По данному

происшествию было возбуждено дело по ч. 3 ст. 256 УК РФ¹⁵.

Жертвой браконьерства нередко становится белый медведь (*ursus maritimus* — морской медведь), включенный в Перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей ст. 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁶. Его жизнь тесно связана с морской средой Арктики. Белый медведь — единственный вид сухопутных млекопитающих, полностью перешедший от жизни на земной тверди к жизни на дрейфующих морских льдах Арктического океанского бассейна¹⁷. Весь ареал обитания белого медведя включает 19 субпопуляций¹⁸. По экспертным оценкам, в мире насчитывается от 22 до 31 тыс. особей белого медведя. Однако к 2050 г. их популяция может сократиться на 30 %. К одному из основных факторов, влияющих на численность вида, относится браконьерство¹⁹. Так, научной экологической экспедицией на острове Вилькицкого в Карском море (2017 г.) были обнаружены трупы белых медведей, убитых браконьерами²⁰. Следует отметить, что выявление случаев незаконной охоты на белого медведя весьма затруднительно, что связано в первую очередь с его средой обитания, труднодоступной для человека и, как следствие, — для осуществления контроля за различными видами противоправной деятельности, такой как браконьерство. В свою очередь, высокая стоимость шкуры белого медведя (приблизительно 1,5 млн руб.²¹) делает ее привлекательной для браконьеров. Кроме того, данная ситуация усугубляется низким уровнем жизни некоторых слоев населения в Арктической зоне РФ.

Следует согласиться с мнением специалистов о том, что незаконная добыча водных

¹⁴ См.: URL: http://www.park-beringia.ru/beringia/news/257/?sphrase_id=71 (дата обращения: 03.05.2018).

¹⁵ См.: URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/565e7fbd9a7947007583c859> (дата обращения: 03.05.2018).

¹⁶ СЗ РФ. 2013 г. № 45 Ст. 5814.

¹⁷ См.: URL: <http://programmes.putin.kremlin.ru/bear/program> (дата обращения: 03.05.2018).

¹⁸ См.: Матишов Г. Г., Челинцев Н. Г., Горяев Ю. И., Макаревич П. Р., Ишкулов Д. Г. Оценка численности белого медведя (*ursus maritimus*) по данным многолетних судовых учетов // Доклады Академии наук. 2014. Т. 458. № 6. С. 706.

¹⁹ См.: URL: <https://new.wwf.ru/species/belyy-medved/> (дата обращения: 03.05.2018).

²⁰ См.: URL: https://www.znak.com/2017-07-20/na_ostrove_vilkickogo_naydeno_kladbiche_belyh_medvedey_ubityh_brakonerami_radi_shkur (дата обращения: 03.05.2018).

²¹ См.: URL: <https://new.wwf.ru/resources/news/arkhiv/wwf-tsena-shkury-belogo-medvedya-na-chernom-rynke-vyrosla-v-dva-raza/> (дата обращения: 03.05.2018).

биоресурсов, впрочем как и браконьерство, являются первыми звеньями преступной цепи, связанной с незаконным оборотом добытых биологических ресурсов, их транспортировкой, переработкой, контрабандой и т.д., что приносит существенный ущерб не только окружающей среде, но и экономике страны²².

Подводя итог сказанному выше, отметим, что в настоящее время Арктика подвергается усиленному промышленному освоению, темпы которого будут только возрастать. Это, несомненно, повышает и будет повышать экологические риски для региона, особенно для чувствительной к антропогенным воздействиям морской среды. Вместе с тем увеличение числа хозяйствующих субъектов в Арктической зоне РФ, связанных в основном с такой опасной для природы отраслью, как добыча полезных ископаемых, повышает не только возможность масштабных катастроф, но и риски, связанные с совершением разнообразных экологических правонарушений, в том числе и преступлений — загрязнения морской среды, вод, атмосферы, которые, безусловно, окажут свое негативное влияние на природу Арктики и ее хрупкие экосистемы. Увеличение интенсивности судоходства по Северному морскому пути может способствовать загрязнению морской среды с судов. Кроме того, промышленное освоение Арктики неминуемо вызовет и увеличение числа лиц, занятых в различных сферах хозяйства, что при определенных обстоятельствах может способствовать росту количества деяний, связанных с различными видами браконьерства.

Ситуация осложняется еще и тем, что в настоящее время отсутствует специальное природоохранное законодательство об Арктической зоне, которое учитывало бы всю специфику

окружающей среды (включая морскую) региона. В случае разработки и принятия такого законодательства представляется возможным включение в УК РФ специальной нормы, предусматривающей ответственность за его нарушение, что способствовало бы усилению правовой охраны Арктики.

В целях повышения уровня уголовно-правовой охраны морской среды Арктики представляется возможным включение в составы некоторых экологических преступлений, например в ст. 252 УК РФ, такого квалифицирующего признака, как совершение деяния в Арктической зоне РФ. Кроме того, учитывая тот факт, что загрязнение морской среды, впрочем, как и всей окружающей среды региона, может осуществляться из источников, находящихся за пределами Арктической зоны РФ, то возможно установление такого квалифицирующего признака, как «распространение или угроза распространения последствий деяния на Арктическую зону РФ», что целесообразно главным образом для составов, предусматривающих наступление ответственности за загрязнение вод и атмосферы. Но осуществление данной идеи на практике возможно только при наличии специального закона об Арктической зоне, в котором будут установлены (на основе специальных научных исследований) зоны, из которых может быть оказано различное негативное влияние на Арктику.

Таким образом, уголовно-правовая ответственность, несомненно, обладает большим потенциалом для охраны как морской среды Арктической зоны РФ, так и природы региона в целом. Учитывая глобальное значение Арктики, развитию данного направления должно уделяться повышенное внимание науки и практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бобкова С. С. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за незаконную добычу водных биоресурсов и практики их применения // Вестник Московского университета МВД России. — 2010. — С. 60—62.
2. Виноградова А. А., Шевченко В. Н. Роль атмосферных аэрозолей в загрязнении Северного Ледовитого океана и его морей // Оптика атмосферы и океана. — 2005. — № 5—6. — С. 387—394.
3. Дубовик О. Л. Экологические преступления : Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. — М. : Спарк, 1998.

²² См.: Бобкова С. С. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за незаконную добычу водных биоресурсов и практики их применения // Вестник Московского университета МВД России. 2010. С. 60.

4. Куделькин Н. С. Юридическая ответственность за загрязнение морской среды. — М. : Городец, 2011. — 224 с.
5. Матишов Г. Г., Челинцев Н. Г., Горяев Ю. И., Макаревич П. Р., Ишкулов Д. Г. Оценка численности белого медведя (*ursus maritimus*) по данным многолетних судовых учетов // Доклады Академии наук. — 2014. — Т. 458. — № 6. — С. 706—710.
6. Семёнов С. В. Латентная преступность в сфере добычи морских биоресурсов: выявление и социальный контроль // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2009. — № 16. — С. 148—149.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

PROTECTION OF THE ARCTIC MARINE ENVIRONMENT: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

KUDELKIN Nikolai Sergeevich — PhD in Law, Senior Researcher of the Sector of Ecological Legal Studies of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
nkkix@inbox.ru,
119019, Russia, Moscow, ul. Znamenka, d. 10

Abstract. *The main part of the Russian Arctic is the Arctic Ocean and marginal seas: The White, Barents, Kara, Laptev, East Siberian and Chukchi. The Arctic is not only valued for minerals. The region has enormous importance for global biodiversity, it is inhabited by numerous species of land and marine mammals, birds and fish, and unique plant life. Natural, geographical features of the region have important criminological value, they significantly complicate crime and perpetrators detection, influence the spread of socially dangerous consequences of the acts committed (e.g., pollution), etc. For the protection of the Arctic marine environment, special attention should be given to address pollution from land-based sources, as this type of pollution is one of the main in the Arctic basin. The marine environment of the Arctic is characterized by unique biodiversity, which, in addition to the negative impact of the economic activities in sea and on land, is exposed to criminal attacks, such as illegal poaching and trafficking of especially valuable wild animals and aquatic biological resources belonging to the species listed in the Red Book of the Russian Federation and (or) protected by international treaties of the Russian Federation (Article 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), illegal harvesting (catching) of aquatic biological resources (Article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation). Criminal responsibility has great potential for the protection of the marine environment of the Arctic Zone of the Russian Federation. Given the global importance of the Arctic, the development of this area should be given special attention in science and practice.*

Keywords: *environment, marine environment, crime, the Arctic, environmental risks, criminal responsibility, pollution, poaching.*

REFERENCES

1. Bobkova S. S. Sovershenstvovanie ugovolnogo zakonodatelstva ob otvetstvennosti za nezakonnyuyu dobychu vodnykh bioresursov i praktiki ikh primeneniya [Improvement of the criminal legislation on responsibility for illegal extraction of water bioresources and practice of their application]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the MIA of Russia]*. 2010. P. 60—62.
2. Vinogradova A. A., Shevchenko V. N. Rol atmosferykh aerorozley v zagryaznenii severnogo ledovitogo okeana i ego morey [The role of atmospheric aerosols in the pollution of the Arctic Ocean and its seas]. *Optika Atmosfery i Okeana [Atmospheric and oceanic optics]*. 2005. No. 5—6. P. 387—394.
3. Dubovik O. L. Ekologicheskie prestupleniya: Kommentariy k glave 26 ugovolnogo kodeksa rossiyskoy federatsii [Environmental crimes: Commentary to Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Spark Publ., 1998.
4. Kudelkin N. S. Yuridicheskaya otvetstvennost za zagryaznenie morskoy sredy [Legal liability for the pollution of the marine environment]. Moscow, Gorodets Publ.. 2011. 224 p.
5. Matishov G. G., Chelintsev N. G., Goryaev, Y. I., Makarevich P. R., Ishkulov D. G. Otsenka chislennosti belogo medvedya (*ursus maritimus*) po dannym mnogoletnikh sudovykh uchetov [Assessment of the amount of polar bears (*Ursus maritimus*) on the basis of perennial vessel counts]. *Doklady Akademii nauk [Academy of Sciences' Reports]*. 2014. Vol. 458. No. 6. P. 706—710.
6. Semenov S. V. Latentnaya prestupnost v sfere dobychi morskikh bioresursov: vyyavlenie i sotsialnyy kontrol [Latent crime in the sphere of extraction of marine biological resources: identification and social control]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: yesterday, today and tomorrow]*. 2009. No. 16. P. 148—149.

Т. В. Редникова*

ОРГАНИЗОВАННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Экологические преступления — это постоянно прогрессирующая форма преступной активности, общественная опасность которой зачастую недооценивается. Современная экологическая преступность во всем мире характеризуется возникновением новых форм преступного поведения, совершенствованием способов совершения преступлений, неуклонным повышением участия организованных преступных групп и сообществ в их совершении. Структура и характер экологической преступности имеют четко выраженный региональный характер, определяемый такими параметрами, как состояние окружающей среды, наличие на данной территории природных ресурсов, близость государственных границ, а также эффективность деятельности природоохранных и правоохранительных органов. Организованная экологическая преступность, наряду с экологическим терроризмом, на сегодняшний день представляет значительную угрозу национальной безопасности. К ее отличительным чертам относятся: долговечность и стабильность преступной организации, которая в большинстве случаев эффективно с организационной и экономической точки зрения управляет комплексом криминальных действий, а также обладает способностью к минимизации возникающих в этой связи рисков; долгосрочное планирование деятельности; вовлечение в нее физических лиц и коммерческих структур; создание преступных сетей. Другой характеристикой является ее ориентированность на рынок (в том числе и нелегальный). Основной целью деятельности преступных групп является извлечение прибыли. Зачастую организованные группировки занимаются криминальной деятельностью по различным направлениям, совершая как экологические, так экономические и другие виды преступлений, при этом коррупционная составляющая является неотъемлемой их чертой. Транснациональная организованная экологическая преступная деятельность осуществляется по таким ключевым направлениям, как незаконная торговля редкими и исчезающими видами дикой фауны и флоры и их дериватами; незаконная рубка лесных насаждений и торговля нелегальной древесиной; незаконный оборот отходов и незаконная транспортировка, хранение, сброс и захоронение, включая трансграничное перемещение опасных отходов; незаконное рыболовство; незаконная торговля озоноразрушающими веществами; незаконная торговля радиоактивными веществами и незаконное захоронение радиоактивных отходов.

Важную роль в борьбе с организованной экологической преступностью играет объединение усилий правоохранительных и правоприменительных органов различных государств по пресечению экологически преступного поведения, нейтрализации всех этапов совершения преступления: планирования, незаконной добычи ресурсов, транспортировки, сбыта, отмывания доходов, полученных преступным путем. Ликвидация экономической основы деятельности преступных группировок, снижение ее доходности является залогом успеха в борьбе с ней. Совершенствование международного законодательства позволит создать на уровне отдельных государств комплексную систему мер противодействия

© Редникова Т. В., 2018

* Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук

trednikova@yandex.ru

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

организованной экологической преступности и обеспечить унификацию национальных законодательных систем с точки зрения терминологии, составов, а также санкций, применяемых за совершение экологических преступлений организованными группами.

Ключевые слова: организованная преступность, экологическое преступление, флора, фауна, редкие и исчезающие виды, незаконная торговля, незаконная рубка, окружающая среда, экологический кризис.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.098-111

Экологическая преступность на современном этапе развития общества как в Российской Федерации, так и за рубежом характеризуется возникновением новых форм преступного поведения, эволюцией способов совершения преступления, неуклонным повышением участия организованных преступных групп и сообществ в их совершении. Увеличение числа преступных посягательств на окружающую среду и ее компоненты усугубляет ситуацию экологического кризиса¹. Организованная экологическая преступность, наряду с экологическим терроризмом, на сегодняшний день представляют значительную угрозу безопасности современного государства.

Несмотря на публично признаваемый как учеными, так и средствами массовой информации рост экологической преступности, количество преступлений данной категории остается приблизительно на одном уровне и составляет чуть более 1 % от общего числа зарегистрированных преступлений². Согласно статистическим данным, подавляющее их количество приходится на преступные посягательства на лесные ресурсы (ст. 260, 261 УК РФ) и объекты животного мира (ст. 256—258.1 УК РФ). Общее количество преступлений по этим составам в 2013 г. составляло 99,28 % от числа зарегистрированных экологических преступлений,

в 2014 г. — 97,1 %, в 2015 г. — 99,34 %³.

Похожие данные приводятся в научных исследованиях, посвященных экологической преступности в Казахстане, где доля экологических преступлений в период с 2008 по 2013 г. составила не более 0,4 % от общего количества зарегистрированных преступлений; при этом основное количество экологических преступлений приходится на четыре состава, ответственность за которые предусмотрена Уголовным кодексом Республики Казахстан: незаконную добычу водных животных и растений (ст. 287), незаконную охоту (ст. 288), незаконное обращение с редкими и исчезающими видами животных и растений (ст. 290), незаконную порубку деревьев и кустарников (ст. 291)⁴. В Кыргызской Республике удельный вес экологической преступности в общей структуре преступности составляет 0,72 %; аналогичны и предметы преступных посягательств по наиболее распространенным составам преступлений⁵. Приведенные данные свидетельствуют не о низком уровне экологической преступности, а о ее высокой латентности, что характерно не только для Российской Федерации и стран постсоветского пространства, но и для других стран, в том числе государств — членов

¹ См.: *Кравцова М. А.* Экологическая преступность как угроза экологической безопасности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (47). С. 74.

² Официальная статистика количества зарегистрированных экологических преступлений МВД РФ // URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 29.04.2018).

³ Подробнее см.: стр. 437 Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2013 году», стр. 449 Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2014 году», стр. 449 Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2015 году». К сожалению, Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды в 2016 году» не содержит статистических данных о структуре экологических преступлений.

⁴ См.: *Матаева М. Х., Мукашева Н. К.* Анализ эффективности борьбы с экологическими преступлениями в Казахстане // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 194—195.

⁵ См.: *Шин Г. А.* Экологическая преступность и ее предупреждение в Кыргызской Республике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2013. С. 12.

ЕС. Таким образом, необходимо отметить, что экологические преступления относятся к категории преступных посягательств, общественная опасность которых не может быть в полной мере подтверждена официальными статистическими данными⁶.

Экологическая преступность в Российской Федерации имеет выраженный региональный характер. Такие характеристики, как состояние окружающей среды региона, наличие в нем природных ресурсов, эффективность деятельности природоохранных и правоохранительных органов, непосредственно влияют на характер и количество совершаемых в нем экологических преступлений⁷. Так, в Сибирском федеральном округе, богатом лесными ресурсами, отмечается рост числа преступлений, связанных с незаконной добычей древесины, а в традиционных для рыбного промысла регионах (Камчатка, Дальний Восток, Дагестан, Волгоградская и Астраханская области) браконьерство осуществляется в промышленных масштабах, при этом преимущественно организованными преступными группировками, с налаженными каналами сбыта и коррупционными связями на уровне природоохранных и правоохранительных органов⁸.

Экологические преступления — это постоянно прогрессирующая форма преступной активности, зачастую не признающая государственных границ, при этом ее общественная опасность недооценена. Это утверждение является справедливым не только для Российской Федерации, но и для других стран и их объединений. Ведущие европейские юристы отмечают, что несмотря на тот факт, что в Европейском Союзе экологическим преступлениям не придается должного значения и размер назначаемого судами наказания за их соверше-

ние является минимальным даже при наличии в законодательстве государств — членов ЕС более строгих мер уголовной ответственности, подобные преступления все же должны признаваться тяжкой формой посягательства на интересы современного общества, а органами судебной власти им должна даваться соответствующая правовая оценка.

Отмечается, что экологические преступления принято считать преступлениями без «непосредственной» жертвы — ущерб наносится в первую очередь окружающей среде и ее компонентам, которые по понятным причинам не могут самостоятельно активно отстаивать свои интересы в судебных процессах⁹. Однако экологические преступления, причиняя ущерб окружающей среде, уничтожают биологическую основу жизнедеятельности и существования человека и иных живых существ¹⁰.

Значительный вклад в совершение экологических преступлений в разных странах вносит организованная преступность, которая, по сравнению с обычными преступлениями, обладает гораздо большей общественной опасностью в силу ее отличительных черт. К ним, в частности, относится долговечность и стабильность преступной организации, которая в большинстве случаев эффективно с организационной и экономической точек зрения управляет комплексом криминальных действий, а также обладает способностью к минимизации возникающих в этой связи рисков. Организованная преступность не может быть оценена исключительно на основе количества преступлений и вовлеченных в нее лиц. Так, единичный случай деятельности преступной организации может демонстрировать характерную для всего региона (или даже государства) модель преступного поведения¹¹.

⁶ См.: Антонов И. А., Трайко В. И., Третьяков И. Л. Экологическая преступность в России и общесоциальные меры ее профилактики // Юридическая наука и современность. 2012. № 7. С. 54.

⁷ См.: Родионов А. В. Экологическая преступность в современной России: причины, тенденции, проблемы противодействия // Природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока — взгляд в будущее : материалы междунар. эколог. форума (19—21 ноября 21013 г.) : в 2 т. / под ред. Т. В. Гланиной, М. И. Баумгартэна. Кемерово, 2013. С. 185.

⁸ См.: Кузнецова Н. И. Криминологическая характеристика экологической преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 99.

⁹ См.: Комт Ф. Экологические преступления в Европе — нормативы санкций // Экологическая преступность в Европе / сост. Ф. Комт, Л. Кремер ; отв. ред. О. Л. Дубовик. М. : Городец, 2010. С. 32—33.

¹⁰ См.: Желваков Э. Н. Уголовно-правовая охрана окружающей среды в Российской Федерации : в 2 ч. М., 2002. Ч. 1. С. 75.

¹¹ См.: Альбрехт Х.-И. Масштабы организованной экологической преступности: европейская перспектива // Экологическая преступность в Европе. С. 97.

Существующие в законодательстве государств — членов ЕС определения понятия организованной преступности содержат общие базовые элементы. Во-первых, организованная преступность нацелена на деятельность по извлечению прибыли и является действующим на постоянной основе «предприятием», ориентированным на рынок (в том числе и нелегальный). Во-вторых, для нее характерно планирование деятельности, вовлечение в нее физических лиц и коммерческих структур, создание преступных сетей. В-третьих, деятельности организованных преступных группировок присуща диверсифицированность. Зачастую одной организованной группировкой совершаются преступления различной направленности. Так, контрабанда охраняемых международным правом объектов дикой природы может осуществляться по налаженным для наркотрафика каналам. В-четвертых, в ходе осуществления преступных действий организованные группы предпринимают на постоянной основе попытки снижения рисков привлечения к ответственности путем применения силы и использования финансовых средств для подкупа должностных лиц. Здесь четко прослеживается взаимосвязь между активностью организованных преступных группировок и общим уровнем коррупции, что является справедливым и в случае совершения экологических преступлений. Поскольку даже незначительное коррупционное проявление в сфере экологических отношений может повлечь за собой значительные негативные последствия для окружающей среды, а причиненный ущерб невозможно в отдельных случаях компенсировать, при разработке и реализации механизмов противодействия коррупции необходимо в полной мере учитывать отраслевую специфику¹². В-пятых, экологические преступления, совершаемые организованными преступными группировками, идут рука об руку с другими категориями преступлений, в том числе и эко-

номическими, к примеру с отмыванием доходов, полученных преступным путем.

Экологическая преступность базируется на противоречии экологических и экономических интересов общества: с одной стороны, человек заинтересован в качестве окружающей среды, составляющей основу его жизнедеятельности, с другой — он не в состоянии отказаться от экономических благ, предоставляемых ему современным обществом, для получения которых приходится так или иначе эксплуатировать природные ресурсы и тем самым нарушать баланс экосистемы Земли. При этом осознание необходимости их рационального использования зачастую отходит на второй план, вытесняемое экономическими интересами, связанными с желанием немедленного обогащения любым путем. Б. Б. Тангиев данное обстоятельство относит к одной из субъективных причин экологической преступности¹³.

Стремление к извлечению прибыли от незаконной деятельности, связанной с эксплуатацией природных ресурсов и окружающей среды, является одним из главных мотивов преступной деятельности организованных группировок. Такая деятельность является высокодоходной. Мировая торговля объектами флоры и фауны оценивается в размере от 10 до 20 млрд евро и охватывает десятки миллионов животных и растений в год, а торговля икрой рыб осетровых пород только на законных основаниях приносит 100 млн евро в год¹⁴. При этом нелегальная мировая торговля редкими животными приносит организованным преступным сообществам в год в среднем 6—10 млрд долл. Так, цена за монгольского балобана может достигать до 20 тыс. долл., шкура или скелет тигра — до 3 тыс. долл., слоновая кость, рога носорога — по 30—60 долл. за кг, китайский крокодил — до 15 тыс. долл., ангольский питон — до 65 тыс. долл. Браконьерство приносит 4—5 млрд долл. ежегодно, в том числе добыча икры — свыше 3 млрд долл.¹⁵

¹² См.: Алексеев С. Л., Сергеева Ю. С., Шайдуллин Р. Н. Криминологическая характеристика и предупреждение коррупционной преступности как одна из проблем экологической безопасности // Вестник НЦ БЖД. 2017. № 1. С. 125.

¹³ См.: Тангиев Б. Б. Транснациональная экологическая преступность: причинный и детерминационный комплекс глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4 (35). С. 136.

¹⁴ См.: Вийнстекерс В. Защита исчезающих видов фауны и флоры // Экологическая преступность в Европе. С. 32.

¹⁵ См.: Ахмадеева Л. М. Понятие и особенности транснациональной организованной преступности в сфере экологии // Аграрное и земельное право. 2008. № 5. С. 100.

Следует отметить, что по разным оценкам объем контрабанды животных и растений, находящихся на грани исчезновения, по своему масштабу уступает лишь обороту наркотиков¹⁶. Так, рыночная стоимость рога южноафриканского носорога превышает стоимость героина или кокаина, а доход от его продажи превышает сумму годового дохода многих граждан ЮАР¹⁷.

Среди экологических преступлений, наиболее часто совершаемых организованными преступными группами как на территории Российской Федерации, так и в других странах мира, можно выделить несколько категорий. К первой из них относится незаконная торговля редкими и исчезающими видами дикой фауны и флоры и их дериватами. Принятая в 1973 г. международная конвенция СИТЕС регулирует торговлю свыше 33 000 видов животных и растений, при этом торговля около 1 000 из них полностью запрещена. Незаконная торговля объектами животного мира осуществляется международными организованными преступными группировками, в ходе ее реализации также совершающие другие преступления, такие как мошенничество, использование подложных документов, подкуп должностных лиц. Другой характерной чертой данного вида преступлений является глобальный характер преступной деятельности с использованием международных преступных сетей.

В этом процессе участвуют как страны происхождения предметов преступных посягательств, так и страны транзита, в которых происходит изготовление поддельной документации (декларации, сертификаты) и изменение упаковки, а также страны, где находятся конечные потребители предметов нелегального оборота. При этом в некоторых странах, в частности в Латинской Америке, отмечаются случаи контрабанды диких животных и растений в сочетании с контрабандой наркотических средств (например, перевозка наркотиков в живых удавах). Эксперты по дикой фауне

и флоре утверждают, что незаконной торговлей дикими животными и растениями наиболее активно занимаются итальянские, китайские, российские и японские организованные преступные группировки¹⁸.

Глобализация рынка международной торговли с развитием сети Интернет привела к значительному расширению рынков сбыта, в том числе и нелегально добытых диких животных и растений, а также их дериватов. В Российской Федерации в настоящее время существует практика вынесения судебных решений о признании сведений о продаже особо ценных объектов животного мира, их частей и производных информацией, запрещенной к распространению в Российской Федерации, на основании которых ограничивается доступ к такой информации в сети Интернет, что служит достаточно эффективной мерой противодействия незаконному обороту указанных объектов преступных посягательств¹⁹.

С точки зрения активной деятельности организованных преступных групп, занимающихся незаконной добычей и продажей диких животных, растений и их производных, одним из наиболее неблагополучных регионов России является Дальний Восток. Непосредственно браконьерским промыслом на территории региона заняты сельские жители, чаще охотники-любители, владеющие огнестрельным оружием на законных основаниях, а также проходящие службу на погранзаставах или в отдаленных гарнизонах военнослужащие и пограничники, имеющие охотничье или табельное огнестрельное оружие, а также граждане приграничных государств КНР и КНДР. Часто при совершении преступлений ими используется автотранспорт высокой проходимости. Добытые животные и растения активно скупаются перекупщиками (как российскими, так и корейскими и китайскими), размещающими объявления о покупке в средствах массовой информации и в Интернете. Наиболее активно этот процесс происходит во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Уссурийске, Лесо-

¹⁶ См.: Пилюгина Т. В., Панасенко В. П. Экологическая безопасность региона: анализ экологической преступности, ее динамика, структура и предупреждение // Вестник КСЭИ. 2017. № 3 (75). С. 71.

¹⁷ См.: Hübschle A., Faull A. Organized environmental crimes: Trends, theory, impact and responses // South African Crime Quarterly (SACQ). Special Edition on Organised Environmental Crime. Vol. 60. P. 4.

¹⁸ См.: Кукушкина А. В. Борьба с преступностью и охрана дикой фауны и флоры от незаконного оборота // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 4. С. 236.

¹⁹ См. подробнее: Редникова Т. В. Практика применения норм статьи 258.1 УК РФ // Союз криминалистов и криминологов. 2017. № 1—4. С. 105.

заводске, Дальнереченске, Кавалерово²⁰. Конечным пунктом назначения этой продукции является Китай и Корея, куда при участии организованных преступных группировок происходит нелегальный экспорт чаще всего дериватов (например, медвежьих лапы и желчь, мускус кабарги и т.п.). Другим неблагоприятным районом Российской Федерации с точки зрения деятельности организованных преступных группировок, осуществляющих посягательства на животные ресурсы, являются регионы нашей страны, примыкающие к Каспийскому морю: Астраханская область, Дагестан, Калмыкия. Согласно статистическим данным, в данной акватории обитает до 70 % мировых запасов рыб осетровых пород²¹. Незаконный промысел осетровых, осуществляемый в данных регионах в основном с целью добычи икры, давно стал показательным примером деятельности организованных преступных группировок в России, имеющей в том числе ярко выраженный транснациональный характер.

По данным CITES, объем контрабандного икорно-осетрового рынка в мире примерно в 5 раз превышает объемы легального рынка и составляет примерно 500 млн долл. США ежегодно, причем около 60 % контрабанды черной икры обеспечивают преступные группировки из России²².

К следующей наиболее притягательной для деятельности организованных преступных группировок категории экологических преступлений относится незаконная рубка лесных насаждений. Уничтожение лесов в процессе развития современного общества происходит на всех континентах. Этот процесс привел к тому, что общемировые запасы леса находятся лишь в нескольких регионах — в бассейне Амазонки, Центральной и Юго-Восточной Африке, Юго-Восточной Азии и Российской Федерации. В результате вырубки лесов уничтожаются эко-

системы, снижается биологическое разнообразие видов не только животных, но и растений, обитающих на данной территории, нарушается гидрологическое равновесие, наблюдается эрозия почвенного покрова. Как известно, леса являются своеобразными легкими планеты и играют важную роль как в очистке атмосферного воздуха, так и в поглощении углекислого газа, обладающего парниковым эффектом, тем самым препятствуют процессу глобального потепления. Сложно переоценить негативное влияние таких преступных посягательств на состояние окружающей среды, а также размер причиняемого ими ущерба. В глобальном масштабе незаконная торговля составляет около 10 % мировой торговли лесом, которая, в свою очередь, составляет свыше 150 млрд долл. США в год. Реальную оценку объемов добычи и стоимостного выражения незаконного оборота нелегально добытой древесины затрудняет латентность данного вида преступлений. Однако необходимо отметить, что гораздо большее количество нелегальных операций осуществляется в случаях, когда государства предпринимают в этом направлении определенные дополнительные усилия²³.

Что касается Российской Федерации, то к факторам, определяющим количество преступлений данного вида в региональном разрезе, можно отнести: общую площадь территории региона, покрытую лесами, запасы лесных ресурсов, их транспортную доступность и удаленность от населенных пунктов, экономическую ориентированность региона и его экономико-финансовое благополучие, занятость населения, активность природоохранных органов и общественных природоохранных организаций²⁴. Важную роль играет также доступность рынков сбыта древесины, добытой нелегальным путем, в первую очередь близость границ с сопредельными госу-

²⁰ См.: *Курило Т. В.* Противодействие торговле редкими и вымирающими видами животных в Интернете (на примере законодательства Республики Беларусь) // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения.* 2016. № 5 (13). С. 84.

²¹ См.: *Сайгитов У. Т., Исаева А. И.* Незаконный рыбо-икорный бизнес в Дагестане. Криминологическое исследование. Махачкала. 2002. С. 3.

²² См.: *Бахмудов З. Б.* Проблемы латентной экологической преступности (по материалам Республики Дагестан) : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 73.

²³ См.: *Брак Д.* Незаконная лесозаготовка и незаконная торговля лесом и лесодревесиной // *Экологическая преступность в Европе.* С. 32.

²⁴ Подробнее см.: *Дубовик О. Л.* Экологическая преступность в Российской Федерации: состояние, тенденции и связи с транснациональной, коррупционной и организованной преступностью // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права.* 2010. № 1. С. 22—23.

дарствами, зачастую являющимися конечными ее потребителями. В первую очередь это характерно для Северо-Западного и Дальневосточного регионов Российской Федерации. С практическим развалом системы лесозаготовок, существовавшей во времена СССР, лесопользователи, действующие в рамках закона, все больше вытесняются «черными лесорубами», работающими в составе организованных преступных группировок. Их деятельность является высокодоходной, зачастую осуществляется с использованием коррупционных связей во властных структурах. Она может осуществляться как целиком нелегальным образом, так и путем избыточной добычи древесины на выделенных на законных основаниях участках и в пограничных с ними участках. Деятельность организованных группировок по незаконной добыче лесных ресурсов характеризуется четким распределением ролей между участниками группировки, что значительно затрудняет как выявление преступлений, так и пресечение каналов сбыта. Так, непосредственно рубкой леса занимаются мобильные группы, «вооруженные» исключительно пилами и топорами и передвигающиеся на мотоциклах. Задержание указанных лиц представляет проблему ввиду их мобильности и недостаточного количества сотрудников уполномоченных органов, осуществляющих лесоохрану. На следующем этапе преступления другая группа лиц с помощью более тяжелой техники осуществляет укладку поваленной древесины в штабеля, другая группа вывозит их с помощью лесовозов. После чего материал складывается и перемещается по каналам сбыта. Привлечение к ответственности по ст. 260 УК РФ всех участников преступной группировки требует серьезных усилий и специализации именно в расследовании организованных форм преступной деятельности, в противном случае к ответственности чаще всего привлекаются участники первого этапа, которые не успели вовремя скрыться²⁵. Следует отметить, что для повышения эффективности правоприменения нормы уголовной ответственности, предусматриваю-

щей наказание за незаконную рубку, в отношении деятельности преступных группировок она нуждается в значительной модернизации.

Большой вклад в снижение уровня преступных посягательств на лесные ресурсы путем пресечения незаконного оборота древесины вносят специальные международные и национальные законодательные меры, требованием которых является необходимость предъявления доказательств легального происхождения древесины на всех этапах его оборота. Например, в США с 1900 г. действует закон Лэйси (Lacey Act), запрещающий оборот (в частности, импорт, экспорт, перепродажа, покупка и приобретение) рыбы, диких животных и растений, которые были изъяты, находятся в собственности, транспортировались или продавались с нарушением законов США или индейцев, а также межнациональную или зарубежную торговлю этими ресурсами, добытыми или перепроданными в нарушение законодательства страны или зарубежных нормативных правовых актов. Внесенная в 2008 г. в этот закон поправка включила в перечень компонентов биологического разнообразия, подпадающих под его регулирование в отношении запрета их импорта, широкий спектр объектов растительного мира и продукции из него, включая товары, изготовленные из нелегально срубленной древесины²⁶. В Европейском Союзе с марта 2013 г. вступил в силу Регламент Европейского Парламента и Европейского Совета № 995/210²⁷, запрещающий продажу древесины на внутреннем рынке без предъявления документов, подтверждающих законность ее переработки и заготовки. Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 415-ФЗ²⁸ в Лесной кодекс РФ были введены гл. 2.2 и 2.3, регулирующие порядок транспортировки древесины и учет сделок с ней в Единой государственной автоматизированной информационной системе. Согласно Закону при совершении сделок с древесиной должны оформляться и регистрироваться в ЕГАИС специальные декларации, содержащие информацию о сторонах сделки, о собственнике древесины, об объеме закупаемой древесины,

²⁵ См.: Лавыгина И. В. Организованные формы незаконной рубки лесных насаждений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 139.

²⁶ Подробнее см.: URL: <https://www.fws.gov/international/laws-treaties-agreements/us-conservation-laws/lacey-act.html> (дата обращения: 29.04.2018)

²⁷ OJ 2010. 295/23. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2010:295:0023:0034:EN:PDF> (дата обращения: 29.04.2018)

²⁸ СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6980

о договоре аренды лесного участка, а также иные сведения, необходимые для реализации древесины (ч. 2 ст. 50.5 Лесного кодекса РФ). При транспортировке древесины оформляются сопроводительные документы, в которых наряду со сведениями о собственнике, отправителе, получателе, объеме, породном и сортиментном составе, пунктах отправления и назначения необходимо указывать также номер декларации о сделках с древесиной (ст. 50.4 Лесного кодекса РФ). За отсутствие указанных документов в КоАП РФ предусмотрено наказание в виде значительных штрафов. До недавнего времени указанные правила распространялись только на некоторые виды древесины (преимущественно бревна различных пород), однако в мае 2017 г. перечень видов древесины, сделки с которыми подлежат учету, а транспортировка должна производиться с сопроводительными документами, был существенно расширен и теперь включает 34 новых вида древесины (прежде всего продукцию первичного лесопиления — пиломатериалы, брусья, шпалы)²⁹.

Следующую группу преступных посягательств на окружающую среду и ее компоненты, осуществляемых организованными преступными группировками, составляют такие деяния, как незаконный оборот отходов, включая и незаконную транспортировку, хранение, сброс и захоронение, трансграничное перемещение опасных отходов. Сегодня в России, по различным оценкам, накоплено 600—1200 млн т твердых бытовых отходов. При этом ежегодно образуется около 30 млн т отходов, из которых около 95 % подвергается захоронению³⁰.

В Италии, например, к незаконному обороту как бытовых, так и промышленных и медицинских отходов проявляют интерес не только традиционно функционирующие на этом рынке преступные организации типа мафиозных, но и вновь создаваемые практически во всех регионах страны криминальные организации немафиозного характера, незаконно участвующие в обороте отходов. Для Италии наиболее

острой является проблема нелегальных свалок, на первом месте по их количеству стоит регион Пулья; Ломбардия и Калабрия занимают второе и третье места соответственно. Провинция Саленто — зона с наиболее высокой концентрацией действующих нелегальных свалок, в том числе и опасных отходов³¹.

Наибольший размах достигла деятельность международных преступных группировок в сфере нелегального оборота опасных отходов. Потенциальную опасность представляют около 3 200 веществ, в том числе отходы горной промышленности, медицинские и биологические отходы и металлолом. При этом из производимых ежегодно в Канаде 5,9 млн т таких отходов внутри страны утилизируется только 3,2 млн т, а в странах ЕС только 15 % из 150 млн т размещаются или утилизируются в странах Европейского Союза. Это объясняется тем, что возрастающие расходы на утилизацию отходов экологически обоснованными способами привели к формированию рынка услуг, в том числе и нелегального, по размещению таких отходов за рубежом. Интерес, проявляемый международной организованной преступностью к данной сфере оборота отходов, объясняется ее потенциально высокой доходностью³².

Далеко не последнее место среди экологических преступлений, совершаемых организованными преступными группами, занимает незаконное рыболовство. По самым скромным оценкам, объемы промыслового использования морских биологических ресурсов в 10—20 раз превышают установленные нормы вылова, при этом нелегальный экспорт рыбной продукции составляет не менее 2,5 млрд долл. в год³³. Хищническое отношение к запасам Мирового океана, выражающееся в чрезмерной интенсивности рыболовства и несоблюдении в большинстве случаев интересов воспроизводства рыбных и других видов морских биологических ресурсов, а также загрязнение морской среды являются серьезной угрозой экологической безопасности всех стран³⁴. Незаконный

²⁹ Распоряжение Правительства РФ от 12 мая 2017 г. № 911-р // СЗ РФ. 2017. № 21. Ст. 3050.

³⁰ См.: Хизов А. В. Влияние бытовых и производственных отходов на экологическую безопасность в России // Вестник НЦБЖД. № 4 (30). С. 129.

³¹ См.: Ди Лелло Финуоли Д. Организованная экологическая преступность: пример Италии // Экологическая преступность в Европе. С. 126.

³² См.: Альбрехт Х.-И. Указ. соч. С. 107.

³³ См.: Пилюгина Т. В., Панасенко В. П. Указ. соч. С. 72.

³⁴ См.: Куделькин Н. С. Юридическая ответственность за загрязнение морской среды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. С. 3.

вылов водных биоресурсов является не просто самостоятельным экологическим преступлением, но первым звеном в цепи преступлений, совершаемых организованными преступными группировками, таких как незаконная переработка и контрабанда водных биоресурсов, предварительный сговор по приобретению и сбыту ресурсов, добытых преступным путем, отмывание денежных средств, сокрытие доходов от налогообложения³⁵.

К числу преступных посягательств на окружающую среду, значительный вклад в совершение которых вносит международная организованная преступность, относятся также незаконная торговля озоноразрушающими веществами, незаконная торговля радиоактивными веществами и незаконное захоронение радиоактивных отходов.

Переходя к мерам предупреждения экологических преступлений, совершаемых организованными преступными группировками, в первую очередь отметим, что международная организованная экологическая преступность представляет собой сложную систему глобальных криминальных связей и отношений, характеризующуюся в том числе коррупционными связями и зачастую вовлеченностью государственных структур в ее деятельность³⁶.

Для борьбы с ней как на уровне отдельных государств, так и в транснациональном разрезе необходимо создать комплексную систему правового регулирования, позволяющую активно противодействовать и обеспечивать неотвратимость наказания на всех этапах совершения преступления для всех участников организованной преступной группы, вне зависимости от распределения ролей между ними. Главная роль в этом процессе отводится подрыву экономической составляющей нелегального «бизнеса», эксплуатирующего природные ресурсы и окружающую среду в целом, а также ликвидации связей между различными звенья-

ми преступной цепи. В результате этого совершение экологических преступлений организованными преступными группировками должно стать экономически невыгодным и технически неосуществимым под угрозой неотвратимости наказания. Большое внимание в этой связи должно уделяться борьбе с транснациональной экологической преступностью.

С одной стороны, в унификации нуждается терминология, характеризующая предмет преступных посягательств³⁷. С другой — унификация мер ответственности за экологические преступления, совершенные организованными преступными группировками, должна обеспечить отсутствие миграции преступного «бизнеса» в страны с наиболее «льготными» для него условиями. Так, в Европейском Союзе реализация принципа равенства экологических прав граждан стран — участников ЕС на территории всего Союза должна быть обеспечена, в частности, унификацией норм уголовной ответственности за совершение экологических преступлений, в том числе и в части размера санкций за их совершение. При этом Директива Европейского парламента и Совета 2008/99/ЕС об охране окружающей среды уголовным правом³⁸ предписывает государствам — членам ЕС ввести в свое национальное уголовное законодательство ряд уголовно-правовых санкций за серьезные нарушения экологического законодательства Европейского Союза³⁹. Директива, обозначая составы преступлений, не устанавливает конкретные минимальные размеры вводимых национальным законодательством санкций, ограничиваясь лишь требованием введения таковых. Однако для эффективной борьбы с экологической преступностью, в том числе и организованной, на всем пространстве Европейского Союза необходимо, чтобы санкции за совершение экологических преступлений и их размер были если не сходными,

³⁵ См.: Самойлова Ю. Б. Уголовно-правовая охрана водных биологических ресурсов // Lex Russica. 2016. № 4 (113). С. 106.

³⁶ См.: Шишкина Е. А. Международная экологическая преступность как предмет криминологического анализа // Евразийский юридический журнал 2015. № 4 (83). С. 252.

³⁷ См.: Дмитренко А. П., Каблов А. М. Уголовно-правовая охрана видов дикой фауны, находящихся под угрозой уничтожения: законодательные проблемы и возможные направления совершенствования // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 214—215.

³⁸ Директива 2008/99/ЕС от 19 ноября 2008 г. «Об охране окружающей среды уголовным законом» // OJ L 328/28 2008.

³⁹ Более подробно о содержании и новеллах Директивы 2008/99/ЕС см.: Дубовик О. Л. Предисловие к изданию на русском языке // Экологическая преступность в Европе. С. 9—13.

то хотя бы сравнимыми во всех национальных правовых системах государств — членов ЕС⁴⁰.

Ряд авторов в качестве одного из факторов, предопределяющих рост экологической преступности в целом, отмечает достаточно низкий уровень экологической культуры в обществе⁴¹. Предупреждение экологической преступности является комплексной задачей, для решения которой необходимо применение знаний не только в области экологии и криминологии, но и таких наук, как социология и психология, поскольку в основе экологических преступлений лежит деформация экологического сознания. Эффективность предупреждения экологической преступности зависит в том числе и от принимаемых в этой связи профилактических мер⁴². В отношении организованной экологической преступности повышение экологического правосознания граждан позволит сократить круг лиц, которые могут быть вовлечены в деятельность организованных преступных сообществ.

Среди других мер следует отметить необходимость выработки единой государственной политики в сфере борьбы с организованной экологической преступностью, а также проведения криминологической экспертизы принимаемых в сфере охраны окружающей среды нормативных правовых актов, призванной выявлять возможность использования пробелов в законодательстве в целях легализации схем преступного поведения. Так, в ФРГ в течение последних трех десятилетий развивается такой специфический подход, как оценка риска по-

следствий законодательства, переносящий методику оценки рисков воздействия на окружающую среду на оценку рисков принятия новых нормативных правовых актов⁴³. В совершенствовании нуждается деятельность контрольно-надзорных органов по выявлению и пресечению данной категории преступлений.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что организованная экологическая преступность на современном этапе носит четко выраженный транснациональный характер. Эффективность борьбы с ней напрямую зависит от усилий по ее нейтрализации на всех этапах совершаемых преступлений. Важную роль здесь играет объединение усилий правоохранительных и правоприменительных органов различных государств по пресечению экологически преступного поведения, нейтрализации всех этапов реализации преступления: планирования, незаконной добычи ресурсов, транспортировки, сбыта, отмывания доходов, полученных преступным путем. Ликвидация экономической основы деятельности преступных группировок, снижение ее доходности является залогом успеха в борьбе с ней. Совершенствование международного законодательства в этой сфере позволит создать на уровне отдельных государств комплексную систему мер противодействия организованной экологической преступности и унифицировать национальные законодательные системы (терминологию, составы, а также санкции, применяемые за совершение экологических преступлений организованными группами).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. Л., Сергеева Ю. С., Шайдуллин Р. Н. Криминологическая характеристика и предупреждение коррупционной преступности как одна из проблем экологической безопасности // Вестник НЦ БЖД. — 2017. — № 1. — С. 124—130.
2. Антонов И. А., Трайко В. И., Третьяков И. Л. Экологическая преступность в России и общесоциальные меры ее профилактики // Юридическая наука и современность. — 2012. — № 7. — С. 53—61.
3. Ахмадеева Л. М. Понятие и особенности транснациональной организованной преступности в сфере экологии // Аграрное и земельное право. — 2008. — № 5. — С. 100—108.
4. Бахмудов З. Б. Проблемы латентной экологической преступности (по материалам Республики Дагестан) : дис. ... канд. юрид. наук. — Махачкала, 2006. — 174 с.

⁴⁰ См.: Комит Ф. Указ. соч. С. 32—33.

⁴¹ См.: Кравцова М. А. Указ. соч. С. 72.

⁴² См.: Лавыгина И. В. Модель экологического сознания в контексте предупреждения экологической преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 472.

⁴³ См.: Альбрехт Х.-И. Указ. соч. С. 92.

5. *Дмитренко А. П., Каблов А. М.* Уголовно-правовая охрана видов дикой фауны, находящихся под угрозой уничтожения: законодательные проблемы и возможные направления совершенствования // Вестник экономической безопасности. — 2017. — № 2. — С. 210—216.
6. *Дубовик О. Л.* Экологическая преступность в Российской Федерации: состояние, тенденции и связи с транснациональной, коррупционной и организованной преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2010. — № 1. — С. 17—29.
7. *Желваков Э. Н.* Уголовно-правовая охрана окружающей среды в Российской Федерации : в 2 ч. — М., 2002. — Ч. 1. — 122 с.
8. *Кравцова М. А.* Экологическая преступность как угроза экологической безопасности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 1 (47). — С. 72—75.
9. *Куделькин Н. С.* Юридическая ответственность за загрязнение морской среды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 27 с.
10. *Кузнецова Н. И.* Криминологическая характеристика экологической преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 2 (74). — С. 97—100.
11. *Кукушкина А. В.* Борьба с преступностью и охрана дикой фауны и флоры от незаконного оборота // Вестник МГИМО Университета. — 2011. — № 4. — С. 233—239.
12. *Курило Т. В.* Противодействие торговле редкими и вымирающими видами животных в Интернете (на примере законодательства Республики Беларусь) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминологические чтения. — 2016. — № 5 (13). — С. 81—90.
13. *Лавыгина И. В.* Модель экологического сознания в контексте предупреждения экологической преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9. — № 3. — С. 466—474.
14. *Лавыгина И. В.* Организованные формы незаконной рубки лесных насаждений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2013. — № 3. — С. 135—142.
15. *Матаева М. Х., Мукашева Н. К.* Анализ эффективности борьбы с экологическими преступлениями в Казахстане // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 3. — С. 193—199.
16. *Пилюгина Т. В., Панасенко В. П.* Экологическая безопасность региона: анализ экологической преступности, ее динамика, структура и предупреждение // Вестник КСЭИ. — 2017. — № 3 (75). — С. 69—73.
17. *Редникова Т. В.* Практика применения норм статьи 258.1 УК РФ // Союз криминалистов и криминологов. — 2017. — № 1—4. — С. 103—107.
18. *Родионов А. В.* Экологическая преступность в современной России: причины, тенденции, проблемы противодействия // Природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока — взгляд в будущее : материалы международного экологического форума (19—21 ноября 21013 г.) : в 2 т. / под ред. Т. В. Гланиной, М. И. Баумгартэна. — Кемерово, 2013. — С. 183—188.
19. *Сайгитов У. Т., Исаева А. И.* Незаконный рыбо-икорный бизнес в Дагестане. Криминологическое исследование. — Махачкала, 2002. — 68 с.
20. *Самойлова Ю. Б.* Уголовно-правовая охрана водных биологических ресурсов // Lex Russica. — 2016. — № 4 (113). — С. 105—114.
21. *Тангиев Б. Б.* Транснациональная экологическая преступность: причинный и детерминационный комплекс глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2007. — № 4 (35). — С. 131—140.
22. *Шин Г. А.* Экологическая преступность и ее предупреждение в Кыргызской Республике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Бишкек, 2013. — 23 с.
23. *Шишкина Е. А.* Международная экологическая преступность как предмет криминологического анализа // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 4 (83). — С. 248—252.
24. Экологическая преступность в Европе / сост. Ф. Коммт, Л. Кремер ; отв. ред. О. Л. Дубовик. — М. : Городец, 2010. — 352 с.
25. *Hübschle A., Faull A.* Organized environmental crimes: Trends, theory, impact and responses // South African Crime Quarterly (SACQ). — 2017. — Vol. 60 : Special Edition on Organised Environmental Crime. — P. 4.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

ORGANIZED ENVIRONMENTAL CRIME IN RUSSIA AND ABROAD: CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS AND COUNTERMEASURES

REDNIKOVA Tatiana Vladimirovna — PhD in Law, Researcher of the Ecological and Legal Studies Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
trednikova@yandex.ru
119019, Russia, Moscow, ul. Znamenka, d. 10

Abstract. *Environmental crime is a constantly evolving form of criminal activity and its danger to the public is often underestimated. Environmental crime around the world is characterized by the emergence of new forms of criminal behavior, improvement of methods of committing crimes, a steady increase in the involvement of organized criminal groups and communities in their commission. The structure and nature of environmental crime have a distinct regional character, defined by parameters such as the environment, the presence on the territory of natural resources, proximity to state borders, as well as the effectiveness of conservation and law enforcement. Organized environmental crime, along with environmental terrorism, today, poses a significant threat to national security. Its distinctive features include: the durability and stability of a criminal organization, which, from an organizational and economic point of view, in most cases effectively manages complex criminal activities and has the ability to minimize the arising risks; long-term planning activities; the involvement of physical persons and commercial structures; the creation of criminal networks. Another characteristic is its focus on the market (including illegal). The main objective of criminal groups is to make profit. Often organized crime groups engage in criminal activities in various areas, committing environmental, economic and other types of crime, while corruption is a vital feature. Transnational organized environmental criminal activity is carried out in such key areas as illegal trade in rare and endangered species of wild fauna and flora and their derivatives; illegal felling of forest plantations and the trade of illegal timber; illegal trafficking of waste and illegal transportation, storage, discharge and disposal, including the transboundary movement of hazardous wastes; illegal fishing; illegal trade in ozone-depleting substances; illicit trade in radioactive substances and the illicit dumping of radioactive waste. An important role in the fight against organized environmental crime is given to the joint efforts of the law enforcement authorities of different States to prevent environmentally criminal behavior and to neutralize all stages of the crime: planning, illegal resource extraction, transportation, distribution, laundering of proceeds of crime. The elimination of the economic basis of criminal groups, reducing its profitability is the key to success in combating it. Improvement of international legislation will make it possible to create a comprehensive system of measures against organized environmental crime at the level of individual States and to ensure harmonization of national legislative systems from the point of view of terminology, formulations, and sanctions imposed for environmental offences by organized groups.*

Keywords: *organized crime, environmental crime, flora, fauna, rare and endangered species, illegal trade, illegal logging, environment, ecological crisis.*

REFERENCES

1. Alekseev S. L., Sergeev Y. S., Shaidullin R.N. *Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie korrupcionnoy prestupnosti kak odna iz problem ekologicheskoy bezopasnosti* [Criminological characteristics and prevention of corruption crimes as one of the problems of ecological safety]. *Vestnik NTS BZHD* [Herald of the Scientific and Research Center for Health and Safety]. 2017. No. 1. Pp. 124—130.
2. Antonov I. A., Trayko V. I. Tretyakov I.L. *Ekologicheskaya prestupnost v Rossii i obshchesotsialnye mery ee profilaktiki* [Environmental crime in Russia and society-wide measures of its prevention]. *Yuridicheskaya nauka i sovremennost* [Legal science and modernity]. 2012. No. 7. Pp. 53—61.
3. Akhmadeeva L. M. *Ponyatie i osobennosti transnatsionalnoy organizovannoy prestupnosti v sfere ekologii* [Concept and characteristics of transnational organized crime in the field of ecology]. *Agrarnoe i zemelnoe pravo* [Agrarian and Land Law]. 2008. No. 5. Pp. 100—108.
4. Bakhmudov Z. B. *Problemy latentnoy ekologicheskoy prestupnosti (po materialam respubliki Dagestan)* [Problem of latent environmental crime (case study of the Republic of Dagestan)]. *Dis. ... kand. yurid. nauk* [PhD Dissertation]. Makhachkala, 2006. 174 p.

5. Dmitrenko A. P., Kablov A. M. *Ugolovno-pravovaya okhrana vidov dikoy fauny, nakhodyashchikhsya pod ugrozoy unichtozheniya: zakonodatelnye problemy i vozmozhnye napravleniya sovershenstvovaniya* [Criminal and legal protection of endangered species of wild fauna: legislative problems and possible directions of improvement]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security]. 2017. No. 2. P. 210—216.
6. Dubovik O. L. *Ekologicheskaya prestupnost v Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie, tendentsii i svyazi s transnatsionalnoy, korruptsionnoy i organizovannoy prestupnostyu* [Environmental crime in the Russian Federation: status, trends, and links to transnational corruption and organized crime]. *Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law]. 2010. No. 1. P. 17—29.
7. Zhelvakov E. N. *Ugolovno-pravovaya okhrana okruzhayushchey sredy v Rossiyskoy Federatsii* [Criminal law protection of environment in the Russian Federation]. In 2 vol. Moscow, 2002. Part 1. 122 p.
8. Kravtsova M. A. *Ekologicheskaya prestupnost kak ugroza ekologicheskoy bezopasnosti* [Environmental crime as a threat to ecological security]. *Vestnik kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia]. 2017. No. 1 (47). Pp. 72—75.
9. Kudelkin N.S. *Yuridicheskaya otvetstvennost za zagryaznenie morskoy sredy* [Legal liability for the pollution of the marine environment]. *Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Abstract of the PhD Dissertation]. Moscow, 2009. 27 p.
10. Kuznetsova N. I. *Kriminologicheskaya kharakteristika ekologicheskoy prestupnosti* [Criminological characteristics of ecological crime]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia]. 2017. No. 2 (74). P. 97—100.
11. Kukushkina A.V. *Borba s prestupnostyu i okhrana dikoy fauny i flory ot nezakonnogo oborota* [Fight against crime and protection of wild fauna and flora against trafficking]. *Vestnik MGIMO universiteta* [Bulletin of the MGIMO University]. 2011. No. 4. P. 233—239.
12. Kurilo T. V. *Protivodeystvie torgovle redkimi i vymirayushchimi vidami zhivotnykh v internete (na primere zakonodatelstva Respubliki Belarus)* [Countering the trade of rare and endangered species of animals on the Internet (case study of the legislation of the Republic of Belarus)]. *Sibirskie ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian criminal procedure and forensic reading]. 2016. No. 5 (13). P. 81—90.
13. Lavygina I. V. *Model ekologicheskogo soznaniya v kontekste preduprezhdeniya ekologicheskoy prestupnosti* [Model of environmental consciousness in the context of prevention of environmental crime]. *Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law]. 2015. Vol. 9. No. 3. P. 466—474.
14. Lavygina I. V. *Organizovannyye formy nezakonnay rubki lesnykh nasazhdeniy* [Organized forms of illegal felling of forest plantations]. *Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law]. 2013. No. 3. P. 135—142.
15. Matayeva M. H., Mukasheva N. K. *Analiz effektivnosti borby s ekologicheskimi prestupleniyami v Kazakhstane* [Analysis of the effectiveness of the fight against environmental crime in Kazakhstan]. *Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law]. 2014. No. 3. P. 193—199.
16. Pilyugina T. V., Panasenko, V. P. *Ekologicheskaya bezopasnost regiona: analiz ekologicheskoy prestupnosti, ee dinamika, struktura i preduprezhdenie* [Environmental safety of the region: analysis of environmental crime, its dynamics, structure, and prevention]. *Vestnik KSEI* [Bulletin of the Kuzbass Socio-Economic University]. 2017. No. 3 (75). P. 69—73.
17. Rednikova T. V. *Praktika primeneniya norm stati 258.1 UK RF* [Practice of application of norms of article 258.1 of Criminal Code of the Russian Federation]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov* [Union of Criminalists and Criminologists]. 2017. No. 1—4. P. 103—107.
18. Rodionov A. V. *Ekologicheskaya prestupnost v sovremennoy Rossii: prichiny, tendentsii, problemy protivodeystviya* [Environmental crime in modern Russia: causes, trends, problems of fighting]. *Prirodnye resursy sibiri i dalnego vostoka — vzglyad v budushchee: materialy mezhdunarodnogo ekologicheskogo foruma (19—21 noyabrya 21013 g.)* [Natural resources of the Siberia and the Far East — a look into the future: Proc. Int. Env. Forum (19—21 November 2013)]. In 2 vol. T. V. Glanins, M.I Baumgarten (Eds.). Kemerovo, 2013. P. 183—188.
19. Saygitov U.T., Isaeva A. I. *Nezakonnnyy rybo-ikornyy biznes v Dagestane* [Illegal fish and caviar business in Dagestan]. *Kriminologicheskoe issledovanie* [Criminological study]. Makhachkala, 2002. 68 p.

20. Samoylova Y. B. *Ugolovno-pravovaya okhrana vodnykh biologicheskikh resursov* [Criminal and legal protection of water biological resources]. Lex Russica. 2016. No. 4 (113). P. 105—114.
21. Tangiev B.B. *Transnatsionalnaya ekologicheskaya prestupnost: prichinnyy i determinatsionnyy kompleks globalizatsii* [Transnational environmental crime: causal and determinist complex of globalization]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia]. 2007. No. 4 (35). P. 131—140.
22. Shin G.A. *Ekologicheskaya prestupnost i ee preduprezhdenie v Kyrgyzskoy respublike* [Environmental crime and crime prevention in the Kyrgyz Republic] *Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Abstract of the PhD Dissertation]. Bishkek, 2013. 23 p.
23. Shishkina E. A. *Mezhdunarodnaya ekologicheskaya prestupnost kak predmet kriminologicheskogo analiza* [International environmental crime as a subject of criminological analysis]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal]. 2015. No. 4 (83). P. 248—252.
24. *Ekologicheskaya prestupnost v Evrope* [Environmental crime in Europe]. Compiled by F. Kommt, L. Kramer. Edited by O. L. Dubovik. Moscow: Gorodets, 2010. 352 p.
25. Hübschle A., Faull A. Organized environmental crimes: Trends, theory, impact and responses. *South African Crime Quarterly (SACQ)*. 2017. Vol. 60 : Special Edition on Organised Environmental Crime. P. 4.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Е. А. Антонян*

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье на основе исследования работы комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, представленной ими отчетности, изучения материалов уголовных дел рассматриваются некоторые проблемы низкой эффективности практики применения принудительных мер воспитательного воздействия, которые назначаются несовершеннолетним. Рассматривается комплекс проблем: от малоизученности семей несовершеннолетних до трудностей в определении полномочий, которыми наделяются указанные комиссии. Предлагаются некоторые варианты решения этих проблем, в том числе с учетом положительного зарубежного опыта. К сожалению, отсутствие специализированного органа, обязанного контролировать применение принудительных мер воспитательного воздействия, снижает их эффективность. Представляется, что таким органом вполне могла бы стать служба пробации. В статье обосновывается необходимость внедрения института пробации в отечественную правоохранительную практику.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, несовершеннолетние, правонарушение, преступление, антиобщественное поведение, уголовный закон, институт пробации, ограничения, причиненный вред, специализированный орган.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.112-118

Одним из видов освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности является применение к нему принудительных мер воспитательного воздействия, под которыми понимаются назначенные и приведенные в исполнение независимо от воли несовершеннолетнего регламентированные в законе меры государственного принуждения. Применены они могут быть в отношении лиц, которые не достигли 18-летнего возраста на момент их применения, за совершение преступления небольшой или средней тяжести.

Анализ применения уголовно-правовых норм показывает, что, несмотря на гуманизацию назначения уголовного наказания в отношении несовершеннолетних, которую мы наблюдаем в последние годы, лишение свободы продолжает занимать ведущее место среди всех видов уголовно-правового воздействия. В период 2010—2017 гг. в структуре назначенных видов наказаний лишение свободы составило в среднем 24 %.

Доля несовершеннолетних, на которую приходится основное количество вынесенных судами решений о назначении принудительных

© Антонян Е. А., 2018

* Антонян Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

antonaya@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

мер воспитательного воздействия, приходится на возрастную категорию 14—15 лет и составляет 65 %. И это при том, что привлеченных к ответственности в возрасте 16—17 лет в среднем в 2 раза больше, чем 14—15-летних. Однако при назначении принудительных мер воспитательного воздействия присутствует противоположная тенденция.

На основании ст. 90 Уголовного кодекса РФ в содержание указанных мер входит воздействие на подростка с помощью метода убеждения через беседы; осмысление совершенного им преступного действия через разъяснения; внушение о пересмотре поведения и несовершенности в дальнейшем противоправных или антиобщественных действий; толкование норм морали и правопослушного поведения в обществе. Таким образом, мы видим, что законодатель добивается достижения цели исключительно психолого-педагогическими методами, минуя уголовную ответственность, к которой мог бы быть привлечен несовершеннолетний.

Но насколько эффективны данные средства и сами меры в отношении некоторых категорий несовершеннолетних?

В соответствии с ч. 2 ст. 90 УК РФ к принудительным мерам воспитательного воздействия законодатель относит такие, как предупреждение, передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа, возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

При этом законодатель дает разъяснение, что предупреждение — это прежде всего разъяснение несовершеннолетнему причиненного его деянием вреда, а также последствий в случае совершения повторного преступления. Применением данной меры преследуется цель указать на правовую и морально-этическую оценку совершенного несовершеннолетним преступления, на основании чего оказывается психологическое воздействие на него.

Здесь представляется важным учитывать личность несовершеннолетнего и роль родителей (родителя) в его воспитании. Очень часто такие несовершеннолетние в итоге пополняют ряды молодых преступников и идут дальше по криминальному пути. Важно, чтобы несовершеннолетний оценил физическое назначение данной меры и возможность исправиться без изоляции от общества. От этого будет зависеть ее эффективность. Представляется, что было

бы более правильным предусмотреть применение данной меры в качестве самостоятельной к несовершеннолетнему только за впервое совершенное преступление.

О целесообразности данной меры можно говорить в том случае, если процедурно возложить обязанность на несовершеннолетнего расписаться о разъяснении ему содержания предупреждения. Это будет иметь и немаловажное психологическое значение в части проявления самостоятельности и ответственности за совершаемые им те или иные действия. При этом на судью возлагается большая ответственность за воспитательное воздействие на несовершеннолетнего в процессе вынесения такой меры.

Предупреждение можно использовать и как самостоятельную принудительную меру воспитательного воздействия, и в совокупности с другими мерами. Однако целесообразнее использовать предупреждение как самостоятельную меру лишь в случае совершения несовершеннолетним преступления небольшой тяжести, а в случае совершения преступления средней тяжести — в совокупности с иными принудительными мерами воспитательного воздействия.

Другой мерой воспитательного воздействия является передача под надзор родителей либо лиц, их заменяющих, или специализированного государственного органа. Это предполагает возложение обязанностей, связанных с воспитательным воздействием на несовершеннолетнего, а также осуществление контроля за его поведением. При этом обязанность родителей или лиц, их заменяющих, закреплена и регламентирована ст. 63 Семейного кодекса РФ. Такая передача не дает каких-либо иных прав и обязанностей родителям по отношению к несовершеннолетнему, чем те, которые предусмотрены СК РФ. Речь идет о большей обязанности родителей по контролю за поведением несовершеннолетнего и о недопущении ими, в связи с установлением повышенного контроля, создания криминогенных условий, благоприятно влияющих на совершение правонарушений.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении указывает на то, что при решении вопроса о передаче несовершеннолетнего под надзор суд должен убедиться в том, что родители или лица, их заменяющие, имеют положительное влияние на несовершеннолетнего, правильно оценивают содеянное им и могут обеспечить

его надлежащее поведение и повседневный контроль за ним¹. Нельзя не указать на то обстоятельство, что рассматриваемая мера принудительного воспитательного воздействия обладает низкой эффективностью, т.к. подросток будет находиться в той же среде, в которой находился и которая допустила или создала «благоприятные» условия совершения преступления. Родителям или лицам, их заменяющим, по сути, суд только напомнил об их обязанностях.

При применении данной меры необходимым условием должна являться проверка условий жизни несовершеннолетнего, его родителей или лиц, их заменяющих, и материальных условий обеспечения такого несовершеннолетнего, а также сбор характерологического материала в отношении родителей или лиц, их заменяющих. На сегодняшний день в случае неисполнения рассматриваемой принудительной меры воспитательного воздействия родителями или лицами, их заменяющими, в отношении последних не предусмотрена ответственность. Но также отсутствует возможность контроля и за самими родителями или лицами, их заменяющими, при исполнении рассматриваемой меры воспитательного воздействия. Поскольку на указанных лиц не возлагается дополнительная ответственность за исполнение данной меры воспитательного воздействия, а их взаимоотношения с несовершеннолетним, возможность его материального обеспечения не всегда выявляются, возникает вопрос о целесообразности и об эффективности этой меры. Представляется разумным передавать несовершеннолетнего под надзор специализированного органа, что будет более эффективно воздействовать на подростка.

УК РФ не уточняет, какой это специализированный орган, наиболее подходящими на эту роль представляются подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел или комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — КДН и ЗП), что следует из Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики

безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»² и из Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, утвержденной приказом МВД России от 15.10.2013 № 845³. Исходя из требований данной Инструкции проведение индивидуальной профилактической работы, которая проводится с несовершеннолетними, освобожденными от уголовной ответственности, поскольку к ним применяются принудительные меры воспитательного характера, возлагается на подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Пленум Верховного Суда РФ также разъяснил, что специализированными органами следует считать те, которые будут осуществлять надзор над несовершеннолетним в соответствии со ст. 90 УК РФ, а также они вправе обратиться в суд с представлением об отмене применения принудительных мер воспитательного воздействия⁴. Таким органом и является КДН и ЗП.

Надо признать, что не все субъекты системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних могут реально осуществлять надзор за рассматриваемой категорией лиц из числа несовершеннолетних. На практике давно сложилось мнение, что ведущая роль в принятии решений, например, по административным делам в отношении несовершеннолетних, принадлежит КДН и ЗП. К сожалению, говорить об эффективности деятельности КДН и ЗП в современных условиях не приходится, поскольку нет четких параметров определения полномочий, в связи с чем наблюдается дублирование полномочий других субъектов системы профилактики. Назрела острая необходимость в Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ включить в полномочия КДН и ЗП координацию деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, что заметно расширит их полномочия и определит самостоятельность.

Стоит задуматься и о принятии специального федерального закона, который бы

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (с изм. и доп. от 02.04.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

² URL: <http://www.consultant.ru>.

³ URL: <http://www.consultant.ru>.

⁴ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1.

определял статус КДН и ЗП, в частности права и обязанности лиц, входящих в состав комиссий; порядок обжалования решений, принятых ими; закрепление за ними особенностей юрисдикционной деятельности; закрепление за ними полномочий по координации взаимодействия с молодежными и другими общественными организациями, занимающимися вопросами несовершеннолетних, в том числе поднадзорных.

Изучение материалов КДН и ЗП показывает, что в большинстве случаев (до 82 %) принудительные меры воспитательного воздействия применяются в отношении несовершеннолетних из неблагополучных семей.

Под понятием «неблагополучная семья» следует понимать не только наличие лишь одного родителя или лица, его заменяющего, либо то, что в семье несовершеннолетнего один из родителей или оба ведут асоциальный образ жизни, но не лишены родительских прав, т.к. этот образ жизни носит периодический характер (например, бытовое пьянство), но и сложную психологическую обстановку из-за конфликтных отношений между родителями (например, каждый из родителей занят своей жизнью), что приводит к отверганию интересов ребенка и его проблем. Многие внутрисемейные проблемы не лежат на поверхности, поэтому назначение принудительных мер воспитательного воздействия с возложением надзора на родителей не достигнет своей цели. Данное обстоятельство — еще одно подтверждение того, что контроль за данными мерами должен исполнять только специализированный орган. Поэтому в состав КДН и ЗП должны входить не только представители подразделения по делам несовершеннолетних, но и представители территориального подразделения ФСИН, штатный юрист. Сегодня КДН и ЗП состоит из социального работника, психолога, педагога, что явно напоминает состав комиссии по социальной защите, а не правозащитный орган, который должен дать в том числе точную правовую оценку содеянному несовершеннолетним в рамках закона.

Исследованные нами документы, материалы (справки, отчеты), подготавливаемые КДН и ЗП, показали, что они имеют серьезные изъяны. Так, изучение причин и условий, которые способствовали совершению правонаруше-

ний, подменяется статистическими данными или актом обследования жилищных условий, а рекомендуемые предложения, направленные на устранение подобных отрицательных обстоятельств, просто отсутствуют; не отражается оценка степени участия в профилактической работе представителей всех заинтересованных органов, учреждений и организаций, не указываются недостатки в их работе. Все это приводит к тому, что аналитическая и информационная работа в структуре организации профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних имеет узкую специально-профилактическую направленность в сторону исправительного воздействия на уже находящихся под отрицательным воздействием неблагоприятных условий подростков, совершивших антиобщественные действия, в том числе преступления.

Загладить причиненный вред — еще одна принудительная мера воспитательного воздействия на несовершеннолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 90 УК РФ), под которой понимается устранение им вреда, который был причинен его неправомерными действиями может измеряться как в денежном, так и в ином эквиваленте.

Указанная мера носит исключительно имущественный характер и включает в себя некоторые ограничения имущественных прав самого подростка. Наложение такой обязанности предполагает учет имущественного положения несовершеннолетнего, наличие у него трудовых навыков и не ставит цели полного возмещения вреда за счет несовершеннолетнего. Особенностью данной меры является то, что она применима не к каждому несовершеннолетнему, а лишь к тем, которые достигли возраста 15 лет и имеют самостоятельный доход либо соответствующее имущество, а также обладают трудовыми навыками, позволяющими устранить причиненный вред самостоятельно.

В том случае, когда у несовершеннолетнего отсутствует возможность возместить вред в полном объеме (отсутствуют денежные средства и имущество), вред должен возмещаться родителями, усыновителями или попечителями полностью в недостающей части, если они не смогут доказать, что данный вред возник не по их вине (ч. 2 ст. 1074 Гражданско-процессуального кодекса РФ). Но, поскольку уголовный закон реализует принцип личной ответствен-

⁵ См.: Огурцов С. А. Уголовно-правовые последствия установления «возрастной невменяемости» у несовершеннолетнего // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1 (10). С. 312.

ности всех граждан, данная норма ГПК РФ неприменима к принудительным мерам воспитательного воздействия, что говорит о целесообразности указать в определении суда способ возмещения причиненного вреда и добровольное согласие родителей или лиц, их заменяющих, на частичное возмещение.

Еще одной принудительной мерой воспитательного воздействия является ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (п. «г» ч. 2 ст. 90 УК РФ), содержание которой заключается в ограждении несовершеннолетнего от микросреды, которая может отрицательно влиять на его поведение, с помощью наложения запретов на посещение определенных мест, проведение определенных видов досуга, управление механическим транспортным средством, выезд без разрешения специализированного государственного органа за пределы административно-территориальных границ проживания; с помощью ограничения пребывания в определенный период времени вне дома или доступа к определенным интернет-ресурсам⁵.

Несмотря на то что перечень ограничений может быть расширен, изученная судебная практика показывает, что в основном рассматриваемая мера заключается в запрете несовершеннолетнему находиться в определенные часы (вечерние и ночные) вне места своего проживания, более того, часто сами часовые интервалы указаны в определении суда.

При применении данной меры надо внимательно изучить личностные особенности несовершеннолетнего, его участие в факультативных занятиях в образовательном учреждении, занятия спортом в специализированных залах, спортивных клубах и другие обстоятельства, которые могут повлиять на решение о его ограничении во временных пределах. Важная роль здесь должна отводиться психологу и, может быть, его заключению. К сожалению, по разным причинам роль психолога в работе с несовершеннолетними сильно ослабела за последние годы. Сегодня остро стоит вопрос о необходимости разработки государственной программы по психологизации образовательных учреждений (не только школ), которая предусматривала бы возрождение психологической службы с психологами разных специальностей, а также других специалистов. Современная система образования должна быть наделена дополнительными функциями

в сфере воспитания молодежи и реализовывать системный подход к формированию педагогических коллективов с усилением воспитательной составляющей в этих учреждениях. Особое значение имеет внедрение актуальных психологических методик выявления групп риска (подростков со скрытой агрессией, склонных к суициду), повышение психологической подготовки учителей в общеобразовательных учреждениях.

Работа психолога должна проводиться также с родителями несовершеннолетнего, в том числе с целью выявления и анализа причин антиобщественного или преступного поведения последнего, что должно найти свое отражение в заключении психолога, которое повлияет на принятие обоснованного решения судом о применении к несовершеннолетнему конкретной принудительной меры воспитательного воздействия.

В соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ законодателем предусмотрена и более строгая принудительная мера воспитательного воздействия — помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образования несовершеннолетнего, осужденного к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, в случае освобождения его судом от наказания. Речь идет о тех подростках, которые не сумели адаптироваться в обычной школе, склонны к агрессии, асоциальному образу жизни (попрошайничество, бродяжничество), воспитываются в семьях группы риска. Помимо этих учреждений, существуют и специальные (коррекционные) учреждения для тех несовершеннолетних, которые имеют отклонения в развитии и совершили общественно опасные деяния, часто сопряженные с насилием.

В соответствии с Федеральным законом № 120-ФЗ специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа наделены следующими функциями:

1) осуществляют на основании постановления КДН и ЗП прием лиц в возрасте от 8 до 18 лет для их содержания, воспитания и обучения; а также на основании заключения психолого-медико-педагогической комиссии прием лиц, достигших возраста 14 лет, с их добровольного согласия и согласия родителей или иных законных представителей, для их содержания, воспитания и обучения. Обе эти категории нуждаются в специальном педагогическом подходе;

2) проводят психолого-педагогическую и медицинскую реабилитацию несовершеннолетних и участвуют в индивидуальной профилактической работе с ними в пределах своей компетенции;

3) осуществляют защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, их медицинское обеспечение, получение ими в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами начального общего, основного общего, среднего общего образования, среднего профессионального образования.

Данная мера является наиболее строгой по сравнению с ранее рассмотренными, поскольку предполагает определенные ограничения для несовершеннолетнего в части его нахождения в специализированном учебном заведении.

Законодательство большинства зарубежных стран не предусматривает аналогичного института принудительных мер воспитательного воздействия. Можно говорить лишь о некоторых аналогах применения мер уголовного-правового характера в случае, когда при определенных условиях законодатель предусматривает возможность избежать уголовного наказания.

Наиболее известен институт пробации, о котором мы давно говорим и внедрение которого в отечественную практику считаем необходимым. Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, впервые предусмотрено внедрение института пробации в отечественную правоохранительную практику.

Институт пробации представляет собой комплекс мер уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление, включающий в себя установление за ним надзора, внесудебное урегулирование уголовно-правовых отношений, содействие восстановлению справедливости и, конечно, проведение психолого-педагогической коррекционной работы и оказание помощи — правовой, медицинской, психологической, психотерапевтической, в трудоустройстве. Пробация предусматривает и соблюдение определенных условий, при которых данный институт может быть применим: отсутствие новых преступлений и выполнение обязанностей, указанных судом в своем решении (приговоре, постановлении); прохождение соответствующего курса лечения (от

алкоголизма, наркомании, игромании); прохождение профессионального обучения; посещение запрещенных судом мест; возмещение ущерба, причиненного противоправным поведением; сообщение суду о любом изменении места жительства, учебы и работы; явка по вызову сотрудника службы пробации. При соблюдении этих условий несовершеннолетний, совершивший противоправные действия, освобождается от уголовной ответственности и от наказания за преступление. Содержание пробации заключается в том, что на осужденного в целях его последующей реабилитации накладываются ограничения и обязанности, осуществляемые им под надзором сотрудников службы пробации. Здесь мы наблюдаем сходство с рассматриваемым нами институтом принудительных мер воспитательного характера, когда суд возлагает определенные ограничения и обязанности, исполняемые под контролем специализированного органа.

В будущем роль специализированного органа, который мы определили как КДН и ЗП, может выполнять служба пробации.

Меры, применяемые в рамках пробации, представляются эффективными, поскольку носят комплексный характер. Они позволяют осуществлять контроль, надзор, социальную, адаптационную, коррекционную психолого-педагогическую работу с несовершеннолетним, оказавшимся в ситуации уголовного преследования. Содержание рассматриваемого института фактически уже раскрыто в некоторых правовых конструкциях, к числу которых относятся и нормы уголовного законодательства о применении принудительных мер воспитательного воздействия. Эти нормативные предписания можно отнести к категории реализующих функций пробации.

В отечественной практике институт пробации может быть реализован специализированными субъектами профилактики правонарушающего поведения несовершеннолетних — как уже известными, так и новыми. Надзорная и социально-реабилитационные функции должны осуществляться ими в тесном взаимодействии между собой, с включением в эту работу общественных организаций.

Данный подход не требует кардинальных изменений в уже устоявшейся системе предупреждения преступности несовершеннолетних и поэтому является для государства экономически выгодным. Опыт зарубежного института апробации, который действует на

протяжении не одного десятка лет, доказывает его эффективность в сфере предупреждения преступности, в частности преступности несовершеннолетних и рецидивной преступности, уменьшает и предупреждает формирование криминальной активности личности и в целом способствует снижению роста преступности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боровиков С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних как альтернатива уголовному наказанию : монография. — М. : Юрлитинформ, 2009.
2. Исправительное воздействие на осужденных : учебное пособие / под ред. Е. А. Антонян. — М. : Проспект, 2018.
3. Каноква Л. Ю. Принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 16. — С. 121—124.
4. Шиловская А. И. Принудительные меры воспитательного воздействия: оценка состояния и перспективы развития. — М., 2009.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

ENFORCEMENT MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE: PROBLEMS OF IMPOSITION AND APPLICATION

ANTONYAN Elena Aleksandrovna — Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
antonyaa@yandex.ru.
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article is based on the study of the work of Commission on Minor's Affairs and protection of their rights, the submitted accounts and records, and criminal cases. The author examines some of the problems of the low efficiency of the practice of application of forced measures of educational influence, which are imposed on the minors. The article examines a complex of problems: from the poorly studied families of minors to difficulties in defining the powers conferred upon these commissions. The author suggests some solutions to these problems, including taking into account positive foreign experience. Unfortunately, the lack of specialized bodies, obliged to monitor the imposition of enforcement measures of educational influence, reduces their effectiveness. It appears that such a body might well be the probation service. The article substantiates the necessity of introduction of the probation Institute into the domestic law enforcement practice.*

Keywords: *enforcement measures of educational influence, minors, offense, crime, antisocial behavior, criminal law, institution of probation, restrictions, damages, specialized body.*

REFERENCES

1. Borovikov S. A. *Prinuditelnye mery vospitatelnogo vozdeystviya v otnoshenii nesovershennoletnikh kak alternativa ugovolnomu nakazaniyu* [Enforcement measures of educational influence concerning minors as alternative to criminal punishment] Monografiya [Monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2009.
2. *Ispravitelnoe vozdeystvie na osuzhdennykh* [Correctional impact on the convicts] Uchebnoe posobie [Textbook]. Edited by E.A. Antonyan. Moscow: Prospekt Publ., 2018.
3. Kanokova L.Yu. *Prinuditelnye mery vospitatelnogo vozdeystviya, primenyaemye k nesovershennoletnim* [Enforcement measures of educational influence applied to the minors]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2015. No. 16. P. 121—124.
4. Shilovskaya A. I. *Prinuditelnye mery vospitatelnogo vozdeystviya: otsenka sostoyaniya i perspektivy razvitiya* [Enforcement measures of educational influence: assessment of the status and prospects of development]. Moscow, 2009.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

А. В. Кокурин*,
В. Е. Петров**

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ГОТОВНОСТЬ К НЕСЕНИЮ СЛУЖБЫ С ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ

Аннотация. В статье анализируются особенности личности и профессионально важных качеств 3 518 военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, допущенных к несению службы с огнестрельным оружием. В исследовании сопоставлялись группы успешных (934 чел.) и неуспешных (420 чел.) с точки зрения обеспечения надежности деятельности сотрудников. Были выявлены такие личностные предикторы успешности несения службы с огнестрельным оружием, как: самоконтроль, социальный интеллект, прагматизм, ответственность, агрессивность, склонность к риску, ригидность, склонность к конфликту. Именно на эти психологические характеристики необходимо делать акцент при вынесении решения о закреплении табельного оружия за представителями силовых ведомств. Проведенный анализ важен для совершенствования диагностической и профилактической работы с личным составом.

Ключевые слова: профессиональная психологическая пригодность, предикторы успешности, несение службы с оружием, профессионально важные качества, личность военнослужащего, личность сотрудника правоохранительных органов.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128

© Кокурин А. В., Петров В. Е., 2018

* Кокурин Алексей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

kokurin1@bk.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

** Петров Владислав Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Военного университета

v.e.petrov@yandex.ru

127282, Россия, г. Москва, Заревый проезд, д. 1, корп. 1, кв. 225

Особенностью деятельности представителей силовых ведомств (военнослужащие Минобороны России и Росгвардии, сотрудники полиции, пенитенциарных учреждений¹, Следственного комитета и иных правоохранительных органов; далее — «сотрудники»), выполняющих профессиональные задачи в штатных и экстремальных условиях, является несение службы с огнестрельным оружием. В большинстве случаев такая деятельность протекает в режиме чрезвычайно высокого физического и психологического напряжения. Служебные (в том числе учебно-боевые, боевые или штатные) задачи выполняются личным составом постоянно, в любых условиях жизнедеятельности, под воздействием широкого спектра экстремальных факторов — угрозы жизни и здоровью, внезапности, высокой вероятности возникновения непредвиденных событий и ситуаций. В определенных ситуациях законом предусмотрено и прогнозируемо использование сотрудниками огнестрельного оружия и специальных средств.

Профессиональная деятельность, осуществляемая сотрудниками в любых условиях, а не только в экстремальных, требует от них знания о правомерности использования огнестрельного оружия и предельной собранности, мобилизованности, бдительности, ответственности, умения прогнозировать развитие событий, уверенности, уравновешенности² и т.п. Объективно осложненные условия профессиональной деятельности выводят на первый план психологические особенности личности субъекта труда, обуславливающие надежность несения службы с оружием. Ученые и специалисты полагают, что в наиболее общем виде в критических ситуациях правоохранения оказываются востребованными особые психологические и психофизиологические качества, например самоконтроль, воля, дисциплинированность, психоэмоциональная устойчивость,

быстрая психомоторная реакция. Справедливо считается, что залогом успеха выполнения сотрудником служебных задач будут разумная осторожность, осмотрительность, умение прогнозировать поведение противника и превосходить его в противодействии³.

Проблема использования огнестрельного оружия имеет множество аспектов, касающихся не только физической и специальной подготовки, но и психологической культуры сотрудников, мировоззрения и правосознания. К сожалению, девиации и деструкции поведения личного состава, эксцессы и профессиональный стресс являются типичными для рассматриваемого рода деятельности представителей силовых ведомств. В качестве примеров критических инцидентов в экстремальных ситуациях правоохранения можно назвать: применение огнестрельного оружия на поражение; гибель сослуживцев и гражданских лиц, а также возникновение специфических происшествий среди личного состава — неправомерное использование табельного огнестрельного оружия; утрата оружия; несчастные случаи (ранения, гибель) в результате неосторожного обращения с оружием; совершение самоубийств с использованием огнестрельного оружия. Хотя оружие и предстает как источник повышенной опасности, сотрудники, несущие службу с оружием, при этом рассматриваются не как сверхлюди (экстраординарные личности), занятые обычным делом, а как обычные люди, выполняющие экстремальную работу. Подобный подход позволяет делать акцент на личностных особенностях сотрудников с позиции диагностики, учета, развития, коррекции и т.п.

В качестве важнейшего направления обеспечения надежного и безопасного несения службы с огнестрельным оружием следует рассматривать профессиональный психологический отбор при приеме кандидатов на служ-

¹ Бовин Б. Г., Казберов П. Н., Кокурин А. В., Красов Д. А. Прогнозирование профессиональной успешности сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний России // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 72—85 ; Казберов П. Н., Кокурин А. В., Красов Д. А., Мокрецов А. И., Матвеева И. А. Состояние психологического обеспечения деятельности отделов специального назначения, управлений (отделов) по конвоированию, отделов охраны исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России : аналитический обзор / ФКУ НИИ ФСИН России. М., 2008.

² Петров В. Е., Кокурин А. В. Оценка межличностной совместимости военнослужащих на основе изучения иерархии качеств личности // Психология и право. 2018. Т. 8. № 1. С. 110—118.

³ Экстремальная психология в особых условиях деятельности / Б. Г. Бовин, М. И. Марьин, А. В. Кокурин, А. М. Раков, Ю. В. Славинская, Е. А. Киселева, А. А. Васищев, В. И. Морозов, В. И. Дутов, Д. А. Красов, А. И. Мокрецов ; ФКУ НИИ ФСИН России. М., 2015.

бу, а также изучение их личности в процессе прохождения службы (в том числе при допуске к выполнению профессиональных задач с оружием, например, при проведении учебных стрельб, охране общественного порядка, несении караульной службы и т.п.). В прогнозировании надежности несения службы с оружием особая роль отводится профессиональной психологической пригодности сотрудников, что рассматривается как совокупность психофизиологических и психологических особенностей индивида, а также паттерн личностных качеств, необходимых и достаточных для успешного осуществления деятельности в особых условиях правоохранения.

Важно подчеркнуть то, что профессиональная пригодность к тому или иному виду деятельности не свойственна кандидату на службу априори, она формируется в процессе профориентационной работы, специальной профессиональной подготовки, жизнедеятельности и трудовой деятельности в целом. Для силовых ведомств характерно первоочередное влияние на профпригодность их сотрудников мотивационного фактора. Действительно, осознание социальной (общественной) значимости службы, система материальных и моральных стимулов, гордость за совершаемые поступки, удовлетворение, получаемое от служения обществу, закону и Отечеству, придают сотруднику дополнительный вектор самосовершенствования. Иницируется развитие профессионально важных качеств в достаточно широком диапазоне и по отношению к различным ситуациям правоохранения. Однако профессиональная пригодность, например, к управленческой деятельности или общению с несовершеннолетними правонарушителями отлична от потенциальных характеристик личности сотрудников, привлекаемых к выполнению задач с огнестрельным оружием. Требования к личности у спасателей и сотрудников силовых ведомств существенно разнятся. В контексте готовности сотрудников к несению службы с огнестрельным оружием профессионально важные качества еще более специфичны.

В рамках профессио- и психографии при изучении особенностей деятельности представителей силовых ведомств устанавливается, какие качества личности имеют значение для выполнения тех или иных профессиональных

функций в сфере правоохранения, оказывают положительное или отрицательное влияние на их психологическую готовность и профессиональную надежность при несении службы с оружием. В наиболее общем виде можно утверждать, что, сопоставляя личностные особенности сотрудника с требованиями конкретной служебной деятельности, можно прогнозировать ее успешность. Тезис справедлив и по отношению к надежности несения службы с оружием.

Характеризуя экстремальные условия деятельности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, следует отметить широкую генерализацию таких факторов, как: опасность для жизни и здоровья, новизна и высокая динамика изменения оперативной обстановки, неопределенность, высокий темп профессиональных действий, временной дефицит, психотравмирующее воздействие на личность при восприятии происходящего (трупы, разрушения и т.п.), избыток негативной и недостаток необходимой информации, повышенное физическое и психическое утомление. Успешность профессиональной деятельности под воздействием подобных факторов требует от сотрудников наличия специфических психологических качеств, которые выступают как профессионально важные. Для представителей профессий особого риска это прежде всего целеустремленность, активность, организованность, самостоятельность, настойчивость, упорство, смелость, устойчивость к риску, опасности и неудачам, способность к самомотивации, терпение, высокая работоспособность, сдержанность, уравновешенность, самообладание, уверенность в себе, умение выполнять несколько совмещенных по времени действий, готовность к принятию нестандартных решений, способность действовать в условиях дефицита времени, психического перенапряжения и навязанного темпа работы, высокие способности к адаптации⁴.

Предметом современных исследований в области психологии труда правоохранительных органов и юридической психологии, военной психологии является изучение, описание и систематизация различных видов профессиональной деятельности с точки зрения требований, предъявляемых ими к субъекту труда. Огромный научный и практический

⁴ Котенев И. О. Психологические последствия воздействия чрезвычайных обстоятельств на личный состав органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994. 24 с.

интерес имеет проблема установления профессионально важных качеств сотрудников, детерминирующих надежность несения службы с огнестрельным оружием. Именно на изучение таких характеристик личности и было направлено проведенное нами научное исследование.

Проведя контент-анализ специальной литературы⁵, учитывая материалы 3 518 психодиагностических обследований различных категорий личного состава (2 040 сотрудников ОВД, 1 478 военнослужащих, в том числе успешных и неуспешных с точки зрения несения службы с огнестрельным оружием), мы выделили базовый паттерн индивидуально-психологических особенностей личности сотрудников, на который следует обратить внимание ведомственных психологов при вынесении решения о допуске личного состава к службе с оружием.

Рекомендуемый экспертами (учеными, организаторами и практиками) спектр психологических характеристик оказался достаточно широким и затрагивал различные сферы личности. Для уточнения перечня профессионально важных качеств личности сотрудников, надежно исполняющих обязанности при несении службы с оружием, было реализовано психодиагностическое обследование в двух контрастных (по степени успешности несения службы с огнестрельным оружием) группах.

Сравнительный анализ степени выраженности личностных характеристик в контрастных выборках проводился с помощью батареи следующих *диагностических методик*:

1. Методика «Социальный интеллект» (Дж. Гилфорд; адаптация Е. С. Михайловой) определяет некоторые характеристики интеллектуально-познавательной сферы личности⁶. В контексте нашего исследования акцент делался на интегральном параметре — степени

выраженности у сотрудников социального интеллекта.

2. Опросник волевого самоконтроля (ВСК; А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман), направлен на оценку уровня развития волевой регуляции поведения, т.е. меры управления сотрудником индивидуальным поведением в различных жизненных ситуациях⁷. Интегральный показатель уровня волевого самоконтроля определялся через такие характеристики (субшкалы), как настойчивость и самообладание.

3. Опросник ВРАQ (Buss-Perry Aggression Questionnaire, А. Басс и М. Пери; адаптация С. Н. Ениколопова и Н. П. Цибульского) определяет степень склонности человека к агрессии на основе ее трехфакторной структуры⁸. Диагностически значимыми выступают следующие шкалы: склонность к физической агрессии, к гневу и к враждебности.

4. Методика «Исследование склонности к риску» (А. Г. Шмелёв) предназначена для оценки склонности человека к риску и авантюризму⁹. Диагностика степени выраженности склонности сотрудника к риску актуальна для психологического прогнозирования качества процессов принятия решений в ситуациях с неопределенным исходом.

5. Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению (К. Томас; адаптация Н. В. Гришиной). Среди пяти базовых стилей поведения в конфликте (конкуренция, приспособление, компромисс, избегание, сотрудничество) в настоящем исследовании нами учитывалась шкала «соревнование» («конкуренция»), т.е. стремление индивида добиться удовлетворения значимых для личности интересов в ущерб окружающим.

6. Калифорнийский психологический опросник (California Psychological Inventory, CPI, Harrison G. Gough; адаптация Н. А. Графининой

⁵ Караяни А. Г. Психологическая работа в боевой обстановке : практич. пособие. Самара, 1997. 100 с. ; Папкин А. И., Зотов А. Т. Профилактика гибели и ранений сотрудников органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей : практич. пособие. Домодедово : ВИПК МВД России, 2001. 288 с. ; Смирнов В. Н. Профессионально-психологическое обеспечение деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях : учеб.-метод. пособие. Домодедово : ВИПК МВД России, 2003. 200 с.

⁶ Михайлова Е. С. Социальный интеллект: концепции, модели, диагностика. СПб., 2007.

⁷ Зверков А. Г., Эйдман Е. В. Диагностика волевого самоконтроля: опросник ВСК // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / под ред. С. Р. Пантеева. М. : МГУ, 1990. С. 116—126.

⁸ Ениколопов С. Н., Цибульский Н. П. Методики диагностики агрессии // Психологическая диагностика. 2007. № 3. С. 41—72.

⁹ Шмелёв А. Г. Диагностика склонности к риску // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / под ред. С. Р. Пантеева. М. : МГУ, 1990. С. 129—138.

и Н. В. Тарабриной). Многопараметрический опросник, диагностирующий 36 ведущих черт личности¹⁰, позволил нам оценить степень выраженности психологических характеристик, потенциально детерминирующих успешность поведения специалистов в экстремальных ситуациях, — «Ответственность», «Рациональность» (прагматизм), «Гибкость», «Дружелюбие» и др.

Средняя продолжительность психологического обследования батареей из шести методик составила 175 минут; психодиагностические материалы обрабатывались в соответствии с инструкциями и алгоритмами к со-

ответствующим методикам. Для обеспечения сопоставимости результатов все диагностические данные были представлены в шкале стэн (см. таблицу). Среди 3 518 испытуемых методом экспертного опроса были сформированы две контрастные группы: 1) успешные сотрудники (934 чел.); 2) неуспешные сотрудники (420 чел.). Математико-статистическая обработка данных осуществлялась в пакете статистических программ SPSS 13.0 for Windows. Поскольку распределения диагностических показателей в обеих группах оказались близкими к нормальному, для оценки степени различий нами применялся t-критерий Стьюдента.

Результаты сравнительного анализа качеств личности сотрудников различной степени успешности несения службы с оружием

№ п/п	КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ	ЗНАЧЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ				t-КРИТЕРИЙ
		Успешные сотрудники		Неуспешные сотрудники		
		Хср	s	Хср	s	
1	Самоконтроль (опросник ВСК)	8,60	2,60	8,02	2,71	3,6887**
2	Самоконтроль (опросник CPI)	7,19	1,68	6,44	1,75	7,3851**
3	Ответственность (опросник CPI)	8,11	2,03	7,50	2,55	4,3248**
4	Социальный интеллект (методика Дж. Гилфорда)	7,28	3,14	6,77	3,06	2,8138*
5	Прагматизм (опросник CPI)	5,23	2,70	4,84	2,51	2,5825*
6	Агрессивность (опросник ВРАQ)	3,24	2,98	4,06	2,75	4,9435**
7	Ригидность (опросник CPI)	4,35	2,74	5,10	2,84	4,5440**
8	Дружелюбие (опросник CPI)	6,41	2,16	5,84	3,10	3,4140**
9	Склонность к конфликту (методика К. Томаса)	4,86	3,51	5,43	3,08	3,0135*
10	Склонность к риску (методика «Исследование склонности к риску»)	3,49	3,88	4,12	3,47	2,9769*

Примечание: все показатели приведены к шкале стэн;

* — значимость на уровне 0,01 (2,58);

** — значимость на уровне 0,001 (3,29).

Согласно полученным эмпирическим данным статистически значимые различия между успешными и неуспешными (с точки зрения

надежности несения службы с огнестрельным оружием) сотрудниками отмечены по 8 параметрам. На уровне диагностических инди-

¹⁰ Тарабрина Н. В., Графинина Н. А. Новый вариант Калифорнийского психологического опросника // Методики анализа и контроля трудовой деятельности и функциональных состояний. М., 1992. С. 250—261.

каторов среди них присутствуют как психологические характеристики, обеспечивающие надежность несения службы с огнестрельным оружием, так и психологические характеристики, потенцирующие чрезвычайные происшествия с сотрудниками.

К группе индивидуально-психологических особенностей, обеспечивающих надежность несения службы с оружием, относятся:

1. **Самоконтроль** — это характеристика сотрудника, определяющая его способность контролировать собственные мысли, эмоции, поведение в различных профессиональных ситуациях, а при наличии противоречий жизнедеятельности самоконтроль предстает как волевая регуляция индивидуального поведения и подчинение его профессионально целесообразному, необходимому и дозволенному. Проявление самоконтроля определяется требованиями общества, закона и профессии к поведению сотрудника. Формирование произвольной саморегуляции предполагает возможность сотрудника осознавать и контролировать ситуацию (в том числе в критических ситуациях, связанных с применением оружия). Самоконтроль предполагает наличие нормо-эталона и возможности получения сведений о контролируемых профессиональных действиях и состояниях, что составляет основу самообладания. Самоконтроль выражается в умении сдерживать собственные эмоции и чувства, а также в недопущении импульсивных и недостаточно обоснованных профессиональных действий, в умении контролировать свое поведение, в том числе при несении службы с оружием.

2. **Ответственность** — это одна из характеристик зрелой и самодостаточной личности, описывающая способность сотрудника соотносить желаемое с формами индивидуальных поступков и готовностью принять их последствия как неизбежные свершившиеся факты. По своей психологической сути ответственность предстает как особое соотношение между профессиональными поступками человека, его установками и намерениями, а также контролем и оценками этих действий коллегами, руководителями, гражданами или обществом в целом. Одной из частных форм ответственности является социальная, позиционируемая как склонность сотрудника вести себя в соответствии с интересами службы или требованиями должностных лиц, исполнять ролевые (профессиональные) обязанности, а не действия в узкоэгоистических интересах.

Наиболее ярко ответственность проявляется через локус контроля, т.е. через склонность сотрудника видеть причины происходящих с ним событий либо в себе самом, либо во внешних факторах. Следует отметить, что довольно широкий спектр научных исследований посвящен атрибуции приписывания ответственности за исход разных событий тем или иным факторам. Таким образом, осуществляемый в различных формах внутренний или внешний контроль над деятельностью отражает социальное, морально-правовое отношение к обществу, выражающееся в выполнении принятых нравственных и правовых норм и правил, своего долга, ответственности за использование огнестрельного оружия.

3. **Социальный интеллект**. Известно, что изначально социальный интеллект понимали как восприимчивость и проницательность в социальном взаимодействии, как компетентность, которую демонстрирует индивид при разрешении различных жизненных и профессиональных проблем. В подходе Кантора и Килстрона анализируются Я-схемы, социальные знания и стратегии, используемые индивидом для решения всевозможных жизненных задач, т.е. для достижения значимых жизненных целей, организующих когнитивную деятельность и поведение в длительные, экстремальные периоды времени. Я-схемы позволяют успешно интерпретировать события, оперативно адаптироваться и принимать решения, значимые для деятельности сотрудника. Удачные стратегии решения задач позволяют гибко реагировать на различные экстремальные ситуации. Жизненные и повседневные задачи — это условия, в которых люди (сотрудники) объединяют знания и стратегии для достижения поставленных целей. С этой точки зрения социальный интеллект отражается в способности сотрудника адаптировать свое поведение так, чтобы, стремясь к решению задач правоохранения, максимально эффективно учитывать и использовать текущую ситуацию. По отношению к несению службы с оружием востребованность социального интеллекта была и остается очень высокой.

4. **Прагматизм** позиционируется как свойство личности, которое рассматривает сознание в качестве средства приспособления организма к среде для успешной деятельности. Основная функция познавательных (мыслительных) процессов, согласно концепции прагматизма, заключается не в гностике, а в прео-

долении сомнения, являющегося помехой для действия, в выборе средств для достижения цели (т.е. применение оружия должно определяться необходимостью достижения цели правоохранения). Таким образом, критерием истинности мышления для сотрудника-прагматика является полезность и результативность профессиональных действий.

К группе индивидуально-психологических особенностей, потенцирующих чрезвычайные происшествия при несении службы с огнестрельным оружием, относятся:

1. *Агрессивность* — это устойчивая характеристика личности, выражающаяся в склонности сотрудника к предпочтению использовать насильственные методы для достижения профессиональных или личностно значимых целей, проявляющаяся в явном пренебрежении интересами окружающих, злобе, ненависти, недовольстве, грубости или хамстве. На обыденном уровне слово «агрессия» означает множество разнообразных действий, которые нарушают физическую или психическую целостность другого человека (или группы людей), наносят ему какой-либо вред (ущерб), препятствуют осуществлению намерений окружающих, противодействуют их интересам или же ведут к их физическому уничтожению. Такого рода антисоциальный оттенок заставляет относить к одной и той же категории столь различные явления, как ссоры и войны, упреки и убийство. Мотивационно-психологический анализ деятельности предполагает не только фенотипическую, но и генотипическую дифференциацию этих явлений. Однако когда речь идет об агрессивных действиях сотрудников, несущих службу с огнестрельным оружием, выяснение условий их совершения представляет собой особо сложную задачу. Как и в случае других социальных мотиваций, представитель силовых ведомств, совершая агрессивное действие, как правило, не просто реагирует на какую-либо особенность ситуации, но оказывается включенным в сложную предысторию развития событий, что заставляет его оценивать намерения других людей (противника, преступников и т.п.) и последствия профессиональных действий. Агрессия может проявляться как в латентной, так и открытой формах, быть как вне- (например, убийство сослуживцев), так и аутонаправленной (например, самоубийство с применением оружия).

2. *Склонность к риску* — это характеристика личности, связанная со склонностью

сотрудника не учитывать все обстоятельства происходящего, с ориентацией и смещением акцента с рационального и прогностически выверенного на «авось» и авантюризм. В психологии труда понятие риска раскрывается преимущественно в аспекте принятия риска — активного предпочтения субъектом опасного варианта профессионального действия менее безопасному. Разумеется, всякое применение огнестрельного оружия связано с оперативной оценкой сотрудником последствий совершаемых действий. Возникает трудноразрешимая для сотрудника дилемма «риск — социальные последствия», решение которой индивидуально значимо, в том числе с позиций обеспечения личной безопасности, безопасности окружающих и общества в целом.

3. *Склонность к конфликту* — это форма направленности поведения индивида, выражающаяся и проявляющаяся в неосознанном или осознанном стремлении создать конфликтную ситуацию в межличностных отношениях с окружающими. К сожалению, в качестве средства разрешения межличностного (впрочем, как и внутриличностного) конфликта сотрудник может выбрать использование огнестрельного оружия (в качестве средства угрозы или физического воздействия на другую сторону).

4. *Ригидность*. В некоторых случаях у сотрудника бывает выражена такая особенность личности, как упрямство, которая является своеобразием волевой сферы индивида, проявляющейся в стремлении непременно поступать по-своему, вопреки разумным доводам, просьбам, советам или указаниям других людей (сослуживцев, руководителей, граждан и т.п.). По сути, это поведение, связанное с противодействием требованиям окружающих, обращенных к сотруднику. При этом поведение сотрудника переходит из предметного в межличностный план, что получает поддержку от мотивов самоутверждения. Ригидность может детерминироваться чувствами зависти, злобы, гнева, мести, обиды, что в сочетании с властными полномочиями и обладанием огнестрельным оружием выступает потенциалом совершения разного рода делинквентных действий.

Таким образом, военнослужащий или сотрудник правоохранительных органов для выполнения профессиональной деятельности при несении службы с огнестрельным оружием должен обладать такими базовыми профес-

сионально важными качествами, как: самоконтроль, социальный интеллект, прагматизм, ответственность. Потенцируют девиации поведения следующие характеристики: агрессивность, склонность к риску и конфликту, ригидность. Влияют на безопасность несения службы с оружием также целеустремленность, настойчивость, смелость, активность, самоорганизованность, самостоятельность, устойчивость к неудачам, способность к самомотивации, уравновешенность, умение выполнять

несколько совмещенных по времени действий, способность действовать в условиях дефицита времени, психического перенапряжения и навязанного темпа работы, высокий адаптационный потенциал. Именно на эти психологические характеристики необходимо делать акцент при вынесении решения о закреплении табельного оружия за представителями силовых ведомств. Проведенный анализ актуален для совершенствования диагностической и профилактической работы с личным составом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бовин Б. Г., Казберов П. Н., Кокурин А. В., Красов Д. А. Прогнозирование профессиональной успешности сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний России // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 3. — С. 72—85.
2. Ениколопов С. Н., Цибульский Н. П. Методики диагностики агрессии // Психологическая диагностика. — 2007. — № 3. — С. 41—72.
3. Зверков А. Г., Эйдман Е. В. Диагностика волевого самоконтроля: опросник ВСК // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / под ред. С. Р. Панталева. — М.: МГУ, 1990. — С. 116—126.
4. Казберов П. Н., Кокурин А. В., Красов Д. А., Мокрецов А. И., Матвеева И. А. Состояние психологического обеспечения деятельности отделов специального назначения, управлений (отделов) по конвоированию, отделов охраны исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России: аналитический обзор / ФКУ НИИ ФСИН России. — М., 2008.
5. Караяни А. Г. Психологическая работа в боевой обстановке: практическое пособие. — Самара, 1997. — 100 с.
6. Котенев И. О. Психологические последствия воздействия чрезвычайных обстоятельств на личный состав органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1994. — 24 с.
7. Михайлова Е. С. Социальный интеллект: концепции, модели, диагностика. — СПб.: СПбУ, 2007.
8. Папкин А. И., Зотов А. Т. Профилактика гибели и ранений сотрудников органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей: практическое пособие. — Домодедово: ВИПК МВД России, 2001. — 288 с.
9. Петров В. Е., Кокурин А. В. Оценка межличностной совместимости военнослужащих на основе изучения иерархии качеств личности // Психология и право. — 2018. — Т. 8. — № 1. — С. 110—118.
10. Смирнов В. Н. Профессионально-психологическое обеспечение деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях: учебно-методическое пособие. — Домодедово: ВИПК МВД России, 2003. — 200 с.
11. Тарабрина Н. В., Графинина Н. А. Новый вариант Калифорнийского психологического опросника // Методики анализа и контроля трудовой деятельности и функциональных состояний. — М., 1992. — С. 250—261.
12. Шмелёв А. Г. Диагностика склонности к риску // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / под ред. С. Р. Панталева. — М.: МГУ, 1990. — С. 129—138.
13. Экстремальная психология в особых условиях деятельности / Б. Г. Бовин, М. И. Марьин, А. В. Кокурин, А. М. Раков, Ю. В. Славинская, Е. А. Киселева, А. А. Васищев, В. И. Морозов, В. И. Дутов, Д. А. Красов, А. И. Мокрецов; ФКУ НИИ ФСИН России. — М., 2015.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

PERSONAL CHARACTERISTICS OF MILITARY PERSONNEL AND LAW ENFORCEMENT OFFICERS THAT DETERMINE PSYCHOLOGICAL READINESS FOR DUTY WITH FIREARM

KOKURIN Aleksey Vladimirovich — PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
kokurin1@bk.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

PETROV Vladislav Evgenyevich — PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology of the Military University
v.e.petrov@yandex.ru
127282, Russia, Moscow, Zarevy proezd, d. 1, korp. 1, kv. 225

Abstract. The article analyzes the peculiarities of personality and professionally important qualities of 3 518 military personnel and law enforcement officers admitted to the service with firearms. The study compared groups of successful (934 people) and unsuccessful (420 people) employees from the point of view of their reliability. The authors have revealed such personal predictors of success for duty with a firearm as self-control, social intelligence, pragmatism, responsibility, aggressiveness, risk tolerance, rigidity, the tendency to conflict. It is these psychological characteristics that are important to take into account when making decisions about securing service weapons for law enforcement agencies. The analysis is important for improving diagnostic and preventive work with staff.

Keywords: professional psychological suitability, predictors of success, performance of duty with a weapon, professionally important qualities, personality of the soldier, identity of a law enforcement officer.

REFERENCES

1. Bovin B.G., Kazberov P.N., Kokurin A.V., Krasov D. A. *Prognozirovanie professionalnoy uspešnosti sotrudnikov podrazdeleniy okhrany federalnoy sluzhby ispolneniya nakazaniy Rossii* [Prediction of professional success of the employees of the guard units of the Russian Federal Enforcement Service]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Journal of Applied Legal Psychology]. 2009. No. 3. P. 72—85.
2. Enikolopov S.N., Tsybul'skiy N. P. *Metodiki diagnostiki agressii* [Methods of diagnosis of aggression]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics]. 2007. No. 3. P. 41—72.
3. Zverkov A.G., Eydman E. V. *Diagnostika volevogo samokontrolya: oprosnik VSK* [Diagnostics of volitional self-control: the VSK questionnaire]. *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii* [Workshop on psychological diagnostics. Psychodiagnosics of motivation and self-regulation]. Ed. by S. R. Pantileev. Moscow : Moscow State University, 1990. P. 116—126.
4. Kazberov P. N., Kokurin A.V. Krasov D. A., Mokretsov A. I., Matveeva I. A. *Sostoyanie psikhologicheskogo obespecheniya deyatel'nosti otdelov spetsial'nogo naznacheniya, upravleniy (otdelov) po konvoirovaniyu, otdelov okhrany ispravitel'nykh uchrezhdeniy i sledstvennykh izolyatorov FSIN Rossii. Analiticheskiy obzor* [A state of psychological support of activity of divisions of a special purpose offices (departments) escort, safety departments of correctional institutions and detention facilities of the FSIN of Russia. Analytical review]. *FKU NII FSIN Rossii* [Research Institute of the Russian Federal Enforcement Service]. Moscow, 2008.
5. Karayani A. G. *Psikhologicheskaya rabota v boevoy obstanovke: prakticheskoe posobie*. [Psychological work in a combat situation: practical guide]. Samara, 1997. 100 p.
6. Kotenev I.O. *Psikhologicheskie posledstviya vozdeystviya chrezvychaynykh obstoyatelstv na lichnyy sostav organov vnutrennikh del* [Psychological effects of emergencies on the Internal Affairs personnel]. *Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk.* [Abstract of the PhD Dissertation]. Moscow, 1994. 24 p.
7. Mikhailova E. S. *Sotsialnyy intellekt: kontseptsii, modeli, diagnostika* [Social intelligence: concepts, models, diagnostics]. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2007.
8. Papkin A.I., Zotov A.T. *Profilaktika gibeli i raneniy sotrudnikov organov vnutrennikh del pri ispolnenii sluzhebnykh obyazannostey: prakticheskoe posobie* [Prevention of death and injuries of the Internal Affairs

- employees during performance of official duties: practical guide]. Domodedovo: All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2001. 288 p.
9. Petrov V.E., Kokurin A.V. *Otsenka mezhlichnostnoy sovmestimosti voennosluzhashchikh na osnove izucheniya ierarkhii kachestv lichnosti* [Assessment of interpersonal compatibility of military personnel based on the study of the hierarchy of qualities of the personality]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law]. 2018. Vol. 8. No. 1. P. 110—118.
 10. Smirnov V. N. *Professionalno-psikhologicheskoe obespechenie deyatel'nosti sotrudnikov OVD v ekstremal'nykh usloviyakh* [Professional psychological maintenance of activity of police officers in extreme conditions]. *Uchebno-metodicheskoe posobie* [Tutorial]. Domodedovo: All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2003. 200 p.
 11. Tarabrina N. V., Grafina N. A. *Novyy variant kaliforniyskogo psikhologicheskogo oprosnika* [A new version of the California psychological questionnaire]. *Metodiki analiza i kontrolya trudovoy deyatel'nosti i funktsionalnykh sostoyaniy* [Methods of analysis and control of labor activities and functional States]. Moscow, 1992. P. 250—261.
 12. Shmelev A.G. *Diagnostika sklonnosti k risku* [Diagnostics of the risk appetite]. *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii* [Workshop on psychological diagnostics. Psychodiagnosics motivation and self-regulation]. Ed. by S. R. Pantileev. Moscow : Moscow State University, 1990. P. 129 — 138.
 13. *Ekstremalnaya psikhologiya v osobykh usloviyakh deyatel'nosti* [Extreme psychology in the special conditions of activities]. B. G. Bovin, M.I. Marin, A. V. Kokurin, A. M. Rakov, V. Slavinskaya, E. A. Kiseleva, A. A. Vasysheve, V. I. Morozov, V. I. Dutov, D. A. Krasov, A.I. Mokretsov ; Research Institute of the Russian Federal Enforcement Service. Moscow, 2015.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ БЫТОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С. Я. Саламова*

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация. Статья посвящена актуальной для современной России проблеме — домашнему насилию, которое подрывает основы жизнедеятельности не только семьи, но и социальной, национально-государственной безопасности общества. Рассматривается понятие домашнего насилия в отношении женщин, дается его авторское определение. Приводится развернутая характеристика видов насилия в семье, а также определяется круг жертв такого насилия. Отмечается, что домашнее насилие отличается от других видов насилия тем, что обидчик и жертва связаны родственными или иными близкими отношениями. Это усугубляет психологическую травму, получаемую жертвой. Чаще всего домашнему насилию подвергаются женщины (57 %) и дети (36 %). В этой связи этим двум категориям уделяется наибольшее внимание. В статье приводятся статистические данные о количестве преступлений, совершаемых в семье в отношении женщин и детей. На основании приведенных данных делается вывод о ежегодном значительном росте числа преступлений, совершенных в отношении женщин в семье. Важное значение имеют данные об обращениях детей, а также иных лиц на детский телефон доверия о насильственных действиях в отношении детей со стороны родителей. Они позволяют увидеть более полную картину о насилии в семье, учитывая его высокую латентность. Многие случаи насилия заканчиваются ухудшением здоровья, инвалидностью, смертью. Показано, что у детей, переживших насилие в семье, отмечается комплекс таких последствий, как низкая самооценка, повышенная тревожность, отставание в психическом и физическом развитии, снижение интеллектуальных способностей, замкнутость, повышенная доверчивость или повышенный страх перед незнакомыми людьми, трудности в общении с другими детьми, плохая успеваемость. Одним из тяжелейших последствий является усвоение негативных образцов поведения родителей и перенесение отрицательного опыта семейных отношений в иные социальные группы.

Ключевые слова: насилие, домашнее насилие, преступления в отношении женщин, преступления в отношении детей, виды домашнего насилия.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.129-138

Сохранение и поддержка института семьи являются приоритетными направлениями политики правового государства. К сожалению, в нашей стране домашнее насилие долгое

время находилось вне зоны государственного и общественного интереса. Однако в последние годы ситуация начала меняться, и не последнюю роль в этом сыграли правозащитные

© Саламова С. Я., 2018

* Саламова Себила Якубовна, кандидат психологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

sysalamova@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

организации, общественные деятели и ученые-юристы, которые обратили пристальное внимание на эту проблему.

Национальная ассоциация социальных работников США (НАСР), являющаяся крупнейшей в мире организацией профессиональных социальных работников, ввела термин «домашнее насилие» в 1983 г.

Всемирная организация здравоохранения понимает под насилием преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб¹.

На наш взгляд, домашним насилием является использование физической силы, психологического, экономического давления, сексуального принуждения по отношению к членам семьи для подавления их воли и приобретения над ними власти.

Исходя из приведенного определения, к видам домашнего насилия можно отнести:

- физическое насилие;
- психологическое (эмоциональное) насилие;
- сексуальное насилие;
- экономическое насилие.

Физическое насилие относится к одному из самых распространенных видов насилия. Оно заключается прежде всего в нанесении ударов, толчков, пинков, использовании посторонних предметов для причинения боли. Физическим насилием могут также быть признаны пощечины, хватание, бросание, удушение, запугивание, неоказание помощи и т.п. Крайней формой физического насилия являются пытки, причинение тяжкого вреда здоровью, нанесение травм, несовместимых с жизнью.

Статистические данные свидетельствуют о том, что каждая третья женщина подвергается физическому насилию со стороны партнера. Более 10 тыс. женщин ежегодно погибают от рук супруга или сожителя.

Психологическое или эмоциональное насилие проявляется в вербальных (словесных) оскорблениях, шантаже, высказывании угроз,

контроле над жизнью жертвы, в том числе в социальных сетях, над кругом ее общения, ее распорядком дня, принуждении к совершению каких-либо действий, разрушении личных вещей жертвы и т.п. Формы поведения насильника могут значительно отличаться в зависимости от условий, в которых он находится. В связи с этим сложно сказать, какие непосредственно действия или комбинация действий имеют признаки психологического насилия.

Психологическое насилие также является одним из наиболее распространенных видов насилия и может присутствовать как самостоятельно, так и наряду с другим видом насилия в семье.

В исследовании ВОЗ о домашнем насилии, проведенном в ряде стран, было установлено, что от 20 до 75 % женщин стали жертвами одного или более актов насилия эмоционального характера².

К отрицательным последствиям психологического насилия можно отнести депрессивные состояния, страх перед насильником, чувство тревоги, суицидальные мысли жертвы, физическое недомогание, обострение хронических заболеваний.

Психологи отмечают, что жертвы насилия переживают агрессию со стороны близких родственников гораздо сильнее, чем со стороны посторонних лиц.

Сексуальное (половое) насилие — это принуждение к половому акту или иным сексуальным действиям посредством применения угроз, силы и подавления воли жертвы. Сексуальное насилие обладает повышенной латентностью, в том числе и потому, что интимная сфера традиционно не является объектом обсуждения в нашей стране. Чаще всего оно используется наряду с другими видами насилия.

В обществе преобладает мнение, что изнасилование в браке не является преступлением. Проблема коренится в бытующих гендерных стереотипах: в России, как и во многих других странах мира, брак зачастую расценивается как наделение мужчин безусловным правом на сексуальные отношения с женщиной и на применение силы в случае ее нежелания вступить в сексуальный контакт³.

¹ *Этьенн Г.* [и др.] *Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире* : пер. с англ. М., 2003. С. 376.

² WHO 2005, *supra* note 54, P. 35.

³ *Горшкова И. Д., Шурьгина И. И.* *Насилие над женами в российских семьях*. М., 2003. С. 3.

Согласно проведенному в 2002 г. в России исследованию, большинство (60 %) мужчин и половина (50 %) женщин считают, что изнасилование в браке в принципе невозможно. Вместе с тем данные этого же исследования показывают, что 18 % всех опрошенных женщин пострадали от сексуального насилия со стороны мужа (был вынужденный секс, и/или изнасилование, и/или секс после побоев)⁴.

Экономическое насилие может заключаться в отказе от содержания членов семьи, в строжайшем контроле над расходами членов семьи, утаивании собственных доходов, трате насильником семейных денег только на собственные нужды, самостоятельном принятии большинства финансовых решений и т.п.

Причинами экономической зависимости супруги могут являться рождение ребенка и уход за ним, запрет супруга на работу, кризис и безработица, дискриминация на рынке труда и т.п. Однако жертвой насилия может стать и работающая супруга, не имеющая возможности тратить заработанные деньги по своему усмотрению и на собственные нужды.

Чаще всего домашнее насилие состоит из повторяющихся инцидентов разных видов насилия (физического, психологического, сексуального и экономического), реже из одного вида.

Другая важная особенность домашнего насилия, отличающая его от других видов насилия, состоит в том, что обидчик и жертва связаны родственными или иными близкими отношениями. Домашнее насилие может исходить от супруга, партнера, бывшего супруга, родителей, детей, других родственников, жениха и т.д. Это усугубляет психологическую травму, получаемую жертвой насилия.

К жертвам домашнего насилия можно отнести следующие категории:

- супруга (супруг);
- сожительница (сожитель);
- дети (в том числе приемные);
- родители (в том числе приемные);
- внуки, бабушки, дедушки;
- дяди (тети), племянники (племянницы);
- другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы, ведущие с насильником общее хозяйство или проживающие с ним.

⁴ Горшкова И. Д., Шурыгина И. И. Указ. соч. С. 4.

⁵ Ершова Е. Н., Айвазова С. Г. Домашнее насилие: социально-правовой аспект : учебно-методическое пособие. М., 2013. С. 14.

⁶ Насилие в семье — насилие в обществе. Отчет о проведении исследования. М., 2007. С. 20.

Чаще всего домашнему насилию подвергаются женщины (57 %) и дети (36 %). В связи с чем этим двум категориям мы уделим большее внимание.

НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

Ситуация домашнего насилия может произойти в семье с любым социальным статусом, с различными этническими и религиозными корнями, с разным уровнем образования.

Масштаб насилия в семье в сельской местности часто бывает несоизмеримо больше, поскольку насилие здесь рассматривается как неотъемлемая часть семейно-супружеских отношений. Кроме того, правоохранные, социальные и медицинские возможности в сельских местностях значительно ограничены и вероятность того, что обидчик не понесет законное наказание, значительно выше, чем в городе.

Проблема усугубляется тем, что в России, как известно, до сих пор отсутствует законодательство о домашнем насилии, которое регулировало бы правовые аспекты внутрисемейных отношений. Права и обязанности правоохранительных органов по обеспечению прав членов семьи не имеют законодательного закрепления.

Статистика по домашнему насилию не классифицируется ни одним из субъектов правосудия и охраны правопорядка из-за отсутствия правового определения домашнего насилия в нормирующих их деятельность документах⁵.

В 2003 г. были предприняты первые попытки к систематическому сбору данных о насилии в отношении лиц женского пола. Государственный комитет по статистике Российской Федерации принял положение о сборе данных о лицах, которые обращались за помощью в государственные центры помощи семье. Они предоставили центрам специальные формы для документирования гендерно дифференцированных статистических данных о количестве обращений пострадавших от сексуального насилия. Формы были разработаны и утверждены Государственным комитетом по статистике РФ в 2005 г.⁶ Ответственность за сбор этих данных была возложена на Мини-

Таблица 1

**Число преступлений, сопряженных с насильственными действиями,
совершенные в отношении члена семьи**

КАТЕГОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	ГОДЫ					
	2012	2013	2014	2015	2016	I полугодие 2017
Совершенные в отношении женщин в семье	24 017	27 805	30 653	35 899	49 415	13 887
Совершенные в отношении супруги	11 534	13 188	14 989	17 652	27 090	7 681

стерство здравоохранения и социального развития РФ.

Федеральная служба государственной статистики приводит следующие данные о преступлениях в отношении женщин в семье (табл. 1).

Приведенные данные позволяют сделать вывод о ежегодном значительном росте числа преступлений, совершенных в отношении женщин в семье, в том числе в отношении жен.

К сожалению, доступ к данным, собранным МВД РФ, возможен только по запросу в министерство. Население доступа к статистике не имеет, так как она не была опубликована.

Официальная статистика Министерства внутренних дел РФ не дает никакой информации о масштабах убийств женщин в семье. Однако она очень четко показывает, что подавляющее большинство женщин-потерпевших подверглись насильственным действиям в квартире — 62,6 %, со стороны членов семьи — 73,2 %, пострадали от действий супруга — 91,1 %. Именно семья остается основным местом совершения преступлений в отношении женщин⁷.

Многие случаи физического насилия заканчиваются смертью, инвалидностью, ухудшением здоровья женщин репродуктивного возраста: в бытовой сфере совершается каждое четвертое убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

По данным МВД РФ, на учете в полиции стоят более 200 тыс. «семейных дебоширов». Криминальная статистика свидетельствует о том, что от насилия в семье российские женщины

страдают в 3 раза чаще, чем от насилия со стороны незнакомых людей⁸.

При анализе статистики следует учитывать два важных обстоятельства: во-первых, приведенная выше статистика предлагает информацию о преступлениях, совершенных в семье со стороны члена семьи, при этом отсутствуют какие-либо данные о совершении таких действий со стороны знакомого или сожителя, при том что технически такая возможность имеется; во-вторых, статистика представляет информацию по делам с уже вынесенными обвинительными приговорами, и в ситуации с отказными постановлениями о возбуждении уголовного дела, равно как и в случае закрытия уголовного дела или примирения сторон по делам частного обвинения, эти данные в статистику не попадают. То есть преступлений в сфере семейных отношений совершается в несколько раз больше.

Более того, в России, в отличие от других стран, к сожалению, отсутствует культура обращения в правоохранительные органы в ситуации домашнего насилия. Женщина обращается только тогда, когда ее жизни угрожает серьезная опасность. И даже в этой ситуации, как только, по мнению женщины, угроза «миновала», они просят сотрудников органов внутренних дел «вернуть заявление».

Лишь 3 % случаев домашнего насилия доходят до суда и отражаются в статистике.

По данным анонимного опроса ВОЗ, от 20 до 70 % женщин во всем мире, пострадавших от насилия, никогда и никому не признавались

⁷ Насилие в отношении женщин в Российской Федерации. Правовой анализ ситуации. Правовая инициатива по России. М., 2016. С. 41—42.

⁸ «Российская газета» публикует закон о декриминализации домашнего насилия // URL: <https://rg.ru/2017/02/09/rg-publikuet-zakon-o-dekriminalizacii-domashnego-nasilija.html> (дата обращения: 15 апреля 2018 г.).

в этом⁹. В связи с этим можно отметить высокую латентность данного явления.

Потерпевшие от домашнего насилия не склонны обращаться за профессиональной помощью, в том числе и юридической. Это происходит по разным причинам: не считают полученные травмы достаточно серьезными, боятся или стесняются попросить о какой-либо помощи, опасаются новых вспышек насилия со стороны партнеров, боятся развода, прекращения отношений или потери детей.

Надо признать, что и российское законодательство не обеспечивает потерпевших достаточными средствами правовой защиты. Государственные органы не предоставляют необходимую всестороннюю комплексную помощь пострадавшим от семейного насилия, информацию об имеющихся социальных, медицинских, психологических и правовых ресурсах, а женщины, в свою очередь, такой информацией изначально не владеют.

подавляющее большинство услуг потерпевшим от насилия в семье оказывается женскими общественными организациями (в том числе предоставление убежища, медицинская, психологическая помощь, организация работы горячих линий, образовательные и просветительские мероприятия). В последние годы, к сожалению, число таких организаций серьезно сократилось. Данные организации успешно справляются с социально-психологическими последствиями домашнего насилия. Однако, как уже было сказано, правовое обеспечение, способное пресекать факты домашнего насилия, а также имеющее профилактический характер, отсутствует.

Незначительное число жертв в качестве помощи при решении вопросов насилия в семье обращаются к семейным психологам. Чаще всего это молодые пары в возрасте от 25 до 30 лет.

Крайне редко жертвы насилия обращаются и в кризисные центры. Более 95 % взрослого населения нашей страны не знают о существовании кризисных центров в городах своего проживания и только предполагают, что они есть в Москве. Более того, отношение к кризисным центрам у обывателей (как у женщин, так и у мужчин) неоднозначное: с одной стороны, появление таких центров, по мнению боль-

шинства, может привести к решению проблем насилия; с другой стороны, они не владеют информацией о том, как работают центры, какую именно помощь в них можно получить.

НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ

Виды насилия над детьми в семье совпадают с видами насилия над женщинами, т.е. это также физическое, психологическое, сексуальное и экономическое насилие. Кроме перечисленных, можно выделить такой вид насилия, как пренебрежение ребенком. Данный вид насилия заключается в невыполнении родителем своих функций (отсутствие заботы).

Физическое насилие в отношении ребенка проявляется по-разному: от побоев до причинения ему тяжких увечий и убийства. Наиболее распространенные повреждения при физическом насилии — это ушибы и ссадины, затем идут переломы костей и травмы головы.

Физическое насилие может происходить в семьях с различным социальным статусом, однако чаще всего подобные случаи выявляются:

- в неполных или малообеспеченных семьях;
- в семьях, в которых один или оба родителя не являются биологическими;
- в семьях, в которых оба родителя являются безработными;
- в семьях, в которых один или оба родителя являются алкоголиками или наркоманами;
- в семьях, в которых один или оба родителя или другие члены семьи имеют криминальное настоящее или прошлое;
- в семьях с низким уровнем образования и культуры внутри семьи;
- при наличии у ребенка психических, умственных или физических отклонений и пр.

Вероятность жестокого обращения с ребенком повышается, как правило, при наличии совокупности факторов. К таким факторам можно отнести насилие, пережитое в детстве их родителями; трудную жизненную ситуацию, в которую попала семья; финансовые трудности семьи; социально-экономические кризисы в стране; наличие факторов риска у ребенка и т.д. Вероятность применения насилия к ребенку увеличивается в случае его агрессивного

⁹ *Самаке Ава*. Насилие в отношении женщин как нарушение прав человека в Африке // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/nasilie-v-otnoshenii-zhenschin-kak-narushenie-prav-cheloveka-v-afrike> (дата обращения: 18 апреля 2018 г.).

го поведения, тяжелого характера, проблем со здоровьем, не позволяющих ему самостоятельно обслуживать себя.

Физическое насилие над детьми может повлечь за собой такие последствия для детей дошкольного и младшего школьного возраста, как боязнь родителей или взрослых, агрессивность, замкнутость, отсутствие дружеских отношений со сверстниками, низкая успеваемость в школе, пассивность, уходы из дома, жестокость к животным; у подростков — бродяжничество, употребление алкоголя и наркотиков, депрессия, суицидальные попытки.

Более 75 % деспотов в отношении детей являются их родителями, в 11 % случаев в качестве домашних тиранов выступают те или иные родственники, а в 4 % — люди, которые не имеют родственных связей с жертвой (например, няни и опекуны)¹⁰.

На распространение жестокого отношения к детям влияет отсутствие элементарных знаний у родителей о правильном воспитании детей, о возможных способах и видах их наказания. Незнание законодательных норм, охраняющих права ребенка, регламентирующих ответственность за применение насилия в отношении детей, низкая правовая культура населения также являются факторами совершения преступлений в отношении них.

Трудность состоит в том, что дети чаще всего не понимают, что в их отношении совершаются противоправные действия и насильник может быть наказан, не допускают мысли о том, что можно пожаловаться на родителя и попросить помощи. В связи с этим до ответственности и судебных органов доходят только те случаи, в которых ребенок получил множественные серьезные травмы либо травмы, сопряженные с риском для его жизни.

Вышесказанное касается физического насилия. Случаи психологического насилия над детьми до суда обычно не доходят.

Психологическое (эмоциональное) насилие — это эпизодическое или регулярное оскорбление, унижение ребенка, высказывание в его адрес угроз, демонстрация негативного отношения или отвержения, которое при-

водит к эмоциональному или поведенческому нарушению развития ребенка¹¹.

Психологическим насилием может быть и «разовая» травма, которая ведет к нарушению психических процессов.

У детей, переживших насилие в семье, наблюдается комплекс последствий в виде отставания в психическом и физическом развитии, снижения интеллектуальных способностей, замкнутости, повышенной доверчивости или, наоборот, повышенного страха перед незнакомыми людьми, трудностей в общении со сверстниками, плохой успеваемости в учебе, низкой самооценки и повышенной тревожности.

Что касается сексуального насилия, в нашей стране около 70 % детей, подвергшихся сексуальному злоупотреблению, свидетельствуют, что оно было именно со стороны родственников и знакомых, 28 % — со стороны родителей или опекунов, 50 % изнасилований совершается в отношении близких родственников (дочерей, сестер, внушек)¹².

Последствия сексуального насилия наиболее разрушительны. Исследование сексуальных маньяков, педофилов показывает, что в отношении большинства из них в детстве (юности) были совершены противоправные действия сексуального характера (в том числе и членами семьи). Очень большой процент самоубийств происходит не на почве физического или психологического насилия, а именно после совершения сексуального насилия.

Под пренебрежением ребенком понимается регулярное неисполнение родителями или лицами, их заменяющими, своих обязанностей по удовлетворению потребностей ребенка, жизненно необходимых для его правильного развития. Это могут быть потребности эмоционального характера, потребности в еде, уходе, медицинской помощи, образовании. Пренебрежение ребенком также имеет негативные последствия, к которым можно отнести задержки в развитии ребенка, ухудшение здоровья, трудности в адаптации. Признаками пренебрежения являются: отставание в физическом или психоречевом развитии, частые заболевания, травмы, агрессивность, деви-

¹⁰ Лоханева Д. И., Скоробогатова Н. В. Исследование проблемы домашнего насилия над детьми // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2013. № 1 (17). С. 206—211.

¹¹ Цымбал Е. И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия. М., 2007. С. 110.

¹² Догадина М. А., Пережогин Л. О. Сексуальное насилие над детьми. Выявление, профилактика, реабилитация потерпевших. М., 2014. С. 3.

антное поведение, неизбирательная доверчивость, внешний вид ребенка, несоответствие его одежды погоде.

26 марта 2008 г. Указом Президента РФ от 26 марта 2008 г. № 404¹³ был создан Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. В сентябре 2010 г. Фондом совместно с субъектами Российской Федерации введен единый общероссийский номер детского телефона доверия — 8 (800) 2000-122. В настоящее время к нему подключено

229 организаций в 83 субъектах Российской Федерации.

Детский телефон доверия позволяет получить квалифицированную помощь детям, подросткам, родителям, лицам, их заменяющим, а также другим лицам, проявляющим бдительность в отношении детей.

Весьма интересной представляется статистика, которая приводится на сайте этого фонда в отношении жестокого обращения с ребенком в семье (табл. 2).

Таблица 2

Информация об обращениях на детский телефон доверия за период 2010—2017 гг.

ТЕМАТИКА ОБРАЩЕНИЙ	ГОДЫ							
	2010 (с 01.09)	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Жесткое обращение с несовершеннолетним	4 330	25 032	16 261	16 359	15 556	15 295	15 307	15 000
Жесткое обращение с несовершеннолетним в семье, в том числе:	1 800	9 273	6 786	6 345	6 498	6 453	6 949	6 747
от несовершеннолетних	993	5 634	4 148	3 910	3 701	3 828	4 221	4 707
от родителей несовершеннолетних (лиц, их заменяющих)	439	1 351	1 064	961	1 157	1 026	1 107	1 107
от иных граждан	368	2 288	1 574	1 474	1 640	1 599	1 621	1 560

Как и в ситуации домашнего насилия в отношении женщин, МВД РФ не предоставляет в свободном доступе полноценную статистику насилия в отношении детей в семьях.

Определенные выводы о масштабах насилия в отношении детей можно получить из отдельных публикаций в СМИ. Так, в 2014 г. «РИА Новости», ссылаясь на представителя МВД РФ, сообщали что «за последние три года наблюдается тревожная тенденция увеличения более чем на 42 % числа несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений, сопряженных

с насильственными действиями, совершенными членами их семей». Далее со ссылкой на представителя Следственного комитета РФ Е. Луневу отмечается, что в 2013 г. 1,5 тыс. детей пострадали от преступных действий со стороны близких членов семьи, а около 500 и вовсе погибли от рук опекунов или родителей¹⁴.

По некоторым данным в России каждый год от жестокости собственных родителей гибнет до 2,5 тыс. детей¹⁵.

Некоторые выводы о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних,

¹³ СЗ РФ. 2008. № 13. Ст. 1254.

¹⁴ Домашнее насилие в России: бьют взрослые, страдают дети // РИА-новости. URL: <http://ria.ru/society/20140708/1015163136.html> (дата обращения: 10 апреля 2018 г.).

¹⁵ Хананашвили Н. Л. Защита прав ребенка в России: пространства взрослой жестокости // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 1. С. 33.

Таблица 3

Насильственные преступления, совершенные в отношении члена семьи

КАТЕГОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	ГОДЫ					
	2012	2013	2014	2015	2016	I полугодие 2017
Преступления по которым имелись потерпевшие	32 845	37 476	41 966	49 579	64 421	18 830
в том числе совершенные в отношении сына, дочери	6 774	7 421	8 572	10 646	11 756	2 621

можно сделать на основании статистики, приводимой Федеральной службой государственной статистики (табл. 3).

Следует отметить, что в приводимых данных не дифференцируется возраст жертвы. Это могут быть как совершеннолетние, так и несовершеннолетние дети.

В приводимой статистике, как и в случае с насилием в отношении женщин в семье, можно отметить ежегодный рост числа преступлений. Драма состоит в том, что дети, перенесшие домашнее насилие, чаще всего перенимают образ поведения родителей и переносят его на свои будущие семейные отношения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Беседина О. А.* Распространенность жестокого обращения с детьми в российских семьях // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2016. — Т. 2. — № 3. — С. 55—65.
2. *Горшкова И. Д., Шурыгина И. И.* Насилие над женами в российских семьях. — М., 2003. — 83 с.
3. *Догадина М. А., Пережогин Л. О.* Сексуальное насилие над детьми. Выявление, профилактика, реабилитация потерпевших. — М., 2014.
4. Домашнее насилие в России: бьют взрослые, страдают дети // РИА-новости. — URL: <http://ria.ru/society/20140708/1015163136.html> (дата обращения: 10 апреля 2018 г.).
5. Домашнее насилие: социально-правовой аспект : методическое пособие / Консорциум женских неправительственных объединений. — М., 2013. — 194 с.
6. *Ершова Е. Н., Айвазова С. Г.* Домашнее насилие: социально-правовой аспект : учебно-методическое пособие. — М., 2013. — 194 с.
7. *Красиков В. И.* Насилие в эволюции, истории и современном обществе : очерки. — М., 2009. — 198 с.
8. *Лоханева Д. И., Скоробогатова Н. В.* Исследование проблемы домашнего насилия над детьми // Вестник Шадринского государственного педагогического института. — 2013. — № 1 (17). — С. 206—211.
9. *Мартыненко Б. К.* Насилие в сегодняшней России // Очерки новейшей камералистики. — 2012. — № 1. — С. 28—33.
10. Насилие в отношении женщин в Российской Федерации. Правовой анализ ситуации. Правовая инициатива по России. — М., 2016. — 46 с.
11. Насилие в семье — насилие в обществе : отчет о проведении исследования. — М., 2007. — 103 с.
12. Национальный центр по предотвращению насилия «АННА». От знаний — к действиям : Продвижение прав женщин : пособие. — М., 2013. — 120 с.
13. «Российская газета» публикует закон о декриминализации домашнего насилия // URL: <https://rg.ru/2017/02/09/rg-publikuet-zakon-o-dekriminalizacii-domashnego-nasilija.html> (дата обращения: 15 апреля 2018 г.).
14. *Самаке Ава.* Насилие в отношении женщин как нарушение прав человека в Африке // Вестник Международного института экономики и права. — 2012.
15. *Хананашвили Н. Л.* Защита прав ребенка в России: пространства взрослой жестокости // Вопросы ювенальной юстиции. — 2006. — № 1. — С. 32—35.

16. Цымбал Е. И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия. — М., 2007. — Вып. 11.
17. Этьенн Г. [и др.] Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире : пер. с англ. — М., 2003.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

DOMESTIC VIOLENCE IN MODERN RUSSIA: GENERAL CHARACTERISTICS

SALAMOVA Sebila Yakubovna — PhD in Psychology, Docent, Senior Lecturer of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
sysalamova@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article is devoted to the topical for modern Russia problem of domestic violence, which undermines the foundations of not only family, but also social, national-state security of the society. The author discusses domestic violence against women and provides her own definition of the concept. The author also gives explicit characteristics of the types of domestic violence and determines the victims of such violence. It is noted that domestic violence differs from other kinds of violence as the offender and the victim are related by kinship or other close relations. This adds to the psychological trauma received by the victim. Most often, the subject of domestic violence are women (57 %) and children (36 %). In this regard, the greatest attention is given to these two categories. The article presents statistics on the number of crimes committed within the family against women and children. Based on these data the conclusion about an annual significant increase in the number of crimes committed against women in the family is made. It is important to acknowledge the data on the children and other persons' resort to the child helpline concerning violent acts against children by parents. These allow you to see a more complete picture of violence in the family, given its high latency. Many cases result in deterioration of health, disability, death. It is shown that children-victims of domestic violence are a subject of complex consequences such as low self-esteem, increased anxiety, retarded mental and physical development, reduced intellectual abilities, isolation, excessive credulity or a heightened fear of strangers. They often have difficulties when communicating with other children, and poor academic performance. One of the most serious consequences is the negative assimilation patterns of behavior of parents and transfer of their negative experiences of family relationships into other social groups.*

Keywords: *violence, domestic violence, crime against women, crime against children, domestic violence.*

REFERENCES

1. Besedina O. A. *Rasprostranennost zhestokogo obrashcheniya s detmi v rossiyskikh semyakh* [The prevalence of ill-treatment of children in Russian families]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*. [TSU Bulletin. Socio-economic and legal research]. 2016. Vol. 2. No. 3. P. 55—65.
2. Gorshkova I. D., Shurygina I. I. *Nasilie nad zhenami v rossiyskikh semyakh*. [Violence against women in Russian families]. Moscow, 2003. 83 p.
3. Dogadina M. A., Perezhogin L.O. *Seksualnoe nasilie nad detmi. Vyyavlenie, profilaktika, rehabilitatsiya poterpevshikh* [Sexual abuse of children. Identification, prevention, rehabilitation of victims]. Moscow, 2014.
4. *Domashnee nasilie v Rossii: byut vzroslye, stradayut deti* [Domestic violence in Russia: adults beat, the children suffer]. RIA Novosti. URL: <http://ria.ru/society/20140708/1015163136.html> (date of access: 10 of April 2018).
5. *Domashnee nasilie: sotsialno-pravovoy aspekt* [Domestic violence: socio-legal aspect]. Tutorial [Metodicheskoe posobie] Konsortsium zhenskikh nepravitelstvennykh obedineniy [Consortium of women's non-governmental associations]. Moscow, 2013. 194 p.
6. Ershova E. N., Ayvazova S. G. *Domashnee nasilie: sotsialno-pravovoy aspekt. Uchebno-metodicheskoe posobie* [Domestic violence: socio-legal aspect: tutorial]. Moscow, 2013. 194 p.

7. Krasikov V.I. *Nasilie v evolyutsii, istorii i sovremennom obshchestve: ocherki* [Violence in the evolution, history and contemporary society: essays]. Moscow, 2009. 198 p.
8. Lokhaneva D. I., Skorobogatova N. V. *Issledovanie problemy domashnego nasiliya nad detmi* [Study of the problem of domestic violence against children]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical Institute]. 2013. No. 1 (17). P. 206—211.
9. Martynenko B. K. *Nasilie v segodnyashney Rossii. Ocherki noveyshey kameralistiki* [Violence in today's Russia. Essays on the latest cameralistics]. 2012. No. 1. P. 28—33.
10. *Nasilie v otnoshenii zhenshchin v Rossiyskoy Federatsii. Pravovoy analiz situatsii. Pravovaya initsiativa po Rossii* [Violence against women in the Russian Federation. Legal analysis of the situation. The legal initiative for Russia]. Moscow, 2016. 46 p.
11. *Nasilie v seme — nasilie v obshchestve. Otchet o provedenii issledovaniya* [Domestic violence — violence in society: a report on the study]. Moscow, 2007. 103 p.
12. *Natsionalnyy tsentr po predotvrashcheniyu nasiliya «ANNA». Ot znaniy — k deystviyam: prodvizhenie prav zhenshchin*. Posobie [National center for prevention of violence “ANNA”. From knowledge to action: the promotion of women's rights. Coursebook]. Moscow, 2013. 120 p.
13. «Rossiyskaya gazeta» publikuet zakon o dekriminalizatsii domashnego nasiliya [“The Russian newspaper” publishes the law on decriminalization of domestic violence]. URL: <https://rg.ru/2017/02/09/rg-publikuet-zakon-o-dekriminalizacii-domashnego-nasiliia.html> (date of access: 15 of April 2018).
14. Samake Ava. *Nasilie v otnoshenii zhenshchin kak narushenie prav cheloveka v Afrike* [Violence against women as a violation of human rights in Africa]. *Vestnik mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava* [Journal of the International Institute of Economics and Law]. 2012.
15. Khananashvili N. L. *Zashchita prav rebenka v Rossii: prostranstva vzrosloy zhestokosti* [Protection of the rights of the child in Russia: adult cruelty]. *Voprosy yuvenalnoy yustitsii* [Issues of Juvenile Justice]. 2006. No. 1. P. 32—35.
16. Tsymbal E. I. *Zhestokoe obrashchenie s detmi: prichiny, proyavleniya, posledstviya* [Cruel treatment of children: causes, manifestations, consequences]. Moscow, 2007. Vol. 11.
17. Etienne G. [and others]. *Nasilie i ego vliyanie na zdorove. Doklad o situatsii v mire*. [Violence and its impact on health. World Report]. Transl. from English. Moscow, 2003.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПСИХИЧЕСКИХ ОТКЛОНЕНИЙ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ

З. Т. Радько*,
Н. В. Шигина**

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАЛКИНГА (НА ПРИМЕРЕ ИТАЛИИ)

Аннотация. Сталкеры — категория девиантов. Речь идет о людях, преследующих кого-либо. Потенциальными и реальными жертвами сталкеров могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители), сослуживцы, коллеги по профессии. Актуален сталкинг и со стороны других лиц — настоящих партнеров, друзей, знакомых или неизвестных. Нередко сталкерство — результат психических отклонений. Указывается, что сталкинг (на примере Италии) представляет общественную опасность для общества, т.к. таит в себе реальную возможность для совершения тяжких преступлений.

Ключевые слова: сталкинг, сталкер, жертва наказания, девиантность, правонарушение, криминализация.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.139-145

Преступность является социальными явлением, которое посягает на интересы и отношения лиц, проживающих в обществе. Возникновение в нем перемен мгновенно сказывается на преступности, т.к. новые виды общественно опасного поведения используются в преступной деятельности. А следовательно, процесс адаптации уголовного законодательства к меняющейся криминогенной обстановке должен исходить из общественных интересов и не

сдерживать прогресс, развитие гражданского общества. Это можно связать с возникновением сталкинга¹, которое на данный момент в российском уголовном законодательстве не является преступлением и признается категорией девиации. Однако законодательство ряда европейских государств (Австрия, Англия, Бельгия, Голландия, Италия, Польша, ФРГ, Шотландия и др.) считает поведение сталкеров не столь безобидным и причисляет его к пре-

¹ Сталкинг (англ. stalking) — это повторяющееся нежелательное поведение сталкера (преследователя), выражающееся в домогательствах, создании различных неудобств или прямых угрозах преследуемому лицу с целью вызвать волнение, страх, ощущение ограничения психической свободы, вторжения в его частную жизнь, а также необходимость смены привычного образа жизни.

© Радько З. Т., Шигина Н.В., 2018

* Радько Зоя Тимофеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ztradko@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

** Шигина Наталья Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

nvshigina@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ступлению. И в настоящее время обсуждается вопрос об ужесточении наказания за данный вид преступного поведения. Потенциальными и реальными жертвами сталкеров могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители), сослуживцы, коллеги. Актуальным является stalking и со стороны других лиц — настоящих партнеров, друзей, знакомых или неизвестных. Нередко stalking — результат психических отклонений (суэжничества, сексуальные перверсии), но может быть и следствием ревности, зависти, идеологической непримиримости. Так, представляет интерес исследование, проведенное Центральным бюро статистики Италии на предмет безопасности женщин², в рамках которого изучались женщины, которые пострадали от сталкеров.

В Италии еще в 2006 г., до принятия закона о stalking, было выявлено, что более 2 млн женщин стали жертвами преследования со стороны экс-партнера. А в 2014 г., кроме stalking, осуществляемого экс-партнерами, был актуален stalking и со стороны других лиц — настоящих партнеров, друзей, коллег, родственников, знакомых или неизвестных. 85,9 % преследований совершается мужчинами, 14,1 % — женщинами.

В большинстве случаев (58,8 %) преследование начиналось сразу же после расставания и длилось несколько месяцев, а в 20,4 % слу-

чаев продолжалось более одного года. 78 % жертв не обращались в специальные институты за помощью. И только 15 % среди опрошенных обращались в органы правопорядка; 4,5 % обратились за помощью к адвокату, 1,5 % — в центры помощи при насилии и stalking. 48,3 % из обратившихся за помощью в специализированные органы затем подали заявления о преступлении. Из них 9,2 % подавали жалобы; 5,3 % обращались с просьбой сделать предупреждение преследователю, 3,3 % обращались с гражданским иском. В то же время 40,4 % оставили все без последствий.

Каждая вторая женщина, не обратившаяся за помощью в специализированные органы, утверждает, что разрешила ситуацию сама.

По утверждениям жертв в результате принятых мер в 59,8 % случаев преследования прекращаются, в 21,6 % случаев остаются без изменений, в 16,6 % — уменьшаются и в 2 % случаев возрастают.

Наиболее распространенными формами преследования от экс-партнеров являются настоятельные попытки поговорить, отправка сообщений, писем по электронной почте, телефонные звонки или нежелательные подарки, многочисленные требования встреч, поджидания у дома или у места работы, установление тайной слежки, причинение вреда имуществу или угроза женщинам, их детям, другим близким людям (табл. 1).

Таблица 1

Основные формы преследований (в %)

ФОРМЫ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ	ОТ БЫВШЕГО ПАРТНЕРА		ОТ ДРУГИХ ЛИЦ	
	Один раз	Более одного раза	Один раз	Более одного раза
Отправка сообщений, звонки, электронные письма, письма и нежелательные подарки	3,3	10,2	3,4	7,0
Повторяющиеся просьбы о встречах	2,9	10,2	1,8	3,7
Ожидание у дома, работы, места учебы	2,9	8,5	1,6	2,6
Навязывание разговоров против воли	3,5	11,6	2,3	4,8
Слежка	2,1	7,1	2,0	3,0
Повреждение личных вещей	1,4	1,7	0,8	0,4

² Stalking sulle donne, ISTAT (Istituto Nazionale di statistica di Italia), 2016.

ФОРМЫ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ	ОТ БЫВШЕГО ПАРТНЕРА		ОТ ДРУГИХ ЛИЦ	
	Один раз	Более одного раза	Один раз	Более одного раза
Оскорбительные комментарии	0,4	0,8	0,6	0,4
Угроза причинения вреда детям или другим близким людям	0,7	1,5	0,5	0,4
Другие виды	0,4	0,6	0,3	0,5

Женщины, пострадавшие от преследования со стороны экс-партнера и со стороны других лиц, не сильно различаются по своим характеристикам, хотя есть некоторые отличительные черты (табл. 2).

В обоих случаях stalkingу более всего подвергаются женщины от 25 до 34 лет, с наиболее высоким уровнем образования и с активной социальной жизнью, более высоким социально-экономическим статусом. Наиболее высокий процент жертв среди женщин-руководителей, предпринимательниц и женщин творческих профессий, имеющих свой независимый доход, высшее образование, активный

досуг (кино, театры, музеи, спорт, волонтерская деятельность и т.п.).

Отличительной чертой преследования со стороны предыдущего партнера является и бедность жертв. Также в этой категории высок процент одиноких женщин, которым некому довериться, у которых нет друзей и родственников, способных их защитить. Жертвы экс-партнеров часто имеют проблемы со здоровьем, тяжелые или хронические заболевания. Но здесь необходимо учитывать, что у многих заболевания появляются и прогрессируют уже как следствие такого преследования.

Таблица 2

Характеристика жертв stalking (в %)

ПОКАЗАТЕЛИ	ПОСТРАДАВШИЕ ОТ ЭКС-ПАРТНЕРА		ПОСТРАДАВШИЕ ОТ ДРУГИХ ЛИЦ
	Несколько раз от одной формы преследования	От трех и более форм преследования	
Возраст (лет)			
От 16 до 24	16,3	8,8	12,5
От 25 до 34	17,3	11,5	12,2
От 35 до 44	15,7	10,8	11,0
От 45 до 54	15,8	10,4	9,8
От 55 до 64	10,0	6,5	8,7
От 65 до 70	7,5	4,4	7,9
Образование			
Высшее	17,1	10,3	14,5
Среднее специальное	15,5	10,4	11,4
Среднее	13,5	8,9	8,4
Начальное	11,6	8,1	6,5
Занятость			
Руководители и предприниматели (большой бизнес)	16,9	11,0	17,2
Служащие	15,8	9,7	11,5
Рабочие	15,4	10,3	7,9
Мелкий бизнес	11,8	9,5	11,9
В поисках работы (с опытом работы)	17,8	13,9	13,0
В поисках работы (без опыта работы)	10,9	5,7	14,2

ПОКАЗАТЕЛИ	ПОСТРАДАВШИЕ ОТ ЭКС-ПАРТНЕРА		ПОСТРАДАВШИЕ ОТ ДРУГИХ ЛИЦ
	Несколько раз от одной формы преследования	От трех и более форм преследования	
Домохозяйки	13,5	9,4	13,8
Студенты	15,8	9,4	12,8
Безработные	8,2	5,6	9,5
Другое	25,7	22,9	9,5
Гражданство			
Итальянки	14,8	9,8	10,9
Иностранки	19,9	11,1	5,5

Проживание же в маленьком или в большом населенном пункте на виктимность женщин особо не влияет. Иностранки больше страдают от посягательств со стороны экс-партнеров, а итальянки — от преследований других лиц (подруг, друзей, работодателей). Во многих случаях преследование сопровождается эпизодами физического и сексуального насилия. Часть жертв подвергалась также психологическому и экономическому насилию в различных формах, среди которых женщины называли жизнь под постоянным контролем — 65,2 % (навязывание партнером манеры одеваться, постоянное сопровождение, слезка, невозможность выходить одной); обесценивание — 57,6 % (словесные унижение, оскорбления, критика внешности и т.п. в том числе на публике); изоляция — 55,8 % (ограничение общения с родственниками и друзьями, работы и учебы); угрозы — 53,6 % (угрозы забрать детей, причинить вред близким людям, имуществу, домашним животным); экономическое насилие — 18,8 % (непредоставление данных о семейном доходе, запрет иметь счета или пользоваться ими, запрет распоряжаться соб-

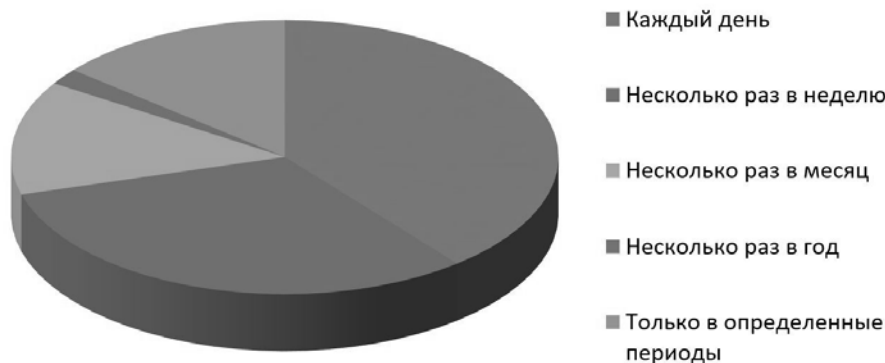
ственными доходами, постоянный контроль над расходами).

Среди изученной категории женщин за 2016 г. от stalking в тяжелой форме пострадало 38,3 % женщин, а средней тяжести — 61,5 %.

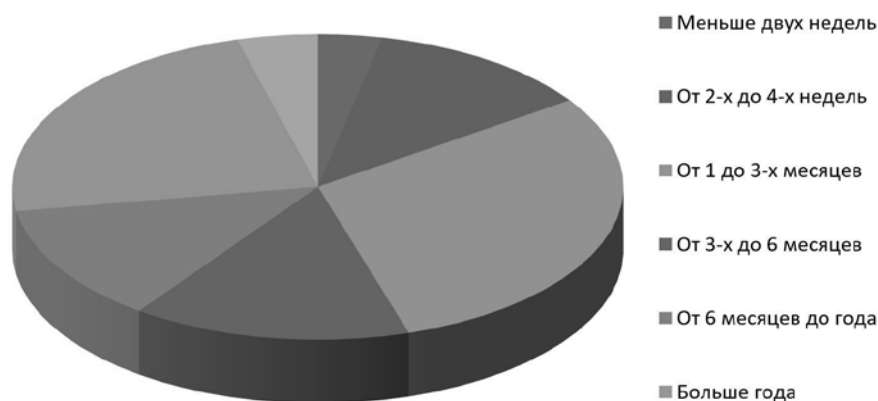
Тяжесть stalking определяется по двум основным критериям — количество применяемых форм преследования и его продолжительность (диаграммы 1 и 2). В случаях тяжелого stalking доля женщин, которая не обращается за помощью, снижается на 10 % и возрастает процент тех, кто обратились в органы правопорядка, — 19 %, сделали заявление о совершенном преступлении — 50,2 %, обратились к адвокату — 6,3 % или в специализированный центр антиstalking — 3,0 %.

К сожалению, для 35,5 % женщин, которые подверглись stalking в тяжелой форме и потребовали вынесения предупреждения преследователю, ничего не поменялось.

Stalkerу, как правило, запрещают приближаться к женщине — 26,1 %, в 12,2 % случаев присуждают держаться на определенном расстоянии; в 8,6 % выносят предупреждение и лишь 4,5 % преследующих партнеров были арестованы, а 4,6 % осуждены (табл. 3).

Диагр. 1. Частота stalking со стороны экс-партнера

Диагр. 2. Продолжительность преследования женщин со стороны экс-партнера

Таблица 3

Результаты профилактических мер (в %)

ВИДЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ	ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРЕКРАТИЛОСЬ	ПРЕСЛЕДОВАНИЕ УМЕНЬШИЛОСЬ	ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ОСТАЛОСЬ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ	ПРЕСЛЕДОВАНИЕ УВЕЛИЧИЛОСЬ
Предупреждение	66,4	9,9	23,6	0,2
Арест	99,4	—	0,6	—
Домашний арест (длительный срок)	100	—	—	—
Лишение свободы	91,6	8,4	—	—
Приказ держаться на расстоянии	68,2	21,2	0,2	10,4
Запрет на общение	74,5	17,3	3,7	4,5

Был проведен опрос женщин, которые не обращались в органы правопорядка, на предмет выяснения причин. Большая часть заявляли о том, что предпочли сами справиться с возникшей ситуацией, что не догадывались

о тяжести таких преследований, а также их сдерживал страх перед партнером (в основном иностранки). В случаях же тяжкого преследования чаще всего говорили о страхе за себя и за своих детей (табл. 4).

Таблица 4

Мотивы необращения в правоохранительные органы (в %)

МОТИВЫ	ГРАЖДАНСТВО		ТЯЖЕСТЬ СТАЛКИНГА	
	Итальянки	Иностранки	Средний	Тяжкий
Я надеялась справиться с ситуацией сама	55,6	41,3	62,5	37,5
Не хотела, чтобы кто-то узнал	4,5	9,8	40,9	59,1
Боялась мести	10,3	13,4	42,2	57,8
Не хотела, чтобы его арестовали	6,3	12,1	54,5	45,5
Было стыдно	1,9	5,8	48,6	51,4

МОТИВЫ	ГРАЖДАНСТВО		ТЯЖЕСТЬ СТАЛКИНГА	
	Итальянки	Иностранки	Средний	Тяжкий
Боялась, что мне не поверят	1,4	0,3	7,5	92,5
Считала деяние незначительным	1,5	—	70,0	30,0
Не знала, что это преступление	21,3	21,0	74,0	26,0
Не верила в эффективность работы правоохранительных органов	4,1	34,4	57,2	42,8
Уклонение органов от принятия заявления	1,3	—	68	32
Другое	14,1	12,4	55,7	44,3

Женщины, которые пытались разрешить ситуацию самостоятельно, среди мер защиты прибегали к таким, как угроза преследователю обращением в полицию, смена номера телефона, электронной почты, смена места жительства, работы, переезд в другой город, удаление про-

филя в социальных сетях. Изложенное выше достаточно актуализирует исследуемую проблему. То, что являлось нормой еще недавно, в результате различных культурных изменений становится уже неприемлемым для современного общества и требует правового разрешения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горавская Е. П. К вопросу о криминализации stalking // Десятые Всероссийские Державинские чтения : сборник статей. — М. : РПА, 2015. — Кн. 5 : Проблемы уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права, криминалистики и криминологии. — 360 с.
2. Мюллен П. Организация помощи стalkerам // Обзор современной психиатрии. — 2003. — № 18. — 102 с.
3. Мясникова А. М., Цуканова Е. Г. Криминализация stalking // Виктимология. — 2016. — № 3 (9). — С. 53—56.
4. Сторубленкова Е. Г., Самуткин В. Л. Stalking: синдром навязчивого преследования // Проблемы в российском законодательстве. — 2016. — № 6. — С. 278—281.
5. Stalking sulle donne. — ISTAT (Istituto Nazionale di Statistica di Italia), 2016.
6. Stalking, atti persecutori, cyberbullismo e tutela dell'oblio / Cassano Giuseppe. — IPSOA, 2017.
7. Stalking. Dall'analisi criminologica degli atti persecutori all'intervento psicologico su autore vittima. — P. de Pasquali, Pensa, 2014.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF STALKING (CASE STUDY OF ITALY)

RADKO Zoya Timofeevna — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ztradko@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

SHIGINA Natalia Valerievna — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
nvshigina@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *Stalkers is a category of deviants. We are talking about people pursuing anyone. The potential and real victims of stalkers may be a once-close friends (ex-wife, ex-husband, children, and parents), colleagues, colleagues in the profession. Stalking can occur on the part of other individuals who do not have partners, friends, acquaintances or unknown. Often stalking is a result of mental disorders. It is specified that stalking (for example in Italy) is a public danger to society, because it represents a real opportunity for the commission of serious crimes.*

Keywords: *stalking, stalker, victim of punishment, deviance, delinquency, criminalization.*

REFERENCES

1. Goravskaya E. P. *K voprosu o kriminalizatsii stalkinga* [To the question on the criminalization of stalking]. *Desyatye vserossiyskie derzhavinskie chteniya: sbornik statey* [The Proc. 10th All-Russian Derzhavin Readings]. Moscow: The All-Russian State University of Justice, 2015. bk. 5. Problemy ugolovno-protsessualnogo, ugolovno-ispolnitelnogo prava, kriminalistiki i kriminologii [Problems of criminal procedure, penitentiary law, criminalistics and criminology]. 360 p.
2. Mullen P. *Organizatsiya pomoshchi stalkeram* [Organization of help to the stalkers]. *Obzor sovremennoy psikiatrii* [Review of contemporary psychiatry]. 2003. No. 18. 102 p.
3. Myasnikova A. M., Tsukanova E. G. *Kriminalizatsiya stalkinga* [Criminalization of stalking]. *Viktimologiya* [Victimology]. 2016. No. 3 (9). P. 53—56.
4. Storublenkova E. G., Samutkin V.L. *Stalking: sindrom navyazchivogo presledovaniya. Problemy v rossiyskom zakonodatelstve* [Stalking: symptoms of obsessional pursuit. Problems in the Russian legislation]. 2016. No. 6. P. 278—281.
5. *Stalking sulle donne*. ISTAT (Istituto di Statistica Nazionale di Italia), 2016.
6. *Stalking, atti persecutori, cyberbullismo e tutela dell'oblio*. Giuseppe Cassano. IPSOA, 2017.
7. *Stalking. Dall'analisi degli atti criminologici persecutori all'intervento psicologico autore su vittima*. P. de Pasquali, Pensa, 2014.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ

Более подробная информация содержится на сайте журнала lexrussica.ru

1. В журнале публикуются результаты научных исследований и научные сообщения авторов, изложенные в форме научных статей или рецензий в соответствии с тематикой журнала (далее — статья).
2. К сотрудничеству приглашаются авторы — ведущие специалисты, ученые и практики.
3. Направление автором статьи для опубликования в журнале считается акцептом, то есть согласием автора на заключение лицензионного договора о передаче права использования статьи в журнале «Lex Russica». Содержание договора опубликовано на сайте журнала.
4. Автор направляет в редакцию журнала статью согласно условиям и порядку предоставления и опубликования статей, а также требованиям к оформлению статей, размещенным на сайте журнала. При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право вернуть статью автору без рассмотрения.
5. Требования к содержанию и объему статьи:
 - объем статьи должен составлять от 25 до 50 тыс. знаков (с пробелами, с учетом сносок) или 20–30 страниц А4 (шрифт — Times New Roman, высота шрифта — 14 пунктов; межстрочный интервал — полуторный, абзацный отступ — 1,25 см, поля: левое — 3 см, правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2 см). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с редакцией журнала;
 - статья должна быть написана на актуальную тему, отвечать критерию новизны, содержать определенное новаторство в подходе к изучаемой теме/проблеме;
 - статья должна содержать структуру изложения;
 - в статье должны быть отражены результаты научного исследования, основанного на анализе теоретических конструкций, нормативных актов, материалов правоприменительной практики;
 - материал, содержащийся в статье, не должен быть только описательным, констатировать существующее положение вещей (статьи, значительная часть которых содержит воспроизведение нормативного материала, будут отклоняться);
 - в материале должна быть соблюдена фактологическая и историческая точность;
 - необходимо обращать внимание на аккуратное использование заимствованного материала, точность цитирования.
6. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
7. Следует точно указывать источник приводимых в рукописи цитат, цифровых и фактических данных.
8. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008. Ссылки оформляются в виде постраничных сносок (размещаются в тексте как подстрочные библиографические ссылки), нумерация сплошная (например с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman. Высота шрифта — 12 пунктов; межстрочный интервал — одинарный.

Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания (точкой, запятой, двоеточием, точкой с запятой). Пример оформления смотрите на сайте журнала.

Ссылки на иностранные источники следует указывать на языке оригинала, избегая аббревиатур и по возможности максимально следуя таким же требованиям, как и при оформлении библиографии на русском языке.

Ссылки на электронные ресурсы следует оформлять в соответствии с библиографическим ГОСТом 7.82-2001. Необходимо указывать заголовок титульной страницы ресурса, полный адрес местонахождения ресурса и в круглых скобках дату последнего посещения веб-страницы.
9. При оформлении списка литературы (библиографии) необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.1-2003. В библиографическом списке не указываются правовые источники (нормативные акты, судебные решения и иная правоприменительная практика). Пример оформления смотрите на сайте журнала.

Учредитель —
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Адрес издателя: г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Телефон редакции: (8-499)244-88-88 (доб. 556).

Почтовый адрес редакции: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

E-mail: lex-russica@yandex.ru

Объем: 16,97 усл.-печ.л. (12,77 а. л.), формат 60x84¹/₈. Тираж 150 экз. Дата выхода в свет 28.09.2018.

Редактор *М. В. Баукина.*

Корректор *А. Б. Рыбакова.*

Компьютерная верстка *Д. А. Беляков.*

Печать цифровая. Гарнитура «Calibri».

Типография Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN 1729-5920

Свободная цена.

Подписка на журнал возможна с любого месяца.

Распространяется через объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 11198.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Lex Russica» обязательна.

Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.